УТВЕРЖДЕНИЯ

AFFIRMATIONS. REVUE TRIMESTRIELLE

УТВЕРЖДЕНИЯ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТЕЧЕНИЙ

№ 3

ОКТЯБРЬ 1932

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЛОЖКА ХУДОЖНИКА В. Н. НИКОЛЬСКОГО.

В ПОРТФЕЛЕ РЕДАКЦИИ:

Статьи Н. А. Бердяева, Е. Ю. Скобцовой (Монахини Марии), В. Г. Жукова, Л. М. Котляревского, О. А. Сарматова, А. Н. Ремезова и др.

ОТ РЕДАКЦИИ

Утвержденцы — не политическая партия. Утвержденцем может быть и национал-максималист, и евразиец, и неонародник («новоградец») и даже устряловец, — не отказываясь ни от своей программы, ни от своей организации. В утвержденчестве сплетаются все отдельные пореволюционные тропинки, сливаясь в широкую торную дорогу.

Утвержденец, принадлежащий к любой самостоятельной группировке, отличается от других рядовых ее членов только тем, что не считает себя и свое течение единственным и монопольным носителем абсолютной истины, равно-обязательной для всех людей пореволюционного сознания. Для утвержденца его правда — лишь часть (ему наиболее близкая) той **общей для всех истины,** которая заложена в великой и многообразной Российской Идее. Для утвержденца его истина и истина его «идеологических соседей» не взаимоисключающи, а взаимно дополняют друг друга. Преодолевая свое **частное** ради **общего** — он признает настоятельную необходимость оформления единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в отъединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций.

Таким образом утвержденчество есть прежде всего стремление к сочетанию и сосредоточению усилий ныне разрозненно-ищущих пореволюционных направлений.

Утвержденцы, конечно, вполне отдают себе отчет в чрезвычайной трудности (чтобы не сказать: непосильности) лежащей на них задачи: «формулировки Российской Исторической Идеи в ее проэкции на современность» («Утверждения» № 1). Ибо они видят незавершенность всех до сего времени произведенных опытов; сознают, что все наспех сколоченные

системы — еще далеки от того всеобъемлющего нового, социального христианского мировоззрения, которому суждено определить собою грядущую эпоху истории человечества.

...Истинный утвержденец — всегда противник «партийного шовинизма»; он знает, что почти все новые объединения по своему людскому составу слеплены пока еще «на черно»; что целый ряд деятелей попал именно в данную, а не в другую организацию — случайно, по условиям времени и места; что много еще предстоит всяческих переделов.

Ставя своею целью идеологическое объединение пореволюционных течений — мы предостерегаем свою молодежь от одного из весьма развитых в эмиграции (особенно в дореволюционной ее части) методов размножения организаций: не по способу «почкования», а по способу «деления». Это только распыляет силы, а **задача времени — всемерное их средоточие.** Мы допускаем, что бывают случаи, когда размежевание и уточнение взаимо-позиций действует благотворно: тогда, когда оно совершается для дальнейшей, более целесообразной координации самоопределившихся сил; но оно вредно и недопустимо, когда ведет к самозамыканию в атмосфере секты — атмосфере по своему характеру наиболее дореволюционной.

Чтобы все наши размежевания были жизненосны, надо прежде всего совместными усилиями «вынести за скобки» все то общее, что у нас имеется (а его не мало), утвердить роднящую всех нас историческую интуицию, совместно сформулировать хотя-бы краткий пореволюционный «символ веры». Только при таких условиях эти наши «переделы» станут бродилом творчества, а не разрушения.

Надо выявить общие многим из нас ошибки, не бояться открытой, творческой самокритики. Пусть противники радуются обнажившимся нашим ранам: свет и чистый воздух — лучшее лечебное средство.

Раз новая, надвигающаяся эпоха — действительно эра синтеза, как мы все в это верим, — мы должны начать в первую очередь с самоперевоспитания, — должны укрепить в своей среде дух содружества и сотрудничества — если хотим быть участниками грядущих событий, а не бездейственными их созерцателями.

Исходя из этих соображений утвержденцы горячо приветствуют всех застрельщиков новых веяний во внутри-партийной практике молодых группировок; приветствуют стремление направить свои коллективы по пути «концентрического», а не «эксцентрического» действия. Тех, которые поняли, что в самой идее пореволюционности уже заложены принципы строительства, организации и объединения — а не разделения, дезорганизации и разрушения.

И все же в первую очередь мы обращаемся не к «организованным»: сейчас существенно не их (ими или за них уже предрешенное) отношение к поднятым нами вопросам. Наибольшее значение для успеха **движения в целом** будет иметь та еще «не самоопределившаяся» среда, та масса ищущей молодежи, для которой все эти вопросы — не игра политических карьер в эмигрантском масштабе, а нечто неизмеримо более важное, заветное, первоосновное.

Успех «Утверждений» и вызванный журналом отклик в среде молодой смены, действенная поддержка, оказанная молодежью нашему начинанию — доказывают правильность взятой нами с самого начала **надпартийной** «генеральной линии».

Создавшиеся на местах кружки утвержденцев, в которых дружно сотрудничают и совместно ищут представители различных пореволюционных течений — залог дальнейшего успеха объединительных тенденций. Наш журнал стремится подать пример: нет ни одного такого пореволюционного органа печати, у которого не было-бы общих с «Утверждениями» сотрудников и на наших страницах обсуждаются проблемы современности под весьма **различными** углами зрения. Мы стремимся создать из журнала ту реторту, в которой начнут впервые **свободно и гармонически** сочетаться основные элементы пореволюционного миросозерцания. Так называемую «чистую политику» мы выделили в настоящей книге в особый дискуссионный отдел, в котором пытались так собрать тезы и антитезы, чтобы дать возможность читателям **самим** разобраться во многих, ныне столь запутанных, вопросах. Мы еще раз подчеркиваем стремление журнала: не столько убедить в чем-либо свою «читательскую общину», сколько облегчить ей возможность самостоятельного и сознательного выбора пути.

Мы хотели-бы, чтобы национал-максималист и «младоросс», неонародник и евразиец, «имперец» и «неодемократ» в равной степени считали-бы «Утверждения» своим органом. А когда утвердится идейное единство — до организационной федерации останется только один шаг.

...Нас несколько раз спрашивали о том, в какой степени Редакция берет на себя ответственность за печатаемый ею матерьял. **Наш журнал — орган широкой концентрации.** Мнения каждого из сотрудников естественно совпадают во многом с основной линией журнала, выраженной в редакционных статьях; но кое-в-чем иногда с нею и расходятся.

То, что не сходится с нашими основными положениями — утверждается каждым сотрудником, как личное его мнение.

В пределах широких пореволюционных установок мы стремимся оградить возможно большую свободу суждений, как лучшую гарантию творческих возможностей для наших исканий. Однако нам нередко присылают и такие статьи, в которых хотя и выдвинуты новые или интересные положения, — но все-же содержатся и оценки, слишком уж выходящие за намеченные нами рубежи. Для таких статей введен, начиная с настоящей книги, особый отдел, в котором они, при наличии достаточного места, и будут помещаться «в порядке обсуждения».

...Нас многие склонны осуждать за то, что мы «живем в будущем», недостаточно сосредоточены на настоящем. Наша устремленность в будущее — конечно, факт; она отчасти обусловлена так сказать «биологически»: журнал поддерживается почти исключительно молодежью. Разве не естественнее ей жить порывом в будущее, чем цепляясь за прошлое?

Но есть и другие соображения, оправдывающие такое положение вещей. Если-бы вопрос «о захвате власти в России» ставился сейчас, немедленно — можно и нужно было-бы может быть говорить о проблемах исключительно актуальных — хотя в таких условиях сегоднешний день требует обычно уже не рассуждений, а действий, притом не «с кондачка», а логически вытекающих из **заранее продуманных** основоположений. Но ведь мы еще не знаем «времен и сроков» — и они едва-ли так непосредственно близки сейчас. Как-же можно готовиться к грядущему **заранее,** если всякая творческая мысль о будущем

клеймится, как «футуризм»?

При всех условиях мы должны помнить, что история **движется,** что ритм эпохи ныне ускорен до предела, — и что тот, кто поглощен проблемами сегоднешнего дня часто оказывается способным их разрешить лишь тогда, когда они, незаметно для него, уже стали проблемами дня вчерашнего.

Пореволюционная установка, установка на **«завтра»,** помогает нашей молодежи еще в другом: она достаточно четко отграничивает ее от мировоззрений дореволюционного и революционного периода — позволяя притом вбирать в свою идейную конструкцию все то положительное, творческое и вечное, что наличествовало в обоих зигзагах культурно-исторического становления великой семьи российских народов. Именно благодаря этой полной «свободе выбора» едва-ли особенно заблуждаются пореволюционные молодые, когда утверждают: не национал-монархисты, а **мы** понесем хоругвь российского мессианского призвания; не крупно- и мелко-буржуазные группы, а **мы** подымем знамя свободы и нового права; не мелкосоциалистические партии, а **мы** утвердим социальную правду и справедливость; не коммунисты, а **мы** окончательно выпрямим искривленную линию российского национально-исторического развития; не они, а **мы** завершим революцию, ибо на нас, молодых, лежит великая миссия — открыть для России одну из красивейших страниц ее истории...

...Нас осуждают еще за перевес идеологического начала над программным. Мы полагаем, что в условиях **данного этапа** развития нашей Идеи, итти на ее вульгаризацию — значит не только убить Идею религиозно и морально, — но и подорвать возможность правильного, органического ее развития в России. Итти туда с преждевременно-сниженной конструкцией, — что на охоту с ружьем, заряженным уже выстреленным патроном...

Мы думаем, что составлять за границей подробные программы — в лучшем случае наивно. Здесь возможно лишь довольно своеобразное положение, при котором надлежит сочетать только: **идеологию** (как цель) и **тактику** (как путь). Мы живем в исключительно-динамическую эпоху — и программа, как нечто одновременно мало-подвижное и сниженное наименее нужна в своем прежнем, дореволюционно-устойчивом смы-

сле. Вот почему теперь жизненно лишь сочетание незыблемой, вечной идеологии — с крайне подвижными, чисто-тактическими и кратковременными программами-минимум.

До революции реализм был всегда синонимом минимализма, а максимализм — нереальности. Пореволюционный синтез должен будет спаять и это расщепленное в прошлом единство. По формуле Бердяева: «исторически-действенным может быть лишь соединение максимализма идеи с большим реализмом в понимании действительности и гибкостью в способах осуществления идеи». Как раз на этих путях мы и видим сочетание данного с заданным, духовно-опьяняющей Российской Идеи с ее трезвой проэкцией на действительность.

...Представители дореволюционного мира упрекают нас за то, что мы все еще в стадии становления и искания — т.-е. за то, что мы непредвзято ко многому подходим, не признаем ничьих монополий на те или иные идеи, ищем новые формы, новые дороги.

Оговариваемся: мы сами не ко всякому виду исканий относимся одинаково сочувственно. Одни ищут — но боятся найти, боятся — найдя, быть обязанными принять решение; боятся — решив, взять на себя ответственность; некоторые даже любуются собственной нерешительностью, находя в ней чуть-ли не признак «превосходства над толпой». Такой «буриданизм» — явление, увы, достаточно распространенное в эмиграции, особенно среди начинающих поэтов и писателей. Такое «искание» мы считаем не только бесполезным, но и вредным. К счастью, оно в пореволюционной среде встречается не часто.

Другие ищут лишь «для виду» — в душе они давно все «предрешили» (или все было предрешено за них); эти люди способны аргументировать только при помощи выкриков, вожаки руководить ими — при помощи окриков; они не прочь иногда прибегнуть и к рукоприкладству, «за ненахождением слов». С этой стороны нам грозит опасность худших форм опошления больших и высоких идей.

Наконец, третьи ищут столь-же может быть мучительно, сколь и первые — но ищут, чтобы найти; а найдя — мысль претворить в действие. Это и есть путь, которым должны итти люди пореволюционного мировоззрения.

Но всякое искание, чтобы быть целесообразным, должно быть как-то «ориентировано» — иначе оно распылится и станет беспредметным. **Искание должно быть созвучно социальному заказу истории.** И весь наш культурно-исторический «заряд», являясь с одной стороны **субъектом** динамики предстоящего периода — должен быть для нас самих одновременно еще и **объектом** самого внимательного и углубленного изучения.

Всякая ориентировка определяется **целью** движения. Наша цель установлена достаточно ясно: устроение нового социального уклада, одновременно анти-капиталистического и анти-коммунистического, на основах христианской правды.

Что-же касается области конкретного строительства новой жизни, — то здесь придется, разумеется, исходить из нынешнего советского государственного устройства, постепенно и последовательно внося в него поправки и коррективы, соответствующие нашим основным миросозерцательным установкам.

Надо-ли говорить, что первой из этих поправок должно явиться утверждение идеи **свободы?** И второй — корпоративно-кооперативного союзного государства?..

...Нас много раз допрашивали о нашем отношении к коммунистической власти (особо добросовестные критики склонны были считать его даже двусмысленным); некоторые задавали вопрос, с кем мы собственно ищем сближения — с современной Россией или ее властью? Ответим еще раз (если это только нужно): к коммунистической власти мы относимся **непримиримо** и сближения с современной Россией ищем «через голову как эмигрантщины, так и коммунистической опричнины».

Для людей пореволюционного сознания спор между «Россией белой» и Россией «красной» уже давно отошел в прошлое, в область истории — и наша непримиримость по отношению к комвласти исходит из совершенных иных, нежели у перво-эмигрантов, оснований. Наша позиция — вне или даже, правильнее сказать, **над** этим, ныне устарелым, спором. Мы сейчас революционно настроены по отношению к одним только коммунистам, — но это потому, что **лишь они одни** в настоящих условиях нам мешают и мешать способны.

...Некоторых эмигрантских молодых, недостаточно еще продумавших проблему, иногда пугает наше желание найти форму

воплощения наших построений именно в условиях **советской** жизни, построить аргументацию, могущую воздействовать на сознание молодых вузовцев, ударников и выдвиженцев. Неужели не ясно, что путь России — это как раз **путь от советской действительности к осуществленной Российской Идее?** Что иного пути и быть не может? И что не мы, а они будут призваны историей водрузить на стенах Кремля новые знамена?

Пусть то, что советская молодая смена **сейчас** исповедует, для нас неприемлемо. Для умеющих смотреть вперед важны не те мысли, которыя эта молодежь ныне **считает** своими; существенно знать, как и куда растет, какому солнцу навстречу раскрывается ее сознание. А в этой области сами собой напрашиваются скорее оптимистические прогнозы...

Действительно, стоит задуматься — можно-ли вполне признать «марксистами» тех ударников и комсомольцев, что выносят сейчас на своих плечах тяжесть пятилетки, что работают сразу в нескольких отраслях при 16-18 часовой нагрузке... Неужели их «бытие» определяет их сознание? Не видим-ли мы, как во имя своего сознания, своей идеи, они ломают «бытие»? Не утверждают-ли они тем самым безотчетно примат идей над интересами, духовного над матерьяльным? Как объяснить, что эти «матерьялисты» идут **умирать** за раскрепощение Индии, за китайскую свободу? Не потому-ли, что «защита всех угнетенных есть **национальная** миссия России?». И не есть-ли охвативший Россию строительный порыв — только бессознательное преддверие еще не проясненного мессианского служения?..

...Эмиграция в целом — за бортом исторического процесса. Единицы из ее среды стремятся не выпасть из темпа эпохи, итти в ногу с «державным шагом» нашей страны, судьбою брошенной в будущее. Но для нас этого мало: мы призваны быть идеологическим авангардом, мы должны ставить новые вехи на путях Истории, — быть действительно людьми России грядущего дня... Это трудно? Невыполнимо? Быть может...

Но это и есть тяжкий и радостный, тернистый и ответственный путь утвержденчества.

Париж. Апрель 1932 г.

О РУССКОМ МЕССИАНСТВЕ

Слово «мессианство» (мессианизм) слишком часто употребляется за последнее время, как имя нарицательное. Как будто мессианизм возможен вне Мессии — Христа Иисуса. При таком, слишком уж широком толковании, приходится отличать истинный его смысл от ложного, пояснять то, что должно-бы пониматься без пояснения. Приходится теперь делать различие между мессианством и лже-мессианством; первое Христово — а другое антихристово; одно от Бога — а другое от Люцифера. Дух тьмы, дух сатанинской слепоты и косности—в гордости человеческой. Он вечно строит новые вавилонские башни; он пытается сотворить нового бога, создавая лишь новые кумиры.

Дух Святый — в смирении человека перед Богом предвечным, в любви к Нему, в дерзновенном восхождении к истинному Свету. Те, которые думают, что народ наш богоносец в смысле несения в недрах своих некоего «нового бога» грядущего на смену от начала сущего Христа—тяжко заблуждаются.

Но чуткие души и ясно видящие очи знают и видят, что народ наш воистину в глубине сердца носит истинного Бога — Светлого Христа. В этом единственном смысле существует русское мессианское задание — ибо **уже пройден** человечеством этап божественного воплощения.

И тут естественно возникает вопрос — возможен-ли ныне вообще **христианский** мессианизм — раз Христос есть единый истинный Мессия?

«Верующий в Меня — дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (И. 14. 12). «Узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне и Я в вас» (И. 14. 20). «Как Отец послал Меня в мир, так и Я посылаю их в мир» (И. 17. 18). «Побеждающего сделаю столпом во храме Бога Моего... и на-

пишу на нем... Имя Мое новое» (Ап. 3. 12). Истинный и единый Мессия — Христос — открыл имя Бога людям и люди узнали, что должны именовать Бога — **Отцом**. Так открылась новая эра, ибо новая эра открывается тогда, когда люди узнают **новое** имя вечного Бога.

«Огонь пришел Я низвесть на **землю**; и как бы Я желал, чтобы он уже возгорелся» (И. 19. 10). «Сын Человеческий, пришед, найдет ли веру **на земле**?» (Л. 18. 8). Конечно, Сын Человеческий, пришед, найдет веру в Церкви своей, в царстве Божием; это царство небесное — внутри чистого человеческого сердца. Святой огонь горит неугасимо в сердцах истинных детей Божиих. Но что значит, что святой огонь должен возгореться **на земле**? Что значит, что Он желал-бы найти веру именно **на земле** во пришествии своем? Не то ли, чтобы была проведена, воплощена **на земле**, в матерьяльной жизни Христова Правда, правда Царствия Божия — пусть хоть неполно — та правда, которую надо искать прежде всего?

И вот глубоко в подсознании русского народа лежит непоколебимая вера в свое мессианское призвание, ощущение себя сосудом, вмещающем Мессию-Христа, направленность воли к несению Креста Его. В древних сказаниях, в былевом эпосе народ нарекает себя Святою Русью. Не великою, как Британия, не прекрасною, как Франция, но **святою**, этим принимая на себя подвиг служения и жертвы. Любимый богатырь Илья Муромец крестьянский сын получил свою силу от самого Христа, пришедшего к нему во образе нищего.

Позднее складывается сказание о Москве — Третьем Риме, хранительнице единственного в мире подлинно-православного христианства. Курбский в письме к Иоанну называет Москву — Новым Израилем, т.-е. народом избранным. Еще позднее, не приняв до конца в сердце свое светское государство, народ ищет таинственного, светлого Китежа, где укрылась правда Божия.

Принятие огня святой любви, стремление осуществить в обыденной трудовой жизни Христову правду мы видели в движении духоборов, неплюевцев, толстовцев, трезвенников «братцев» Чурикова, Колоскова...

Тургенев видел Христа во образе смиренного русского мужика. Воплощение христианской морали в повседневной жизни мы видим в типах смиренных подвижников Достоевского.

Из глубины исторического прошлого рождается наименование основного, близкого к земле, слоя населения **крестьянами** — людьми, несущими крест.

И ныне более, чем когда либо жив «русский Бог» — Христос Иисус — в народе, принимающем огненное крещение, пьющим чашу горьких мук. Теперь, во время гонений на веру — очищается сердце народное. Ангел, данный Святым Провидением, ведет его неуклонно к заветной цели.

Так служители древнего змия, «мертвой» материи, дробя тяжким молотом стекло внешнего благолепия, куют булат истинной, действенной веры. В испытаниях закаляются сильные души. И фанатики нигилизма совершают то доброе, которого не хотят, и не могут совершать до конца того зла, которого жаждут. Они не свободны лишить света народную глубину.

Философы и мыслители умом улавливают светлый образ русского мессианского призвания; поэты и художники чуют его сердцем, облекают его в краски и звуки; народ же наш молчаливо свершает повседневный подвиг труда, веры и затаенной молитвы; но великое дело назревает в тишине и смирении его. Быть может недалек тот час, когда подлинный, светлый лик нашего народа явится миру в победной красоте и славе. Не за тем, чтобы властвовать, но чтобы радовать других, чтобы служить человечеству во имя Христово.

Н. Филиппов.

ПУТИ ИСТОРИИ

История человечества имеет смысл, она не цепь случайностей. Путь ее до Христа в подготовке к этому Единому Событию — каждый народ и эпоха как отдельные слога и буквы единого слова: Мессия. Путь истории после Голгофы есть вживание, осознание и осуществление — каждый народ и эпоха слагают новое слово: Христианство. Сейчас путь этот не закончен и слово окончательно еще не сложено.

В этой перспективе в сущности каждая народная миссия является в большей или меньшей степени соучастницей общего мессианского или христианского процесса. Как в оркестре каждый инструмент имеет свое назначение, хотя бы и самое скромное, так и народы в симфонии истории. В прошлом с мессианством особенно был связан тот народ, который дал плоть Мессии и, как народ, жил ожиданием его прихода. То, что в других народах было святыней их эзотерики, жило в иудаизме в сознании общенародном.

В свете современности все яснее становится неразрывная связь мессианского процесса с другим народом, стремящимся поднять выпавший из рук Израиля факел: с Россией. Но каким может быть смысл «мессианства» после пришествия Мессии; где правда **такого** ощущения миссии нашего народа; что заложено в расе, определяющей себя «Словом» (славянство), в народной массе, определившей себя несением Креста (крестьянство)?

Только в сказках можно говорить о будущем, не опираясь на настоящее. Нашему времени этот язык не понятен — легенда о Парсифале его не научит. Чтобы понять, чтобы выследить будущее — надо искать его завязи уже здесь в настоящем. Наша задача всмотреться в сей час, найти в нашем времени и отслоить элементы настоящего, прошлого, будущего. Важны не повторяющиеся столкновения интересов, страстей и

эмоций, не то что сменяются мир и война и что сами культуры восходят и распадаются, а важно то, что является **новым** в сочетании элементов, в мотивах событий. Важно видеть историю в целом. Человечество, как и человек, имеет свою биографию; она протекает внутри закономерной смены этапов (ребенок, юноша, муж, старец...). Есть моменты симптоматичные, как для этапов, так и для индивидуальных изгибов линии жизни. Но внешняя история человечества нам известна лишь в небольшом отрезке нескольких тысячелетий, — да и тут мы проэцируем наши понятия и состояние сознания на прошлое, что заставляет значительную часть дошедшего до нас откидывать в категорию мифов и рассматривать, как «наивность», а не «инакость» наших предков.

Становление человека и человечества можно рассматривать с точки зрения наростания сознания. До известной ступени сознания мы не можем говорить о свободѣ, о том, что судьба его в руках человека, что история в руках человечества. Размеры статьи не позволяют мне коснуться до-христианских циклов этого наростания — можно лишь указать, что ко времени Пришествия мысль человеческая показала себя еще неспособной принять тайну Христианства (это относится к миру в целом, а не к отдельным индивидуальностям). В ересях множились преломления истины и от этих зигзагов мысли церкви спасли свою паству в догматике; — христианство ушло вглубь сердец и в них проростало. Праздная мысль в отлучении ее от духовных вопросов, в изгнании на землю, обратилась к природе. С ренессанса начинается в подлинном смысле история запада. В. Н. Никольский [1]) во многом прав указывая на то, что характер запада определяется именно с этого времени, тогда как церковный период его истории является переходной стадией, под сильным влиянием и опекой востока. Восток — колыбель человечества; как над каждой колыбелью над ним склоняются и блюдут его Силы Небесные. Наше прошлое одухотвореннее настоящего, мы можем назвать восток родиной нашего духа. Даже и на природу смотрел тогда человек через призму духа, и духовным сознанием видел в ней — «сквозь нее»

---

1) «Утверждения» № 2, стр. 39-53.

— духов природы, борьбу духов рождения и смерти, света и тьмы. «Мир во зле лежит» — и человек видел в нем враждебные силы. В человеке вставала тяга **прочь** от земли, обратно в тот мир, откуда пришел он — назад в прошлое догреховное состояние, в рай. Но там, где жизнь — там два противоборствующих течения. И течение прочь от земли сталкивалось с другим, ведшим к погружению жизни в телесность, к востанию нашему в землю. Пришествие Спасителя — помощь, оказанная **извне** человечеству — осуществление чаяний всех мистерий — явилось рубежом: первое течение, уносившееся в прошлое (прочь от земли) сменилось устремлением в будущее (к преображению павшей природы); второе течение — погружение духа в телесность — привело к одухотворению плоти. В итоги человечество стоит в узле трех путей, из которых только один правомерен: 1) Бегство от плоти, — назад в рай; этот атавизм есть опасность востока. 2) Продолжение погружения в телесность — движение по инерции, механизация; — опасность запада. 3) Одухотворение души и одушевление духа, как начало искупления (путь, заданный России).

История двигалась с востока на запад: Индия, Персия, Вавилон, Египет, Греция, Рим; при этом она из географически локализированной, пространственно расширялась. Свет шел с востока. Теперь мы стоим на переломе истории Европы; — в ней самой есть свой центр, свой восток и свой запад; и свет возвращается к востоку.

История Европы протекает во времени **после** Пришествия. В ней есть воля к земле, но на пути своем она потеряла в современном сознании живую связь и с природой, и с реальным духовным миром. Это дает совершенно новые условия развития, еще не бывшие, а вместе с тем дает и возможность новых, еще не бывалых, осуществлений. В наше время ребром поставлен вопрос о свободе, от его разрешения индивидуального и исторического будет зависеть наше индивидуальное и историческое будущее. В Индии говорили, что телесность дает нам иллюзию — «майа»; мы свободны вырваться из нее, возвращаясь к реальности духовного мира, т.-е. утверждалась свобода выбора. Теперь же современное состояние сознания дает нам двусто-

ранее ощущение иллюзии; и чувственный мир — иллюзия, «майа», — и мысленный мир — иллюзия, «идеологическая надстройка», абстракция; реальность осталась в одной только точке — «самоощущения». Всякая реальность действует на нас обязывающе; человек, окруженный сверху и снизу иллюзорностью, определяется единственно своей собственной реальностью. Никогда еще человечество не было в таких совершенных условиях для собственного самоопределения. Перед нами стоит задача не свободы выбора, как было прежде, а свободы самоосуществления. Все предыдущее можно рассматривать, как усвоение реальности, «усвоение» в смысле делания ее своею, восприятия ее «внутрь себя» — ведь и «Царствие Божие внутрь вас есть». Осуществление человеческой самости завершается лишь в истинном самосознании. Проблема индивидуальности и свободы стала проблемой истории. В ней узел судьбы нашей эпохи. От разрешения нами этого вопроса зависит будущее.

Фауст Гете в этом отношении есть подлинное симптоматологическое явление нашей культуры, в нем вскрывается и ее грех: подмена Логоса — Силой, ведущей к насилию. Исторически поставленные нам условия, в случае неразрешения нами проблемы, не оставят нас в до-свободном состоянии рабов Божьих, но приведут в состояние пленников вражеских сил — рабочих автоматов бездушной разумности.

Час России наступит. История перед концом своим не может не стать всемирной, точней всеземной. Азия и Америка войдут в нее и центром земли между духовным «западом» и «востоком» будет Россия. Ее миссией будет — впитав все достижения настоящего цикла — создать из них семя будущего, пронести его сквозь «войну всех против всех» и дать начало новому дню человечества. «Мессия грядущего дня» называет ее Андрей Белый. Но этот новый день не будет похожим на наш; в нас и вне нас все будет иное... Я думаю, что в час Европы задача России — принять христианское знание о мире духовном в масштабе исторического народного события, как приняли древние германцы религию. В свой час, на почве добытых Европой Свободы и Знания, найти новую форму, **Жизнь** — является будущей задачей России. Одаренность ее в этой обла-

сти есть характерная черта всей русской истории. Нигде на западе мы не видим такой пластичности, такой возможности оформлять жизнь во всем ее объеме из той «правды», которая живет в человеке; какая бы ни была «правда», всякая из них и даже самая фантастическая осуществляется. — В этом талант данный свыше России, — и как расточительно она с ним обращается! Подлинное строительство жизни может быть только на Истине, — она же приходит к каждому лично в отдельном и одиноком его Пути. Предвосхищение, а особенно материалистическое искажение Соборности даст только стадо, стихийное растворение, массовую одержимость, а не мессианское служение. Светлое будущее России **возможно,** но оно зависит от нас в настоящем. Если наше время не примет в сознание нового синтеза знания и духа, то талант к благолепию и творчеству жизни не сможет найти применения. Мессианизм России есть **«жизнь» — осуществление христианского строя;** его трудно будет реализовать, если не будет осуществлен мессианский этап Центральной Европы — осуществление свободной **индивидуальности** на основе познания **Истины;** — как нельзя бы было придти к Истине без **Пути.** Для нас Путь, Истина, Жизнь — суть предуказанные три этапа, на которых человечество становится христианским.

Еще раз обратимся к нашему времени; мы имеем разлад между знаньем и верой и разлад между личностью и государством: в двух различных планах мы имеем человека раздвоенного, будто правая сторона его в нем борется с левой. Это общее положение Европы, которое, конечно, касается и всякого русского человека. Но на дне русской души иная проблема. Сказано: «Побеждающего сделаю (будущее время) столпом в храме моем и он уже не выйдет вон; и напишу на нем **имя** Бога моего и **имя** града Бога моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога моего, и **имя мое новое»** (Апокалипсис гл. 3). Имя, слово и слава связаны с ней; славянство, имяславство — связаны с Россией. Россия будущего не новый Иерусалим, но **имя его** будет вписано в сердце ее, она будет семя и предвозвестник нового дня.

Н. Тургенева.

ДВА МЕССИАНИЗМА

Мне хочется верить, что читатели — и, в частности, критики — отнесутся честно к настоящей статье. Она полна соблазнов для всякого, кто захочет, выхватив из нее произвольно несколько строк, демагогически их использовать. Я-бы не хотел, чтобы критика упростила проблему двух мессианизмов, сведя ее к третьестепенной теме о русско-еврейских отношениях. Ставится проблема исключительно в плане **духовном** — и все ее отражения в жизни приведены здесь лишь как **пособие** к лучшему пониманию тех духовных процессов, столкновение коих и определяет нашу «катастрофическую» эпоху.

Должен еще предварить, что я не претендую на полную объективность: я — христианин и оценка моя основана на христианском мироощущении; поэтому целая категория вопросов мною разрешается не аргументами, а утверждениями.

«...Существуют укоренившиеся нелепости. К числу таковых принадлежит безграмотное и бессмысленное смешение понятий **мессианизм** и **миссионизм.** Те, что совершают это смешение, полагают, что всякая миссия народа есть его мессианское призвание, а отрицание мессианства за каким-либо народом — есть отрицание какой-бы то ни было его исторической миссии. Нелепость эта настолько укоренилась, что прежде, чем говорить о русском мессианском призвании, каждый вынужден напомнить, что Мессия и миссия — не одно и то же...». Так начала свою прекрасную статью Е. Ю. Скобцова во второй книге нашего журнала.

К ее замечанию можно только присоединиться — но и попытаться найти, хотя-бы и неполное, определение этих понятий.

Миссионизм (миссионерство) едва-ли требует особого пояснения. Сложнее — с мессианизмом (мессианством): по сие

время в этой области не было еще дано бесспорной и окончательной формулировки.

Тема о после-христианском мессианстве вообще поставлена сравнительно недавно: сотню лет тому назад этим термином пользовались лишь в качестве аналогии с израильским избранничеством; «отчетливое выражение мессианизма мы находим (кроме иудейства) только в новейшие времена», пишет Влад. Соловьев и далее дает... чисто миссионистическую трактовку этого понятия.

Мне думается, что уже теперь точно определить христианское мессианство было-бы, быть может, и преждевременно. Как мессианство до-христианское от начала времен до Первого Пришествия складывалось лишь постепенно, медленно нарастало и конкретизировалось — так и мессианизм христианский ныне далеко еще не раскрыт и мессианское сознание христианского мира еще не созрело. Оно — в становлении, и русская мысль, как всегда одна из первых, дерзновенно подходит к запретным граням...

Я конечно далек от мысли дать новые или исчерпывающие определения. Настоящая статья (популярный конспект более обширной работы на ту-же тему) — лишь **матерьял** для тех, кто со временем посвятит себя этой проблеме.

...Надлежит всегда помнить: «мессианизм» — термин сугубо-условный, всего лишь производный от «Мессия», каковое Имя, со времен Спасителя, для христианина уже не является нарицательным. Отсюда вытекает, что для христиан и «мессианизм народа» (термин в еще большей степени условный и производный) может означать лишь его **связанность с путями Христа;** не только ожидание Мессии (иудаизм) — но и следование за Ним (христианство).

Я полагаю, что мессианское сознание есть прежде всего **напряженное ожидание Богоявления в Истории** — но ожидание не бездейственное, а так сказать «активное», связанное с волевым духовным стремлением к **ускорению** этого события. «Да приидет царствие Твое» — вот, в словах молитвы Господней, наиболее полно выраженное мессианское чаяние. С другой стороны думается, что мессианское сознание должно ждать **особого** Богоявления: Богоявления, как **разрешающего** момента

истории мира — и в этом отношении действительно-мессианское сознание не может не быть **апокалиптично.** [1]) Наконец, мессианское чаяние жаждет **преображения мира,** явления «нового неба и новой земли», — притом, кажется мне, не как некоего **одностороннего чуда,** а еще и как творческого порыва человечества **навстречу** «паки грядущему» Мессии...

Люди, утверждающие примат духа над материей не могут рассматривать Историю иначе, как процесс прежде всего **духовный,** осмысленный и целесообразный. Для христианина, кроме того, этот духовный (исторический) процесс не может не быть обусловлен и так или иначе тесно связан с **путями Христа.** Постепенное «приближение Христа к земле» до Его воплощения определяло собою (в форме различных религиозных предчувствий) до-христианскую духовную историю мира; после-голгофский путь Христа «от земли» (и связанное с этим путем «следование земли за Христом») должно будет определить собою вторую часть мировой истории — «до конца времен».

Таким образом весь путь Христов, от Начала и до Конца, т.-е. весь **мессианистический процесс** — есть как-бы «духовная магистраль» мировой истории и Первое Пришествие — ее центральный момент. Для духоверческого миросозерцания мессианистический процесс — еще и некий **первоисточник** всякого динамизма в истории, как духовного, так и обусловливаемого им — динамизма матерьяльного. Все исторические движения в мире, при такой концепции, гармонически входят в некий стройный «божественный план», не столько предрешающий эти движения, сколько их **предвидящий;** свободная человеческая воля может ускорить или замедлить те или иные процессы, может на какой-то срок отвести их в сторону от первоосновной «духовной магистрали», но в нужный момент некая «равнодействующая», при помощи какого-нибудь на первый

---

[1]) Первое пришествие Спасителя еще не завершило задания, ибо возвещенный конец мира («эсхатологический момент») снова оказался отодвинутым за пределы видимого исторического горизонта.

взгляд непредвиденного процесса, все равно «выпрямит» искривленную линию человеческого пути... [2])

...Мессианизм библейский был тесно связан с одним определенным народом, считавшим себя «народом Божиим». Но христианству чужда идея предизбранности: для христиан мессианский путь — и прежде, и теперь — в равной степени задан всем народам, в пределе — всему человечеству. Божественное всеведение лишь **провидело** преимущественную роль одних народов перед другими в деле осуществления предсказанного. Ибо лишь **встречный** порыв народа к Богу, лишь степень **остроты** мессианского сознания создают «духовную географию мира» — размещая одни народы в самом русле мессианистической «магистрали» — и отводя другие на далекую периферию духовной жизни человечества. [3])

Приближение Христа к земле проэцировалось на духовное сознание многих до-христианских народов. С разной степенью остроты, в разных формах — но ожидание Искупителя проходит характерной чертой через ряд древних религий (Адонис в Малой Азии, Дионис в Греции, Озирис в Египте, Митра в Персии и т. д.). Многие духовные учителя человечества явились до известной степени как-бы «предтечами» Хри-

---

[2]) Когда нибудь в ином месте надо будет коснуться и другого вопроса, с проблемой «божественного плана» связанного: вопроса о личной ответственности человека-деятеля. Часто действия отдельного человека могут быть ему продиктованы самыми лучшими побуждениями («субъективный плюс»), но в плане историческом — явиться действиями вредными («объективный минус»); возможен и обратный случай, когда человек сознательно творит злое дело — но в историческом плане это субъективное зло обращается на служение конечному объективному благу. Личная ответственность человека может зависеть исключительно от его субъективных побуждений. Когда-же мы судим об историческом процессе — мы должны судить о нем объективно, не перенося на эту оценку свое отношение к людям, этот процесс собою определявшим.

[3]) Следует при этом помнить, что с христианской точки зрения подобная «география» не состоит из **неподвижных** материков: народ, удостоившийся особо-ответственного места и не оправдавший возложенной на него миссии — должен уступить свое место другому. Так уже случилось с Израилем; так случится и с Россией, если она окажется не на высоте своего призвания.

ста.[4]) Это предчувствие приближения Спасителя было особенно остро в народе Израильском: набатным колоколом звучал голос библейских пророков; подымавшийся с земли страстный призыв к Боговоплощению был услышан. Израиль стал колыбелью Спасителя мира.

«Следование земли за Христом», воля к преображению мира, т.-е. по-христианский этап мессианистического процесса — также находит различные отражения в религиозных сознаниях народов, определяющих собой историю последних двух тысячелетий. И как в до-христианский период все мессианские чаяния нашли свое наиболее полное завершение в мессианизме израильском — так и теперь различные «проэкции» христианского мессианизма (романо-германская, польская и др.) в наиболее последовательной и законченной форме выражены в мессианском характере крестного пути России.

Однако надлежит утвердить, что мессианизм русский и мессианизм израильский суть две вполне **самостоятельные** проэкции на разные религиозные сознания **единой** духовной заданности. Все толки о какой-то «духовной преемственности» между ними должны быть отвергнуты. Если можно говорить о какой-бы то ни было преемственности — то только в плане историческом, т.-е. о преемственности хронологической. В основном-же перед нами два независимых варианта, отличающиеся друг от друга: 1) различностью заданий (до и после воплощения Христа) 2) различностью национальных сознаний, на которые задание проэцировалось.

Если можно говорить теоретически об «идеальном исполнении» мессианского задания человечеством — то таковым явилось-бы приятие Израилем Христова Учения непосредственно после Голгофы; Израиль действительно стал-бы тогда для людей «народом-мессией», повел-бы за собой человечество по путям Христовым — и Второе Пришествие завершило-бы историю мира. Однако — «этого не случилось»; Израиль не понял

---

[4]) Не следует все-же забывать основное различие между этими формами предчувствия Христа — и Христом реальным. До-христианские праобразы Искупителя шли на страдание **против своей воли. Добровольная жертва** Бога-Человека — новое слово и Новый Завет, данные миру Христом Иисусом.

и не принял Христа; в «духовной географии мира» начались оползни, смещения материков...

Возникает первостепенного значения вопрос: а что если весь характер древне-еврейского, библейского мессианизма до известной степени как-бы **предрешал** такую неудачу?

На такой вопрос должен последовать неизбежно утвердительный ответ.

В иудаистической концепции мессианизма были такие моменты, которые наложили свой отпечаток на **весь** душевный строй народа израильского и требовали для своего преодоления почти сверх-человеческих сил.

Каковы-же характерные черты иудаистического мессиаанизма?

Прежде всего — сознание некоей **исключительности,** своеобразный **эгоцентризм;** у иудеев не было идеи Бога **вселенского** — Яхве, Иегова не был «Богом всех народов»; а если им и стал-бы— то лишь поскольку эти народы пошли-бы за «избранным народом». Иудеям было, кроме того, свойственно глубочайшее ощущение **первородства** («благословен Бог Израиля, избравший нас между всеми народами земли»); они воспринимали свой мессианизм не как Богопосланничество миру — а как Богоизбранность, не как **долг,** а как **право.** Второй характерной чертой иудаистического мессианизма следует признать то обстоятельство, что Израиль ждал **царства земного;** Мессия жил в народном сознании не как вселенский Искупитель — а как, хотя и обещанный Богом, — но царь земной и царь **национальный,** — освободитель «народа Божия», покоритель всех «врагов и супостатов». «Царство Мое не от мира сего» не могло не явиться страшнейшим разочарованием: все иудаистическое мессианское сознание было тесно связано с **землей,** с **материей,** с мечтой об овладении **матерьяльным миром.**

Можно думать, что именно эти два характерных момента — эгоцентризм и привязанность к материи — не будучи духовно преодоленными, и стали причинами незавершенности иудаистического мессианизма.

В первый, до-христианский этап мессианского процесса. привязанность Израиля к земле **не являлась отрицательным**

фактором — нельзя забывать, что этот этап (Боговоплощение) и должен был быть, так сказать, этапом «почти-матерьяльным».

Но осуществив исходную данность — Израиль оказался не на высоте **заданности;** веками выработанная матерьяльная мессианистическая инерция слишком стремительно развивалась «по земле» — она не смогла от земли оторваться; переключиться из плана матерьяльного — в **план духовный.** [5])

С отвержением Христа иудаистический мессианизм потерял благодатность — и **объективно** остался только мИссионизмом, хотя и воспринимаемым **субъективно** иудейским религиозным сознанием, как мЕссианизм еще не осуществленный. Но динамика так и осталась в плане матерьяльном по преимуществу, не получив естественного своего разряда.

Характерно, что за последние века средоточие «моторных» сил еврейского народа постепенно все более и более перемещается от еврейства религиозного — к еврейству безрелигиозному. Оно, в сущности, и естественно: движущая сила уже не могла пополняться из истинного источника — «форма» жила в отрыве от своего духовного содержания. Новое «ведущее» ядро еврейства, уже считавшее себя индифферентным, безрелигиозным — само не отдавало себе отчета в **метафизическом происхождении своей динамичности:** не сознавало, что в нем продолжала действовать веками накопленная и не разрешившаяся мессианская инерция.

Совершенно естественно, что безблагодатный иудаизм последних веков, лишенный помощи «сверху» — **завершил цикл,**

---

[5]) «...Они искали единения с Богом посредством внешнего условного соглашения, а не посредством внутреннего обожения крестным опытом, чрез нравственный подвиг, чрез самоотречение личное и национальное. Но этот удивительный путь, ведущий к цели через удаление от нее, совершенно непонятен большей части иудеев, стремившихся прямо и поскорее к окончатльному результату. Их напряженное самочувствие восставало против христианского самоотречения, их привязанность к матерьяльной жизни не вмещала христианского аскетизма; их практический ум не мог примирить этого видимого противоречия между целью и средством; они не могли понять, каким образом вольное страдание ведет к блаженству, каким образом умерщвление тела служит к его восстановлению, каким образом отречение от личных и народных интересов доставляет полноту личной и национальной жизни» (Влад. Соловьев. Еврейство и христианский вопрос).

переключив свою устремленность из плана матерьяльного — в план **матерьялистический.**

Столетиями сосредоточенная сила разлилась по поверхности земли и завоевания ее действительно громадны. Она не только завоевала — она и заразила, душевно «иудаизировала» многие народы; современный **воинствующий** («почти-религиозный») матерьялизм по истине может быть определен, — в плане метафизическом, разумеется — как предельное искажение не сумевшего оторваться от земли **иудаистического мессианства.** [6]) И особенно заостренно, как в фокусе, этот «мессианизм» проявился в двух крайних точках, в двух гнойниках современного матерьялизма: Ком — интерне и Кап — интерне. [7])

Такова судьба каждой идеи, «пришедшей сверху» — и утерявшей связь со своим духовным источником. Оторвавшись от него, она развивает на земле только свою «проэкцию», свою внешнюю «форму»; но такая «форма» нередко имеет свойство, лишившись истинного содержания — наполняться содержанием **ложным,** — почти всегда **полярно-противоположным** утерянному — являясь лишь чисто-внешним его **подобием.** Один из последних примеров такой метаморфозы мы можем наблюдать и в современной России; в нее влилась с Запада идейная волна марксистского воинствующего экономизма, заполнила, «иудаизировала» души интеллектуальных ее слоев, увлекла их в потоке «подобия христианства» — коммунизма; иудаистическое лже-мессианство, «религия» матерьялизма проявилась в русских душах «интернационализмом» вместо вселенскости, «коллективизмом» вместо соборности. По слову

---

[6]) Речь идет именно о воинствующем матерьялизме, об исполненном динамики «анти-теизме» — а не о теплохладных экономизме и а-теизме, явлениях (духовно) глубоко-статических. Их генезис сложнее. Это или «уже остывший» иудаистический мессианизм или (реже) своеобразно-выродившееся наследие «классической древности» — т.е-., в последнем случае, явление «периферическое» по отношению к центральному мессианскому процессу.

[7]) Мне очень не хочется, чтобы все это построение было истолковано вульгарно: каждому должно быть ясно, что не имеет ровно никакого значения, какой процент евреев участвует в Исполкоме Коминтерна или влияет на Нью-Иоркскую биржу — нам важно лишь установить религиозно-метафизический **генезис** самого явления.

Н. А. Бердяева «неудавшийся Третий Рим обернулся Третьим Интернационалом».

Но ничто на свете не случайно. Не случайно и то, что оторванная от истинного духовного источника сила — **метафизически** определяемая, как продукт срыва иудаистического мессианизма — острее всего проявилась, предельно матерьялизировалась именно в России — стране извечного мессианского призвания. В ней завязался (вернее — над ней) **духовный узел** всей современной проблематики, ибо вся наша эпоха протекает ныне под знаком противоборства двух мессианизмов — **христианского** и **иудаистического.** Вернее: **еще** не-мессианизма с **уже** не-мессианизмом.

Это противоборство проэцируется в плане идей в форме столкновения двух миросозерцаний — **духовного и матерьялистического.**

Наконец многие склонны вульгаризировать, съужать проблему, указывая на одно из ее искажений в СССР: на противостояние двух этнических начал — русского и еврейского.

Ставя проблему мессианства **христианского,** начнем с того, что отметим в католицизме и протестантизме неосознанный, но несомненно наличествующий **примат Библии** над **Евангелием.** У народов протестантских это и не требует доказательства; не требует доказательства и то, что религия, основанная на примате Библии должна быть пронизана скорее до-христианскими (иудаистическими), чем христианскими концепциями и что такое христианство неминуемо должно быть само до какой-то степени иудаизировано. Но и в католичестве слышится ритм матерьяльного, «империалистического» мессианизма — звучит он и в светской политике папства, и в «цели, оправдывающей средства» иезуитов, и в торговле индульгенциями, и в кровавых «крестовых» походах, и в кострах инквизиции.

Отметим кратко две страны, в коих этот вопрос разрешается менее примитивно и где мессианистические чаяния (пусть искаженные) все-таки намечались. Это — Германия и Польша. Хотя и по различным причинам, но претензии той и другой страны на мессианскую роль должны быть отвергнуты; германский миссионизм носит не религиозный, а расовый характер; что-же касается миссионизма польского — то он

сводится к уподоблению Польши Христу — притом уподоблению не только греховному, но и до-христианскому по своему стилю (Митра, Озирис и др.). Сошлюсь на Н. А. Бердяева («Судьба России», стр. 164):

«В польской душе есть переживание Христова пути, страстей Христовых, Голгофской жертвы. На вершинах польской духовной жизни судьба польского народа переживается, как судьба агнца, приносимого в жертву за грехи мира». Как известно, все разделы Польши были произведены **безо всякого на то согласия польского народа.** Нет жертвы сознательной и добровольной. Подобная трактовка проблемы Мицкевичем, Словацким, Товянским, Лютославским, Цешковским — низводит польский «мЕссианизм» в категорию одного из многочисленных (хотя и морально высококачественных) мИссионизмов.

Что-же касается «мессианизма» германского — то нельзя его охарактеризовать лучше, чем это сделал тот-же Н. А. Бердяев («Судьбы России» стр. 104):

«Апокалиптическая настроенность совершенно чужда германскому духу, ее не было и в старой германской мистике... Но германское сознание у Фихте, у старых идеалистов и романтиков, у Р. Вагнера, у Древса и Чемберлена с такой исключительностью и напряженностью переживает избранность германской расы и ее призванность быть носительницей высшей и всемирной духовной культуры, что это заключает в себе черты мессианизма, хотя и искаженного. Древс считает возможным даже говорить о создании религии германизма, чисто арийской, но не христианской, а антихристианской».

Утверждаю: мессианское сознание в его чистом (т.-е. подлинно христианском) виде не было до сего дня свойственно еще ни одному народу в такой степени, как русскому. Может быть спросят: но как можно судить о миссии народа, как можно определить и сравнить призвания разных народов? Устроить анкету? Плебесцит?

В «Евразийском Сборнике» (кн. 6) было напечатано мое письмо к единомышленникам в Россию, от 8 января 1924 года; позволю себе его процитировать, ибо и теперь не изменил своей точки зрения:

«...Каждый народ, независимо от той исторической ступени, на которой он в данную минуту находится, — **метафизически** уже существует, как «народ перед Лицом Божиим» — т.-е. в совокупности всех ушедших и грядущих поколений, в слитности всей своей духовно-исторической судьбы. Естественно, что в таком плане «народ» не поддается научному познанию — его можно только почувствовать, познать метафизически, духовно. **Дар пророчества** — вот **высшая** форма такого духовного познания: приобщение смертного к Божьему предвидению.

Возможны и другие формы метафизического познания духовных путей своего народа: чаще всего они познаются в процессе **творчества.** Теперь уже перестали спорить о том, индивидуально оно или коллективно, творит-ли художник и писатель, — или **весь народ:** для огромного большинства стало ясно, что творит именно весь народ — и не эмпирический народ, а — «народный гений», «народ перед Лицом Божиим». Носители Искры Божией на земле — **люди творчества** — только «антенна и рупор», почувствовавшие еще не всем доступное, выразившие для всех — дотоле еще невыразимое: великие национальные мыслители и провидцы, философы и отшельники, поэты и святые»...

Итак — надо в первую очередь вслушаться в то, что воспринимают «антенны», что вынашивают в душе «мыслители и провидцы».

Мессианское задание воспринимается русской мыслью иначе, чем оно воспринималось иудаистическим сознанием:

не как право — а как долг;

не как Богоизбранность — а как Богопосланничество миру;

не как победа — а как жертва.

Начали «отцы русской историософии» — старец Филофей и Дм. Герасимов; но «Москва — Третий Рим» Филофея еще не мессианская формула в подлинном значении слова (в этом вопросе я расхожусь с мнением Е. Ю. Скобцовой) — это еще только постановка проблемы исторической миссии России, хотя и определяемой, как миссия христианская и вселенская; мессианское задание в ней наличествовало лишь, как потенция.

Типичной для этого первоначального периода была связь,

в то время устанавливавшаяся между Россией и возглавлявшим ее политическим строем: носительницей исторической миссии признавалась не народная Россия, а Россия **царская.** И лишь впоследствии эта примитивная концепция претерпевает два решительных удара: петровскую реформу и церковный раскол. С одной стороны сама власть изменяет Идее: миссию духовную и религиозную, миссию всечеловеческую — она решается подменить миссией «культурной» и узко-национальной — т.-е. низшего, по сравнению с прежним, порядка. Это — момент искривления линии российского духовно-исторического развития, того искривления, которое сейчас, бессознательно и вопреки воле своих руководителей, выпрямляет стихийный процесс Российской Революции (подготовляющий новый и небывалый сплав во-едино всего, прежде раздробленного). С другой стороны от власти отталкивается сам народ — в расколе пытающийся охранить свою правду и свое православие. С этого времени российская миссионистическая мысль становится, по выражению Н. А. Бердяева, «раскольничьей»: частью она уходит в скиты от греха (народ), частью-же (интеллигенция) — становится в отношении государственной власти или **оппозиционной** (славянофилы) — или **революционной** (народники). С этого-же времени начинается и двухсотлетний конфликт между Российской Идеей и российской государственной властью — с одной стороны, между Российской Идеей и западнической интеллигенцией — с другой.

...Кто-же еще те российские «мыслители и провидцы», которые почувствовали и предсказали духовную миссию своего народа — как в свое время библейские пророки провидели мессианские пути Израиля?

Это, конечно, не наши «западники». Их мысль никогда не была для России типична, характерна — в основной своей линии они были в истории нашей культуры лишь «переводчиками». «Российскую Идею» почувствовали те творцы российской идеологии («славянофилы», «народники» и др.), для которых особая миссия России была прежде всего миссией **духовной** и потенциально **мессианской.** Несмотря на все деления, для **типологии** российской мысли того времени равно характерны Гоголь — и Тютчев, Бакунин — и Данилевский. Русская куль-

тура создала некую, по сие время еще неоформленную, **культурную традицию** — и из далекого прошлого, все нарастая, звучит одна и та-же основная нота, слагается и расширяется все тот-же лейт-мотив...

Так **миссионизм** можно проследить даже в писаниях такого признанного скептика, как **Чаадаев** (Россия — предметный **урок** для всего человечества). Начав с крайнего пессимизма, он все таки приходит к утверждению **вселенского** характера российской исторической миссии: «Россия слишком велика и могущественна, чтобы проводить национальную политику. Ее дело в мире есть **политика рода человеческого».**

Теми-же, примерно, путями шел и **Герцен.** Он предвидел, что так называемая «отсталость» России может пойти ей скорее на пользу, чем во вред (то-же говорил и Чаадаев): «История весьма несправедлива — **поздно приходящим** дает она не обглодки, а старшинство опытности»... Вечная притча в блудном сыне! Герцен пока уже оказался прав в малом: действительно, не любопытно-ли, что Россия **перескочила** через «период светильного газа», перейдя почти непосредственно от лучины, маслянки и керосинки — к электричеству и таким путем еще до войны «обогнала» многие европейские страны? И не суждено-ли ей теперь снова «перескочить через этап» в области путей сообщения — непосредственно к воздушным линиям, миновав автомобильные и железно-дорожные подъездные пути? Но не обогнала-ли она другие народы и в более важном — в плане социальном, в **искании** новых, более современных и более справедливых, форм жизнеустройства?.. И не выйдет ли она раньше других на путь раскрепощения духа, на путь утверждения христовой правды? Ведь тот-же Герцен сказал, что при думах о судьбе русского народа уместнее «не воспоминания, а пророчества»...

...Впервые проблему российской исторической миссии, как «мЕссианизма — призвания религиозного и вселенского» ставит известный славянофил **А. С. Хомяков.** Но он еще не углубляет этого понятия, формулируя его только приблизительно. Однако, в его конструкциях все предпосылки уже налицо, а духовный миссионизм — в центре всего его миросозерцания.

К. Леонтьев, всю жизнь ставивший вопрос о русском мИс-

сионизме на грани проблемы мЕссианизма, перед смертью, даже теряя веру в Россию — выдвигает предположение совершенно необычного, например, для Запада, масштаба — об ее «отрицательном мессианстве», задавая вопрос, не есть-ли призвание России — **родить Антихриста?**

Характерен для изучающего русскую мысль и **К. Аксаков** — пишущий: ...«Русская история имеет значение всемирной исповеди. Она может читаться, как **жития святых»...**

Особенно значительны в свете современного сознания мысли известного философа **Владимира Соловьева.** «...Цель России не здесь — а в более прямой и всеобъемлющей службе христианскому делу... Россия имеет в мире **религиозную** задачу». «...Историческая задача России состоит в универсально-жизненном осуществлении христианства»...

В этих словах уже не трудно найти многие составные элементы законченного мессианского сознания.

Особо значительное место в этой плеяде занимает **Ф. М. Достоевский;** он не только пророк — он еще в известном смысле и **праобраз** того, что происходит сейчас в России. В нем самом боролись мучительно **оба мессианства** — библейское и евангельское, иудаистическое и христианское. Минутами он поддавался соблазну — вкладывать новое, **христианское** призвание — в прежние, до-христианские формы. По мере того, как это заблуждение Достоевским преодолевалось и изживалось — в его творчестве рождались и оформлялись (главным образом в национальном плане) основы нового российского мессианского сознания.

Разве не пророчески звучит его голос:

«...Видно подошел срок чему-то вековечному, тысячелетнему, что подготовлялось в мире с самого начала его цивилизации...».

«...Ужасна, дика, нестерпимо-мучительна эта чреватость земли русской будущей самостоятельной идеей — и тяжкими, суровыми осложнениями грозит она для организма рождающей...».

Вначале Достоевский (правда — устами одного из своих любимых героев — Шатова) облекает русский мессианизм в типично иудаистические формы: «...Истина одна. А стало быть

только один из народов может иметь Бога истинного, хотя-бы остальные народы имели своих особых и великих богов. Единый народ богоносец — это русский народ».

«...Всякий народ должен верить, если только хочет быть долго жив, — что в нем-то и только в нем одном и заключается спасение мира, — что он живет на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино — и вести их всех в согласном хоре к окончательной цели, им всем предназначенной...»

Однако, дальше можно наблюдать уже попытки преодолеть в себе библейскую национальную «провинциальность» и эгоизм — мысль Достоевского постепенно выходит в более широкие просторы:

«...Нищая земля наша может быть в конце концов скажет новое слово **миру**...»

«...Назначение русского человека есть бесспорно **всеевропейское и всемирное.** Стать настоящим русским, стать вполне русским может быть и значит только — стать братом всех людей, всечеловеком...»

«...Русскому скитальцу необходимо именно **всемирное** счастье, чтобы успокоиться...»

И, наконец, мессианское предчувствие Достоевского окончательно утверждается на прочном христианском основании:

«...Эта почти братская любовь наша к другим народам, эта потребность наша вселужения человечеству... Там, в Европе, каждая народная личность живет лишь для себя и в себе, а мы начнем с того, что **станем все слугами для всеобщего примирения.** И в этом величие наше, потому что это приведет к окончательному единению человечества...»

«...Россия есть начало **нравственное** в противовес началу **матерьяльному...»**

«...Кто хочет быть выше всех в Царствии Божием — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское назначение в его идеале...»

...Хочется отметить еще два имени: это **Фед. Бухарев** и **Ник. Фед. Федоров.** В современной России особенно чтят последнего—у него очень интересна постановка центральной темы: по его мысли **космическое задание России—борьба со смертью,**

физической и духовной. В его концепции — даже Апокалипсис **условен:** предреченное произойдет только в том случае, если человечество не оправдает задания — не объединится в любви.

...Любопытно отметить, что соприкосновение с русской историей зачаровывает иногда даже людей, весьма далеких от миссионистического образа мысли — например, Ключевского: «Россия — та просторная и неопрятная люлька, в которой беспокойно возится и кричит **мировое будущее»...**

Говоря о мессианском сознании среди современных мыслителей в первую очередь естественно напрашивается имя **Н. А. Бердяева** — самого крупного и своеобразного религиозно-социального философа нашего века. Я и так слишком уж часто ссылался в этой статье на его авторитет. Цитировать его не решаюсь — пришлось-бы просто перепечатать целиком многие десятки страниц из его трудом; укажу лишь на некоторые из них, которые нельзя назвать иначе, как пророческими — например, сборник «Судьба Росии», небольшая книга «Новое Средневековье» и ряд статей в различных журналах.

...Поэты — быть может наиболее чуткие «антенны» и им лучше других бывает иногда дано «почувствовать еще не всем доступное, выразить для всех дотоле еще невыразимое». Указать постепенное наростание мессианистических настроений в русской поэзии, проследить путь от «града Китежа» до Есенинской «Инонии» — тема отдельной статьи. Может быть над нею задумается кто-нибудь из наших молодых поэтов. Мне на этот раз хочется лишь кратко указать на имена Андрея Белого

...«Россия, Россия, Россия
Мессия грядущего дня...».

и особенно — А. Блока («Скифы», «Двенадцать»). Кто не помнит:

«...Так идут державным шагом
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос...»

Кроме этих двух — крупнейших — но все-же корнями своего творчества уходящих в до-революционное время поэтов (опускаю имена М. Волошина и др. менее значительных), нельзя не указать и на — пусть примитивный, матерьялистический — но все-же явно мИссионистический диапазон творчества многих из современных «советских» поэтов. Не говоря уже о Есенине и Маяковском, сошлюсь на имена Светлова, Кириллова, Александровского, Мариенгофа, Обрадовича, Герасимова, Князева, Орешина, Садофьева... И это только из так называемого «первого призыва» (до 1921 года) — ибо потом такие настроения стали владеть десятками и сотнями...

Из этого краткого, схематического обзора тем не менее отчетливо вырисовывается вывод: российская **творческая** мысль неповторимо своеобразна, динамична, устремлена вперед; она жаждет преображения мира, жизни; она профетична, всечеловечна; она всегда миссионистична, а на высотах, в предельном напряжении творческого духа касается апокалиптических граней мессианского призвания...

Ее праобраз — движущаяся Вифлеемская звезда; для нее христианство не в прошлом и не в настоящем, а вечно в будущем... До-христианский мир жил верою в то, что золотой век — позади человечества. Не статическое, регламентированное, обездушенное «христианство» Запада способно сейчас поднять с земли факел, выпавший из рук Израиля; — только динамическое христианство российское, стремительное, все в заданности, — действительно бросает **вперед** золотую мечту о Богочеловечестве, о христианстве Третьего Завета...

...Что готовит нам завтрашний день?

Ответ на этот вопрос поставлен судьбою в зависимость от разрешения другого, первоосновного и в настоящий исторический момент — всеопределяющего: дано ли будет христианскому мессианизму преодолеть иудаистическое? Будет ли грядущее становление нового мира твориться под знаком духовного мировоззрения или останется жизнь в пленении ма-

терьялистическом? Сумеет ли российское мессианское призвание преодолеть все соблазны и найти формы, достойные своего истинного содержания?

Ни одно из решений проблемы в настоящее время еще не исключено. Многое зависит и от нас — от того, окажутся ли сыны России способными на аскетическую трезвость, великое дерзновение и веру безмерную. Зависит и от того, сумеем ли мы помочь оформлению, жизненному воплощения Иди Российской...

В минуту пробуждения, на развалинах целой исторической эпохи, во мраке и хаосе ощупью находя свой путь, народ совершил роковую ошибку: принял форму за содержание, подобие —за свою заветную мечту.

В темноте «перепутал провода», «включил не тот штепсель»; ошибка простительная — штепселя были по виду похожие, «лампочки» те-же — но силу провода передавали из диаметрально-противоположных источников...

Громадная инерция российского матерьялистического процесса ныне носит все типичные черты неудавшегося иудаистического мессианства. Вот, что замечает по этому поводу Н. А. Бердяев («Новое Средневековье», стр. 116 и 117): «Существует избранный класс — пролетариат, класс — мессия; он чист от первородного греха, в котором зачиналось все в истории, который лежит в основании всей культуры, «буржуазной» культуры, — греха эксплоатации человека человеком, класса классом. Этот мессианский класс и есть зачаток истинного человечества, грядущего человечества, в котором не будет уже эксплоатации. Пролетариат — **новый Израиль.** Все аттрибуты избранного народа Божьего переносятся на этот мессианский класс... Он должен осуществить Царство Божие **на земле.** Древний **еврейский хилиазм** в секуляризованной форме вновь повторяется в поздний час истории. Избранный класс осуществит наконец то обетованное **земное царство,** блаженство во Израиле, которое не осуществил Мессия — Распятый. Это и есть тот новый мессия, устроитель **земного царства, во имя которого был отвергнут старый Мессия,** возвестивший царство не от мира сего»... [8])

[8]) Курсив мой. **Ю. Ш.-Ш.**

Но как часто, как неожиданно-ярко иногда просвечивает через черную пелену матерьялизма какое-то другое сознание.

Не характерно-ли, что коммунизм, доктрина по существу глубочайше антирелигиозная, отрицающая всякую веру — принимается русской молодежью чаще всего именно **на веру,** т.-е. **религиозно?** Уже приходилось указывать насколько соблюдается в СССР и внешнее подобие культа — уголки Ильича («иконы»), идолы Маркса, мощи Ленина...

Молодежью горячо приемлется коллективизм. Снова вспоминается: а не как изнанка-ли подсознательного влечения к **соборности?** А эта охваченность стихией интернациональной — не звучит-ли в ней музыка **вселенских** задач стариков-славянофилов? И как сочетать исступленное исповедание многими молодыми начал экономического матерьялизма — с их собственным жертвенным идеализмом? Ибо из матерьялистических теорий никак не выведешь долг самопожертвования. Наконец, коммунизм отрицает ценность идей, считая их лишь «надстройкой» над экономическим базисом. А мало мы видим в России комсомольцев и ударников, ради идеи (а не ради заработка) надрывающихся на непосильной работе? Ведь всякий, служащий идее, сам себе в том не отдавая отчета, утверждает примат идей над интересами, нематерьяльного над матерьяльным — как-бы подобное явление ни пробовали «матерьялистически» объяснить марксистские схоластики.

И начинает думаться: а может быть под влиянием неких мета-исторических воздействий «форма» сама постепенно изживает чуждое содержание? Не раскрывается-ли она, как, при известных условиях, могущая воспринять содержание истинное? Не произойдет-ли новое «переключение штепселей»? Савл — не станет-ли Павлом?

Нельзя не подчеркнуть еще другой характерный момент, особенно близко затрагивающий тему настоящей статьи. Я уже отметил выше, как величайшая мировая духовная проблема современности, проблема двух миссионизмов («еще не мессианизма» и «уже не мессианизма»), — христианского и иудаистического, — сейчас проэцируется в мире (и особенно остро в России) в форме столкновения двух миросозерцаний — духовного и материалистического. Как наконец в России неред-

ко опошляют проблему, съужая ее до вопроса о противостоянии двух этнических начал: российского и еврейского. Одним из могущих нас заинтересовать **симптомов** этой **духовной** борьбы надлежит признать и факт так называемого «советского антисемитизма», имеющий весьма мало общего с прежним антисемитизмом членов союза русского народа. Самое показательное в этом факте — то, что **ядро** антисемитизма — **в ВКП и Комсомоле.**[9]) И то, по какой «линии» он проходит в среде людей, считающих себя убежденными матерьялистами. Это — все то-же противопоставление (в данном случае — не осознанное) двух миросозерцаний; идей и интересов, идеологизма — и эгоистического матерьялизма. Евреев обвиняют в шкурничестве, мелко-буржуазности, паразитизме; говорят о них, как о «нетрудовой нации» — нации посредников, торгашей и спекулянтов. Раздражает «претензия на первенство; кумовство и шарлатанство». Указывается, что большинство «дезертиров-невозвращенцев» — евреи, причем особо подчеркивается острота Пятакова о «невозвращенчестве многими дезертирами доверенных им сумм».

Во всем этом печальном перечне нас должно прежде всего остановить следующее соображение. «Матерьялисты в теории отталкиваются от матерьялистов на практике, уличая их при этом в чрезмерной привязанности к материи»; не есть-ли все это лишь упрощенное объяснение противостояния двух иррациональных сил, двух противоположных динамик — и не пытаются-ли бессознательные и малые носители еще не доступных им больших и напряженных идей — как-то объяснить «своими словами» (или вернее не своими — ибо марксистскими) то, что они чувствуют, но не понимают: онтологическое соперничество и величайшую духовную разноприродность мессианизма российского и иудаистического?

Не начинает-ли вся динамика нынешнего этапа революционного процесса, для большинства его участников еще субъективно-матерьялистическая — незаметно для них самих переключаться в другой план, одухотворяться, претворяться в динамику диаметрально-противоположную?

---

[9]) То-есть в той самой среде, которая наиболее заражена сейчас именно иудейским аспектом миссионистической динамики.

Не есть-ли советский антисемитизм — просто уродливое отображение, отрицательный симптом этого пока еще бессознательного, еще только намечающегося «переключения»?

Не могу не отметить другой, но не менее характерный симптом **связанности современных путей России** с ее извечным мессианским призванием. Говорю о тех новых течениях и исканиях, которые принято именовать «пореволюционными». Большинство их ставит проблему мессианизма. Мессианская идея постепенно овладевает центром внимания наиболее чутких мыслителей современности. Она (пусть в **извращенном** виде) бросает свои «косвенные проэкции» на сознания и других народов, пробуждая некие (правда, отдаленные) подобия течениям российским (фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, датунизм в Японии...). Все эти последние, весьма матерьяльные и «плоские» отражения неких еще неосознанных космических процессов, в высокой степени характерны для переживаемого нами времени — преддверия новой эпохи мировой истории. Более чуткие антенны улавливают какие-то обрывки новых мелодий, регистрируют какие-то еще не объяснимые для человеческого разума сдвиги и перемещения...

Проблемы мессианизма еще очень мало разработаны; в настоящей статье некоторые из них только **намечены**. Пусть выскажутся по существу лица, более меня квалифицированные — ибо всестороннее освещение вопроса совершенно необходимо.

В заключение настоящего схематического очерка мне хочется в самых общих чертах наметить **пути** преодоления иудаистического миссионизма — и облик грядущего мессианизма российского, как они мне представляются.

Иудаистический миссионизм существует сейчас в двух аспектах: 1) внешне-безрелигиозный (или даже антирелигиозный) воинствующий материализм, от Ком-интерна до Кап-интерна («иудаистический» лишь генетически, в плане метафизическом) и 2) еврейский религиозный миссионизм — ошибочно (с христианской точки зрения) считающий себя мессианизмом еще не осуществленным.

Роль первого уже разобрана выше. Его Россия сейчас начинает изживать — и, верю, — преодолеет. Со вторым у нас,

христиан, — совершенно законное **онтологическое соперничество:** ибо и христианство и иудаизм притязают на абсолютную истинность. Или Иисус Христос был обыкновенным человеком — и тогда никакого христианского мессианства нет и быть не может: Мессия еще не пришел — надо ждать и надеяться, как это исповедуется ортодоксальным иудаизмом. Или Христос есть Мессия, Спаситель — и тогда религиозный иудаизм есть заблуждение. Ибо народ, все еще ждущий уже явленного Мессию может с нашей, христианской, точки зрения — **дождаться только Его подобия — Антихриста.**

Что еще предстоит пережить народу — когда-то Божию — а ныне «блудному сыну, еще упорствующему»? Не проста его судьба и не закончена его роль в истории мира. Не даром-же существует он до сих пор — вопреки разуму и исторической логике. Не даром сама история — и еще каким жестоким образом — оберегает его от растворения в среде других.

...«Своей исключительностью — этим внешним символом единства — еврейство на всем пути рассеяния призывало к себе самых строгих наставников — которые и учили его тому, что последовательно требовал его внутренний голос. Они все были слугами его призвания — как цветок яркой окраской привлекает насекомых, которым предназначено разносить его семя. Он сам тайным зовом призвал Тита разрушить его царство, крестоносцев — избивать его сыновей... Филиппа — изгнать их из Испании, Кишиневскую чернь — громить их дома...» (М. О. Гершензон. Судьбы Еврейского Народа. Стр. 43-44).

...«Я определенно примыкаю к той группе ученых, которые, исходя хотя-бы из одного того, что везде, где только ни появляются евреи — вспыхивает и антисемитизм — делают вывод, что антисемитизм возник не вследствие каких либо временных или случайных причин, а вследствие тех или иных свойств, постоянно соприсущих еврейскому народу...» — говорит еврейский историк Соломон Лурье (Антисемитизм в древнем мире. Изд. Гржебина, 1923. Стр. 9).

Ответ на многие из поставленных вопросов дает Ап. Павел в Послании к Римлянам, в Гл. 11-ой:

1. Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ свой? Никак.

11. Итак, спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения — спасение язычников, чтобы возбудить в них ревность.

25. Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей — что ожесточение произошло в Израиле отчасти до времени — пока войдет полное число язычников.

26. Итак — весь Израиль спасется.

30. Как и вы были некогда непослушны Богу — а ныне помилованы, по непослушанию их.

31. Так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы.

Кажется — ясно.

Во искупление своего греха — отвержения Христа — на иудаизм наложена тяжкая кара: **служить «показательным злом».** Или: создать это «показательное зло», напитав его своим отравленным духом.

Но на это зло вместе с тем возложена (в общем духовном плане) некая **положительная** миссия: являясь **антитезисом должного** — в отталкивании от себя поляризировать **утверждение добра.** Пока не наступят времена и сроки.

Но означает-ли указанная положительная миссия, что со злом не надо бороться? Отнюдь нет. Бороться совершенно необходимо — притом последовательно и до конца. Ибо всякое зло, в том числе и такое, которое в историческом плане может в конечном счете сыграть роль благую — тем не менее в разрезе сегоднешнего дня **остается злом** — и участие в его преодолении для каждого христианина обязательно.

Религиозное иудаистическое мессианство — наш главный соперник в духовном плане; в этом плане путь преодоления один — действенная любовь, разъяснение заблуждения, облечение Израилю возвращения в лоно истины. [10])

---

[10]) «...Иудеи всегда относились к нам по иудейски; мы-же, христиане, напротив, доселе не научились относиться к иудейству по христиански... Если иудейский закон дурен, то их упорная верность этому дурному закону есть, конечно, явление печальное. Но если худо быть верным дурному закону, то еще гораздо хуже быть неверным закону хорошему, заповеди безусловно совершенной. Такую заповедь мы имеем в Евангелии...» (Влад. Соловьев. Еврейство и христианский вопрос).

Матерьялистическое иудаистическое лже-мессианство — наш главный противник не только в плане духовном, в котором оно собрало воедино все отрицательные силы зависти, злобы и ненависти — но и **в плане матерьяльном,** где оно создало **против Духа** единый фронт от Коминтерна до Капинтерна. Это оно оформилось в то матерьялистическое мировоззрение, на борьбу с коим ныне поднимается новое духовное начало, вырастающее из недр русской народной души, — и имя коему: российский мессианизм.

Но в предстоящем великом борении нам, христианам, надо помнить и знать: раз противостоящее нам зло призвано, в конечном счете, стать **возбудителем добра — а не другого, противопоставленного ему, зла** — мы должны найти **достойные христиан** методы борьбы с носителями (часто бессознательными) злого начала.

Однако, нельзя для христианина ограничиться борьбой, — хотя-бы и христианскими только методами. Необходимо противопоставление духовному злу некоего **положительного добра.**

Каквы-же должны быть пути российского миссионизма — новыми, пореволюционными течениями воспринимаемого, как мессианское задание?

До прихода Спасителя мессианское сознание не требовало самодеятельности. Оно могло ограничиться напряженным ожиданием. После прихода Мессии иные задачи становятся на очередь: надо нести Учение в мир. Ибо сказано: «идите, научите все народы».

Но как? Не крестовым-же походом? Или посылать миссионеров? Те самые «духовные» миссии, что цинично афишируют на международных выставках [11]) свою роль «пионеров промышленной экспансии» и предтеч экономического закабаления колониальных народов?

Пути нам указаны нашими мыслителями и провидцами. Свое мессианское призвание мы ощущаем не как право, а как долг, не как Богоизбранность, а как Богопосланничество миру; не как упоение грядущей победой, а как радость предстоящей жертвы.

Современная обстановка, даже технический прогресс —

---

11) Париж 1931 г.

делают ныне ненужной «плоскую динамику» — «по земле»: теперь не надо уже «итти», чтобы «научить все народы». Динамика из плана матерьяльного переключается в план идеистический и духовный — «походы» давно отошли в далекое прошлое. Всякое действительно-духовное миссионерство ныне не может быть ни в какой степени **агрессивным посягательством** на чужое понимание Истины.

Мы можем только **на собственном жизнеустройстве** показать другим пример — стремясь и во внутренней своей общественно-государственной жизни, и во всех внешних ее проявлениях — быть **действительно христианами.** Не таким-ли должен быть путь к российскому мессианству?..

...Утопия? Пусть. Но те, что не способны быть завороженными утопией — быть может согласятся, что такой идеал хотя-бы поможет создать жизнь более чистую и радостную, социальный уклад — более справедливый, ибо построенный на основах не римского «права», а христианской **правды...** Ведь если волны относят челн и не дают возможности держать курс на маяк — значит-ли это, что надо выбросить компас в море?

Очень возможно, что России еще очень далеко до осуществления своего призвания. Может быть оно будет осуществлено только частично. И не нами. Не это важно. Важна цель — и вера, двигающая горами.

Пусть наше задание кажется выше человеческих сил; **тем лучше.** «Все великое рождается в стремлении к невозможному».

Юрий Ширинский-Шихматов.

КРИЗИС

Общественная мысль во всем мире занята разрешением вопросов в той или иной форме связанных с так называемым «мировым кризисом»; одни видят в нем прежде всего кризис экономический, другие — политический, третьи — психологический. Одни спорят о том, переживает-ли мир кризис «капитализма» или кризис «в капитализме», другие — кризис демократизма или кризис этатизма, третьи — склонны все объяснить кризисом доверия.

Мне кажется, что никто из защищающих вышеуказанные точки зрения не прав в отдельности и все правы в совокупности, да и то только до известной степени. Одновременно в разных странах можно наблюдать и кризис капитализма и кризис в капитализме, и кризис буржуазного демократизма, и кризис гипертрофированного этатизма, и всеобщий кризис доверия всех ко всем и ко всему.

Главного не видят и не понимают, — что все эти «кризисы» являются лишь разными, в разных планах отражающимися, отблесками одного первоначального кризиса: кризиса целого исторического цикла и **определявшего этот цикл гуманистически-индивидуалистического мировоззрения.**

Одним из апостолов этого миросозерцания был Руссо: человек — от природы прекрасен, его портят созданные людьми законы и установления. Из этой концепции родилась теория невмешательства государства во взаимоотношения между гражданами: людей не надо было «портить». Все предоставлялось «свободной игре сил» — государство должно было вмешиваться лишь в крайних случаях. Этот «либерализм» (от «liberté») породил в плане политическом — демократизм, в плане экономическом — эру так называемого «капитализма».

В отталкивании от средневековой религиозной схоластики, в протесте против монополизации католической церковью всей

духовной жизни западного христианства — родилось пламенное утверждение человеческой индивидуальности, «личности единой и неповторимой», ее абсолютной духовной ценности и неотъемлемых политических прав. Но утверждение самоценности человеческой индивидуальности стало постепенно вырождаться в индивидуализм; протест против монополии воинствующего католицизма — в гуманизм (humanisme), начавший все более и более принимать позитивистически-рационалистический оттенок; свобода религиозной мысли, через антиклерикализм, вылилась в некое безрелигиозное мировоззрение, назвавшее себя «свободомыслием», но принявшее сектантский, а в некоторых случаях и нетерпимо-атеистический, характер; из декларации «прав человека и гражданина» («больше гражданина, чем человека», по замечанию Вл. Соловьева) родилась буржуазная демократия, быстро ставшая «плутократией» (властью имеющих деньги).

В итоге — развитие индивидуализма, эгоизма, понижение чувства социальности и солидарности. Наконец — создание «нового человека», нового психологического типа — **посредника.** Посредничество стало знаком эпохи; в политической сфере выработался тип **профессионала** народного представительства — паразита, обслуживающего нужды парламентарно-демократического режима; в сфере экономической — такого-же посредника-паразита, присосавшегося к творческой промышленности (классическим образчиком этого последнего типа является биржевик).

Сначала, когда капитализм был еще молод — в период «экстенсивного» развития, он расширял свои возможности, завоевывая все новые и новые рынки; столкновения происходили далеко (в колониях) — главным образом с туземцами, вдали от метрополий. Потом, за исчерпанностью рынков, началось «интенсивное» развитие европейского капитализма; — капиталы отдельных стран, направленные концентрически, стали сталкиваться между собой, создавать конфликты, разрешавшиеся силою оружия.

Люди, в коих пробудилась совесть, люди, увидевшие всю ложь и невязку «слова и дела» в современном мире — ужаснулись и бросились в противоположную крайность.

Реакцией на либерализм, попыткой обуздать «бесгрешного» человека, а паразита-посредника выбросить за борт государства — явились все новейшие формы коллективистического этатизма: коммунизм, фашизм, национал-социализм и т. д. Они, конечно, не разрешают проблемы — являясь лишь антитезисом либерального гуманизма и обуздывая человека чисто внешне, механически, насильственным образом.

Это тоже далеко от идеала. Искание синтеза — как и во многих других областях — будет, видимо, уделом России...

Перейдем теперь к рассмотрению по существу создавшегося кризисного положения.

Установлено, что промышленное перепроизводство, таможенные тарифы, международная задолженность, валютные спекуляции породили повсеместную безработицу и нищету. Казалось бы, чего бы проще наладить международное соглашение по всем этим вопросам на благо всех народов, а между тем экономическое положение не поддается улучшению.

Неудачи на пути преодоления кризиса принято оправдывать недостатком общественного доверия к устойчивости современного положения. Но, казалось бы, — как можно говорить об общественном недоверии в условиях демократического режима, которым управляется большинство сильных в экономическом отношении стран (в то же время и наиболее страдающих от экономического кризиса!!). Каким жестоким приговором для буржуазной демократии звучит в устах демократов это объяснение кризиса недостатком доверия широких масс к политике ими-же выдвинутых государственных деятелей! И надо признать, что народные массы в этом своем недоверии правы, но они сами и ответственны за создавшееся положение, так как они же и выбирают своими представителями людей, в своем духовном развитии не превышающих уровня добропорядочного буржуа или ловкого финансиста; а если выбранные случайно обладают более широким кругозором, то они должны в своей работе внимательно прислушиваться к жужжанью псевдо-общественного мнения, направляемого субсидируемой банками печатью.

Но нельзя особенно винить избирателей, так как разве ви-

новаты они, что закон в равных условиях допускает к избирательным урнам без всякого разбора — людей высокой духовной культуры, широкого политического кругозора, честных, вооруженных знанием и опытом, — и на ряду с ними людей некультурных, бесчестных, хищников, мародеров, спекулянтов человеческой жизнью? **Виноват режим,** установивший такое смесительство граждан-избирателей. Только власть, вне зависимости от ее форм, опирающаяся на духовно-культурные слои нации (Суворовское «равнение по передним») может постепенно осуществить идеал истинной демократии и вывести народы из морального и материального кризиса, направляя тем самым будущие поколения по пути не только умственного, но и духовного развития. Вне этого человечеству не выбраться из современной, засасывающей, трясины.

А между тем некоторые экономисты в факте случайного незначительного повышения биржевых цен (не в рассчете ли на войну на Дальнем Востоке?) готовы видеть какие-то признаки изживания экономического кризиса. Но признаки эти являются только призраками. В самом деле, можно ли говорить серьезно об оздоровлении мировой хозяйственной системы, когда промышленное производство снижено гораздо более, чем на 50 процентов по сравнению с производительной способностью промышленности, когда усиливается таможенная борьба, мировая армия безработных насчитывает 28 миллионов человек (и непрерывно растет), капиталы мечутся из страны в страну в поисках хотя бы бездоходного, но укромного убежища, когда склады забиты непродающимися товарами. Не свидетельствует-ли все это, что переживаемый кризис является следствием не только экономических, но и более сложных причин, уже не поддающихся устранению путем одного сговора международных финансовых кругов?

Эйнштейн, указывая, что «молоток, который служит для стройки, может дробить и черепа» — взывает к чувствам этики.[1]) Но могут ли чувства этики заставить капиталиста эксплоатировать свои капиталы и предприятия без коммерческой

---

[1]) «New Leader» 7-XI-30.

выгоды, могут ли они обязать человека, ради общего блага, поступиться личными интересами?

Нет, для этого необходим глубокий моральный переворот в человеческом миросозерцании, который показал-бы человеку тщетность его стремлений к полному удовлетворению материальных потребностей при малой затрате труда, примирил-бы со скромным удовлетворением этих потребностей и с сознанием необходимости труда, обращенного не на достижение только личного жизненного комфорта, а на создание вечных духовных ценностей, **на оказание помощи ближнему,** на укрепление того «духа», который так третируется представителями либеральной демократии.

Атеистический материализм («антитезис») сейчас торжествует победу над религиозно-догматическим «тезисом». Синтез миру еще не дан, а только задан. Естественно, что ожидать его осуществления можно прежде всего в России, ибо в ней первой «тезис» был открыто вытеснен «антитезисом», и этот последний уже начинает проявлять первые признаки разложения. Задача осуществления синтеза в жизни народной трудна и путь этот долог и тернист, но заблудиться на нем невозможно, ибо он освещен Вифлеемской звездой христианства.

И если-бы нам, добившись на родине хоть самой примитивной гражданской свободы, удалось сделать хоть первые шаги по этому пути, овладев, при помощи соответствующей пропаганды наших идей, душами освобожденных избирателей, убедив их отвернуться от адептов материалистического мракобесия — наше поколение могло бы считать свой долг выполненным и перед родиной и перед человечеством, ибо российское начинание послужило бы великим примером для других народов.

А. Холодилов.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

I.

Национальный вопрос также стар, как и сами нации, в то же время он всегда был и есть далеко не разрешенный и актуальный основной вопрос мировой истории. Если посмотреть на историю человечества, то она есть в широкой исторической перспективе не что иное, как попытка разрешения национального вопроса путем международных войн: победители диктуют волю побежденным, пока последние, собрав потенциальную энергию нации за время угнетения, не сбрасывают с себя чужеземное иго. Особенно знаменательны XVIII и XIX века, когда национализм некоторых наций на крыльях империализма создавал много-национальные, большие государства, где господствующая нация сильнее или слабее угнетала (в метрополии или колониях) свои покоренные народы, когда они подвергались денационализации, чтобы их ассимилировать с господствующей нацией. Тысячелетний исторический процесс нам говорит, что опыт этот, за редким исключением малых и культурно слабых народов, нигде не удался. Наоборот, колоссы на глиняных ногах, без крепкой внутренней спайки, разваливались Давление равно противодавлению. У угнетаемых народов неизбежно создавалось национальное объединение, сплочение и углубление самосознания. В недрах этого «исторического тезиса» вызревал «антитезис» — центробежные стихии. Эти стихии были настолько могущественны, что даже те редкие просвещенные государства, которые пытались дать им выход (австрийский автономизм) не выдержали великого взрыва мировой войны. Антитезис победил — рассыпались почти все «внутренно-лоскутные», многонациональные государства (Австро-Венгрия, Германия и Турция) — родились новые образования. Россия осталась на полдороге: выделились Польша, Латвия,

Литва, Эстония, Финляндия; остались еще многие другие в «формально-самоопределенном» состоянии (Украина, народы Кавказа, Туркестан и др.).

Но в мире продолжает развиваться процесс эмансипации. Английские колонии-доминионы идут гигантскими шагами к полному отделению. Китай — величайшее в мире государство (500 миллионов) борется за свой суверенитет. Вся политика «великих государств» в Китае до сего времени заключалась в том, чтобы поддерживать там неугасаемый огонь анархии, путем подкупов отдельных китайских «генералов», чтобы отсрочить день национального объединения этого великого народа, единый дух которого заключался в том, что он имел духовную культуру, устремленную в высь и идеалом его был Бого-человек (Нирвана), тогда как европейцы несли псевдо-культуру (цивилизацию) материалистическую, устремленную в землю, определяемую техникой и вдохновляемую разнузданной алчностью, всегда свойственной всякой капиталистической экспансии.

После так называемой великой войны в Европе мы видим эмансипацию и освобождение угнетенных народностей, с образованием однонациональных государств, а в Азии — пробуждение от многовекового сна величайших народных массивов, начинающих борьбу с поработителями во имя свободы и независимости.

После войны, в которой принимали участие на европейских театрах насильственно организованные массы представителей так называемых «цветных» рас Азии, Африки и Северной Америки, мы видим начавшееся у них возрождение. Участники войны, вернувшись на свои континенты, принесли с собой новые идеи и понятия. Среди них постепенно стали появляться свои кадры интеллигенции — носителей национального сознания: доктора, адвокаты, учителя, инженеры и т. д.; особенно много их среди американских негров. Близится тот момент, когда европейцы потонут, как белые точки, в черном море Африки.

Наша задача — течений пореволюционных — смотреть вперед, через антитезис, **предвидеть грядущий синтез.** Этот синтез намечается: это новые контуры сверхгосударственных

объединений. Недаром проблема Пан-Европы — проблема завтрашнего дня.

На какой же основе возможны эти новые, сверх-национальные объединения?

Для нас, утверждающих примат духовного начала над матерьяльным, идей над интересами, общего над частным — ответ ясен. На основе **родственности культур.**

Вот почему для нас грядущий день будет днем Пан-Европейского государственного объединения; Союза народов Китайской и Индокитайской республики; союза народов Индии и... союза народов Государства Российского («Российских Соединенных Штатов»).

Каков же будет, вероятнее всего, **путь** нашей общей родины?

Прежде всего надо нам бороться за **действительное** проведение в жизнь советской конституции, выработанной представителями народов Советской России, но вскоре аннулированной компартией, т.-е. за утверждение права народов на выход из «федерации».

Дальше «федерацию» заменить **конфедерацией, — свободным** и **добровольным** согласием организованных национальностей на образование сверх-национального государства, на основе признания равенства всех народов, его составляющих.

Гарантией действительной свободы национальностей должно быть эффективное право выхода каждого народа из Союза, а также право Союза исключить из конфедерации того из сочленов, который будет стремиться к господству и угнетению других.

Такой Союз Народов будет иметь притягательную силу для малых, уже освободившихся государств, как Эстония, Латвия, Галицийская Украина, Литва,—так как он будет давать все преимущества великого государства при сохранении национальной самостоятельности каждого народа, входящего в этот союз.

Для успеха этого надо дать верные гарантии малым народам, так как и царское и коммунистическое центральные правительства многократно их обманули в лучших их чувствах доверия к России.

Для нас — «духоверов» — эти гарантии утверждены, пре-

нового государства — есть **общность** всеми его народами свободно принятой **Исторической Идеи.**

Это идея мессианская — идея раскрепощения всех страждущих и угнетенных, идея всечеловеческая, идея искания нового, справедливого социального уклада, — претворения божественной правды на земле.

Мелкие «уездные» шовинизмы теперь уже не в темпе эпохи.

Самоутверждение в своей национальной культуре — необходимейший и первейший этап народного развития — есть не цель, но **средство** для лучшего служения, **своим собственным национальным путем,** в составе новых, сверх-национальных объединений — единой всечеловеческой истине, — правде Божественной.

Как национальные ручьи — русский, украинский, грузинский и т. д., в своей совокупности образовали реку **российской** культуры; как немецкий, французский, английский и др. реку культуры **европейской;** как соответствующие ручьи создали **общекитайский** и **общеиндийский** культурные потоки — так все они, в своей совокупности — создают океан культуры общечеловеческой.

Если каждый народ с его национальной культурой можно сравнить с цветком, его особым ароматом, его неповторимыми красками и тонами, — то человечество с его вселенской культурой — это **букет;** и чем больше разных цветов и запахов, тем роскошнее и ароматичнее букет — человечество.

Эренжен Хара-Даван.

ДВА ГОЛОСА

Античный мир, когда-то весь пропитанный жизнью своих богов, внутренно пустел и сам содрогался перед этой внутренней пустотой. Боги ушли. Все, что можно было сказать — сказано. И как сказано. Сократом, Платоном, Аристотелем.

В это время полуслепой, избитый палками и каменьями странник, в сопровождении только одного мальчика, своего ученика, появился в Европе. Затравленные, гонимые из тюрьмы в тюрьму, прошли они из Иерусалима в Троаду, проповедуя о каком-то новом, «неведомом Боге». Вот попали в Афины и афинский ареопаг, центр мудрости и знания античного мира, готов выслушать и их проповедь: «Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши, посему хотим знать, что это такое?»...

Странник начинает речь и... вдруг замолкает. Смех, откровенный, веселый смех проходит по рядам собрания и устроители, скрывая улыбку под вежливой фразой, благодарят, обещая дослушать в другой раз...

Ареопаг никогда не дослушал этой речи, но прошло немного времени и вся Европа, не исключая Афин, на коленях слушала послания этого Апостола...

...В тумане пред-истории мы можем наблюдать как бы только две личности: Бога и Человека. Может быть даже одну: Бога, отраженного в «ходящем пред Ним человеке». По мере затемнения Божества, личность Человека дифференцируется в ряд нисходящих по степени свободы личностей: священнослужителя, царя, свободного человека и раба (являющегося уже вещью). И вещь и раб не пользуются вначале никакой защитой кроме силы своего владельца. Раб не имеет никакой собственности, абсолютность же ее для других лиц соответствует степени их свободы. По идее она вначале всецело в руке Божьей (Бог дал, Бог и взял), затем в руке царя, дарующего пользование ею, кому захочет. Только в правовом государстве, при

полном юридическом освобождении личности, собственность становится абсолютной и получает защиту закона сама по себе, независимо от личности владельца. Она может даже не иметь строго определенного владельца (акционерное общество) и становится тогда как бы сама по себе личностью. И при этом личностью абсолютно свободной, так как над ней не тяготеет закон физической необходимости, нужды, делающий свободу каждой фазической личности — фиктивной. Так рождается Капитал — личность фантом, пользующаяся абсолютной свободой, охраняемая законом и всем государственным принуждением. В борьбе личностей эта личность, единственно стоящая над законом физической необходимости, естественно становится победительницей. Отсюда непрерывно растущая мощь Капитала, побеждающая не только отдельные личности, но даже государства. Постепенно в государстве Капитал вытесняет или подчиняет себе все другие силы. История человечества — искусство, культура, политика — становятся лишь «подстройкой под экономикой». Свободная человеческая личность становится фикцией. Реален лишь Капитал и отражение его в «ходящем пред ним человеке».

А между тем поскольку абсолютно свободный Дух является источником Свободы, постолько же абсолютно свободный Капитал является источником рабства.

По всем почти экономическим учениям, не исключая Марксизма, капитал представляет собою как бы скристаллизованный труд. Труд же почти всегда произведение нужды человека на его работу и таким образом в сфере капитализма главнейшие элементы — нужда и труд необходимо обуславливают рабство.

Совершеннейшее олицетворение Духа — Божество — все любовь и милость (Бог любы есть). Царь, «монарх милостью Божьей» еще может любить и жаловать, когда «сердце его в руке Господней» и от него зависит возможность хотя бы относительной свободы человека. Но капиталист только орудие бездушных мощных сил нужды и труда. Он не может, не смеет ни любить, ни миловать, ни освободить, ибо неумолимые законы бездушных сил раздавят его самого. Он такой же раб, как и последний рабочий у станка его фабрики.

Вот перед этой то картиной всеобщего, неизбывного рабства трепещет человечество. Лиги Наций ему не помогут.

Надежды рабочего класса, первого, осознавшего себя рабом Капитала — найти от него спасение в СССР — не оправдались, да и не могут, повидимому, оправдаться. Там все тот же капиталистический Левиафан, только уже пожравший национальное государство, поработивший все его население и открыто выступивший на путь Интернационала. Вражда его с Левиафаном Запада — чисто зоологическая, а законы биологии и устанавливают как раз наибольшую враждебность наиболее родственных организмов. Боевые лозунги у них различны, но это лишь средства войны, военные хитрости, сущность же одна и та-же. Если на Западе выразителями капитализма являются отдельные предприниматели, акционерные компании и промышленные тресты, а в СССР — государство, то разница эта не существенна. Существенным является то, что там и тут рабочий продает свой труд капиталу, как товар. И даже не труд, а трудоспособность. И там и тут запродавший свою трудоспособность рабочий стремится дать минимум своего труда, и там и тут представитель интересов капитала (частного или государственного, безразлично) придумывает различные средства, долженствующие заменить бичи и скорпионы древних рабовладельцев и повысить «продуктивность» рабочего. В этой продаже человеческой рабочей силы наравне с продажей животной, лошадиной или машинной, лежит главный момент принижения достоинства трудящегося. И этот момент полностью удержан в хозяйственной системе СССР. Условия оплаты принижения уже не существенны. Восток делает лучших своих рабов комиссарами, Запад — миллионерами. Но если отбросить фразеологию, в роде той, что рабочие в государстве рабочих и крестьян работают на себя, фразеологию не более удачно повторяемую и на Западе в случаях процентной заинтересованности рядовых рабочих или наделения акциями наиболее квалифицированных, — то придется признать, что в отношении к капитализму разница положения рабочего и там и тут очень не велика. На Западе он раб Капитала, слившего свою силу с государственной, на востоке раб Государства, слившего свою силу с мощью Капитала.

Недавно прозвучал над миром и как то странно оборвался голос Генриха Форда.

Из самых, казалось бы, глубин погружения в материю, из гигантских фабрик и заводов Детройта, под вой машин, скрежет конвейеров, раздался мощный протест, почти крик, требующий освобождения творческой промышленности от рабства финансовому капиталу.

Сам крупнейший собственник-капиталист, Форд не может, конечно, направить свой голос вообще против собственности и капитализма, как системы. В современном капитализме он различает два начала: промышленный капитализм и финансовый. Различие, устанавливаемое Фордом, чисто психологическое и вряд ли как критериум способно выдержать серьезную критику. Капиталист промышленник, владелец завода, ставит на первом плане своей деятельности интересы самого производства. Его главнейшим импульсом является творчество (начало духовное), капиталист финансист, даже будучи действительным владельцем завода, ставит на первом месте личную материальную выгоду (начало экономическое). «Смешивая промышленность и финансовый капитал, говорит Форд, мы соединяем два понятия не только различных, но даже враждебных: промышленное предприятие не может одновременно служить и обществу и финансам. Можно утверждать, что финансы в соответственном смысле слова не только не помогают промышленности, но, напротив, скорее живут ее эксплоатацией и ее раззорением».

«Капитал, помещенный в дело под залог живых его сил — есть мертвый капитал. Если предприятие работает только по соизволению этого мертвого капитала, то его главной целью станет вознаграждение владельца этого капитала»... «он не только не является одной из живых сил дела, но, напротив, превращается в мертвый груз».

Если мы вспомним формулу Монтескье: «Les financiers soutiennent l'Etat comme la corde soutient le pendu», — то эту роль мертвого капитала придется распространить с области промышленности на все государство.

Сам Форд распространяет эту роль, повидимому, даже за пределы отдельного государства:

«В течение веков некоторые группы людей, одаренных поразительным чутьем, по наследству владели большей частью золота на земле. Не все существующее золото принадлежало им, но все же его у них было достаточно, чтобы быть хозяевами положения, в особенности в Европе, где они по своему усмотрению творили войну и мир. Их могущество заключается не в золоте, которое само по себе не имеет никакой цены. Их могущество всецело заключается в умении управлять тем представлением, которое люди имеют о золоте. Опасность заключается не в рабском подчинении золоту, а в подчинении людей известной концепции этого понятия. Верховный контроль капитала есть нечто реальное и он производится группой финансистов». (Г. Форд. «Сегодня и Завтра». Ленгр. 1927, стр. 41).

Голос Генри Форда замолк после нескольких неудачных поездок на автомобиле, едва не стоивших ему жизни.

По ассоциации мне вспоминается другой голос, не так давно замолкший; я имею в виду Рудольфа Штейнера.

Говорить о нем, а тем более цитировать его произведения, считается сейчас еще более неприличным, чем цитировать Форда.

Может быть это также зависит от «умения управлять представлениями» и от «рабского подчинения людей известной концепции», но мне казалось бы малодушием только по этим причинам не упомянуть здесь об одном из наиболее оригинальных борцов за освобождение Духа.

Заслуга Штейнера в том, что он стремился вывести духовную жизнь человека из мистического тумана, из отвлеченных, неясных представлений, далеко отставших от современного умственного развития человечества, — на почву познаваемого, на реальную почву.

До сих пор реальным могло быть только материальное.

Он стремился сделать духовное таким же реальным и жизненным. И этим духовным должно было быть проникнуто всякое явление жизни. До сих пор духовное начало как бы поглощалось на земле, так, что вся духовная культура, равно как и область права, почитались «надстройкой» над экономикой.

Во всех жизненных вопросах начала практичности, пользы, выгоды обладали непререкаемым приоритетом и тот, кто стремился обосновать свою жизнь на других каких либо

началах, был «беспочвенным идеалистом», «обреченным», «неудачником» в жизненной борьбе.

Вместе с Фордом Р. Штейнер требует выявления духовного творческого начала и сопоставления его, как реальной самостоятельной основы жизни, наряду с экономикой и правом.

«В пролетариате развился разрушительный предрассудок, будто вся правовая и духовная жизнь возникает с природной необходимостью из хозяйственных форм... То что развилось теперь, как временное явление, за последние столетия — зависимость духовной и правовой жизни от экономической, рассматривается теперь как природный закон. Истины не видят, что как раз эта зависимость привела к катастрофе, и предаются все тому же предрассудку, что нужен только другой экономический строй, который и даст другую правовую и духовную жизнь. Хотят переменить только экономический строй, вместо того, чтобы понять, что необходимо прекратить зависимость духовной и правовой жизни от экономической».

Штейнер всегда полагал, что государственное и экономическое насилие должно быть заменено кооперацией трех независимых друг от друга областей: области духа, области права, области экономики. Этот принцип на первый взгляд кажется слишком утопичным, но не казались ли в свое время утопичными принципы Монтескье, превозгласившего в полицейском государстве разделение и кооперацию властей — исполнительной, законодательной и судебной?

Штейнер полагает, что новый социальный строй должен реализовать **свободу** — в области духа, **равенство** — в отношении права и **братство** в сфере экономики (кооперация).

Мне кажется, что некоторые мысли Форда и Штейнера, не оцененные их современниками — должны найти отклик в среде нашей пореволюционной молодежи. Во всяком случае над этими мыслями стоит задуматься.

Свобода... Равенство... Братство... — грустно улыбнется эмигрантский политик и экономист. И, скрывая улыбку под вежливой фразой — вероятно скажет: об этом мы послушаем как нибудь в другой раз.

В. Зубов.

О ТРУДЕ И СВОБОДЕ

Современность остро поставила две проблемы: осуществления свободы и организации труда.

Лозунги не новы на первый взгляд. Ведь «демократизм» процветает почти во всех передовых странах. Казалось бы живи да наслаждайся «демократической свободой». Однако сами «демократы» (пишу в ковычках — ибо «псевдо») принуждены искать новых форм, т. к. уж больно жестокой и голодной оказалась их свобода для человечества. Все теории, литература, революции и моря крови — все усилия, потраченные для торжества «демократической свободы» дали весьма слабые результаты. Гора родила мышь. Всего то и получило человечество: право раз в несколько лет подавать свой голос за один из списков профессиональных политиков. Для истории политической группы успех или провал на выборах является крупным событием, но для рядового обывателя или рабочего все эти вотумы не приносят никаких перемен. Он их и не замечает. В подавляющем большинстве граждане демократических стран смеются над своими выборными и мысленно посылают их к чорту.

И все же этот опошленный демократический лозунг свободы притягивает, ибо при всем его искажении — основа его живит надеждой.

Всяческое поощрение и культивирование жажды наживы явилось главной причиной переживаемого кризиса. В Америке каждый рабочий считал своим самым священным долгом откладывать хотя бы десять процентов заработка. В результате рядом с сверхприбылью предпринимателя существовала и сверхприбыль рабочего. Обе сверхприбыли значительно по-

вышали рыночную ценность продукта. Эти сверхприбыли капитализировались и собственники их, в пафосе жажды скорого и легкого обогащения, обращали деньги в акции. Биржа в послевоенный период сильно демократизировалась. Подавляющее большинство американцев было втянуто в биржевую игру. Неоднократно Америка (до последних кризисов) сравнивалась с огромным игорным домом. Психология игрока захватила массы. Как бы ни старались экономисты объяснить причины мирового кризиса, интересно проследить хронологию событий. Кризис начался в октябре 1929 года, когда группа банкиров Уолл Стрита начала свою роковую игру на понижение. И вовсе не падение цен на товары вызвало падение бумаг на бирже, а как раз наоборот. Для этого достаточно проследить движение соответствующих цифр. Нет никакого сомнения, что ответственность за экономический кризис падает на азарт банкиров и их жажду наживы.

Печально сознание, что урок проходит бесследно. Все буржуа и рабочие ждут лишь возможность начать сызнова биржевую спекуляцию.

В наиболее пострадавшей от кризиса Германии особенно интересен сейчас взгляд многих спецов инженеров. Они считают, что, при максимальных уступках, все же капитализм осужден исчезнуть в ближайшие десять-двадцать лет. Спасение от хаоса представляется в переустройстве хозяйства на советский лад. Разница в том, что наша революция, пришедшая снизу — стихийно вызвала моря крови, тогда как в Германии есть надежда, что революцию возглавит среда спецов-инженеров, убедившихся, что им невозможно работать в рабстве у финансового капитала. Мерещится идея нового специфически военного государства, где солдатами явятся рабочие, а офицерами — инженеры. В то время, как военная каста являлась ничтожной численно в отношении всего населения — в инженерном государстве солдатами явится все трудоспособное население. Эта инженерно-офицерская среда неизбежно воспримет и бескорыстность, преданность идее, а не карману, жертвенность во имя общего дела, а не личной наживы, крепкую дисципли-

ну, — свойственные военной среде. В будущих войнах более сильные в промышленном отношении страны явятся победителями. Следовательно и функция государственной обороны переходит от регулярной армии к заводам. Собственно-же армия обращается все больше в организацию внутреннего полицейского характера.

Можно утверждать следующие пути к разрешению мирового кризиса: **освобождение труда от необходимости накопления капитала,** каковая обязанность всецело переходит к государству.

Подобная реформа бесспорно сдвинет процесс с мертвой точки. Здесь кроется истинное разрешение проблемы свободы. С уничтожением способов накопления и эксплоатации, человечество освободится от столь заразительного и тлетворного пафоса наживы.

Есть какое-то неразрешимое противоречие в самом факте «сбережения» трудящимся. Ведь оплата за труд подразумевает известную сумму денег, нужную для удовлетворения потребностей рабочего. Рабочий — потребитель, и чем больше он потребляет, тем больше развивается промышленность, тем больше дешевеют товары. Наоборот, чем больше рабочий сжимается, как мы это видим теперь, тем острее становится кризис. Столь рекомендуемая буржуазная мораль: отказывать себе во всем и откладывать — абсурдна. Если бы все рабочие перешли на хлеб и воду — мировое хозяйство умерло-бы. Ложь же заключается в том, что рабочий, в сущности, не имеет права сберегать и откладывать. Ведь каждый раз, когда он просит прибавки оплаты, он объясняет, что ему не хватает на жизнь. Желательно было-бы посмотреть на лицо предпринимателя, которому служащие заявили-бы, что им хватает жалования на жизнь, но не хватает на «откладывание».

Мы, эмигранты, должны отдать себе отчет в том исключительном положении, в котором мы теперь находимся. Если можно говорить о полной объективности мышления, то таковое доступно только нам.

Лишенные государства и находясь в положении париев в чужих странах, мы можем легче «граждан» понимать самую идею государства. Эта идея до сих пор имела столько определений, что правильнее сказать: точного определения нет, а имеется известная эмоция, подверженная разным изменениям в различные эпохи. Подданство лицу, монарху — когда-то первенствовало, затем сменилось подданством нации, языку, территории. Теперь, пожалуй, оформляется в сознании понятие государства, как некоторой эклектической системы, некоторого единого хозяйства, ограниченного территорией. Понятия нации, языка, религии даже, стали второстепенными. **Что впереди? Подданство идее? Хочется верить, что таковы будут наши пути.** В эмиграции мы лишены гражданства и, надо полагать, меньше всего страдаем от отсутствия возможности голосовать за каких-нибудь профессионалов политиков. Иными словами демократическая свобода нам менее всего нужна. У нас за то имеется некоторое преимущество перед гражданами стран, где мы живем. Мы не сливаемся с бытом (вернее очень мало еще). Мы действительно свободны в быту и многое, что граждане не прощают «своим», они легко прощают нам. Наши нравы стали много терпимее и нравственнее дореволюционных. Как бы мы не желали смены власти в России, мы ни за что не откажемся от дарованной нам революционной свободы быта. Легкость разводов значительно очистила семейные отношения. Можно утверждать, что корыстные мотивы совершенно отсутствуют при заключении браков среди беженцев. **Свобода брака от денег.** То, что почти неизвестно буржуазному миру.

Беженцы в значительном большинстве отталкиваются от всего буржуазного. Чем это объяснить? Ошибочно было бы утверждать, что здесь кроется зависть. Неужели кто нибудь из нас завидует типичным буржуа-лавочникам, которые всю жизнь буквально не жили, а только «откладывали» и на старость лет «накопили» капитал, который им уже никакого удовлетворения дать не может? Нет, нас отталкивает от буржуа именно его пафос наживы, его алчность и себялюбие. Без пре-

увеличения можно сказать, что, вынеся за скобки нашу тоску по родине и утрате близких, мы были бы вполне счастливы и ничего от жизни не желали бы, как только обеспеченную работу, которая давала бы нам возможность вести самый скромный образ жизни, без роскоши и без нужды в самом насущном. И вовсе не смешно, что мы считаем опустившимися тех из нас, кто проявляет признаки буржуазности и начинает «накапливать». Коль скоро человек переходит на сберегательную книжку, он становится жадным, равнодушным и бессердечным. **Пролетариат эмиграции добрее и отзывчивее буржуазии и капиталистов той-же эмиграции.** Вот почему мы вправе утверждать, что «право собирать капитал» зло, ибо знаем это не теоретично, а на собственном опыте.

Мы не только боимся так называемой «свободы труда», которая привела к безработице, но, наоборот, мечтаем прикрепиться к труду и без всякой гордости можем сказать, что труда не боимся и ни от какой работы не отказываемся. Мы и тут свободны от диктатуры «демократов», которые (что характерно для всех стран) проводят строгую градацию профессий и оплат, — и полны снобизма ко всякому нижестоящему на социальной лестнице, распластываясь в то же время перед каждым вышестоящим.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть свой подход к современному СССР. На примере может быть будет яснее.

В Москве разрушили Храм Христа Спасителя и на его месте строят Дом Советов. При всем сожалении о гибели великого русского памятника, к тому же гибели никчемной, ибо можно было найти и лучшее место для Дома Советов и похуже постройку для сноса, я все же не вижу в этом никакого ущерба **самой идее Церкви.** Что-же касается Дома Советов, то, как бы его ни построили, задача сведется вовсе не к его уничтожению в дальнейшем, для восстановления нового Храма Христа Спасителя, а к приведению этого нового дома-храма в христианский вид, к обращению его на служение Христовой правде.

Иван Степанов.

КОНЕЦ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Принято думать, что то прогрессирующее замирание эко-
экономического кризиса», явилось последствием великой вой-
ны и выпадения из мирового хозяйства России.
номической жизни, которое уже третий год наблюдается в ста-
ром и новом свете, под неудачным наименованием «мирового

Однако, самое слово «кризис» совершенно неправильно характеризует происходящее распадение веками сложившихся экономических и политических форм. Под «кризисом» принято понимать какое-то преходящее обострение серьезной болезни, которая, если не разрешается роковым исходом, то приводит к выздоровлению и новому накоплению сил.

Всестороннее изучение экономических явлений последнего времени заставляет тем не менее притти к заключению, что — 1) начало «мирового кризиса» следует отнести к какой-то гораздо более ранней, чем конец 20-х годов нашего столетия, эпохе и 2) кризис этот, если в ближайшем будущем в систему нынешнего экономического властвования не будут внесены коренные изменения, закончится для капитализма роковым исходом.

Я не боюсь упреков ни в излишнем пессимизме, ни в сеянии паники, хотя бы уже потому, что не приходится сожалеть о гибели экономического порядка (или вернее хаоса), который обрекает на голодную смерть 80 миллионов[1]) тружеников цивилизованных стран.

О. Шпенглер сказал, что «оптимизм — есть трусость». И если еще два года тому назад каждый американец, для успеха в делах, должен был всегда улыбаться, а его машинистка рисковала потерять место, если имела унылый вид, — то теперь...

---

1) 28.000.000 безработных и лица, состоящие на их иждивенич.

«улыбки уже не увеличивают кредита!». Самообольщение делового мира только ухудшает его положение.

С мужеством должны мы взглянуть в лицо надвигающейся на мир опасности и, подведя итог пережитой славной эпохе, попытаться установить, что именно должно быть спасено во что бы то ни стало из под ее развалин.

Эпоха, получившая наименование эры капитализма или же эры экономического либерализма — началась приблизительно полтора века тому назад, когда выдвинутый феодализмом правящий слой, истощенный в борьбе (главным образом за созидание абсолютных монархий), был вынужден уступить свое место классу буржуазии.

Лозунги экономической свободы, провозглашенные французской революцией, родились из эмансипации английской хлопчатобумажной промышленности (так называемого «манчестерства»). Эти лозунги оформились в идеологическую базу для развития «машинной эры».[1])

С тех пор, в течение ста двадцати пяти лет, одно великое техническое изобретение сменяло другое, и капитализм неизменно сохранял стимул к творческому развитию и оплодотворению новых форм жизни.

Вот главнейшие из этих «эр», которым цивилизованный мир обязан был своим благосостоянием: 1) текстильная эра (начало 1780 г.), 2) сталелитейно-машинная эра (начало 1805 г.), 3) железнодорожная эра (начало 1832 г.), 4) эра угля, химии и электрического тока слабого напряжения (начало 1870 г.) 5) эра электрического тока высокого напряжения (начало 1885 г.) 6) эра мотора (автомобильного и авиационного), беспроволочного телеграфа и «искусственного азота» (начало 1905 г.).

Опираясь на помощь науки и техники, «свободный человек» в промышленности шьет себе новое, просторное платье и в нем мало-по-малу выростает. Прирост населения во всех странах увеличивается. Открываются и завоевываются новые рынки. Тип государственного человека-политика сменяется ти-

---

[1]) Первой задачей которой явилось снабжение хлопчатобумажной промышленности паровыми машинами.

пом «экономического вождя», которому принадлежит в большинстве политических вопросов эпохи — решающее слово.

Вместе с родовой аристократией пред «третьим сословием» отступает и государство, как высший авторитет в области экономических и социальных отношений. В Пруссии происходит освобождение крестьян от крепостной зависимости (1805 г.), так как промышленность нуждается в рабочей силе, в Англии вводятся подоходный налог и свобода торговли, а во Франции буржуазия закрепляет добытые завоевания путем издания Кодекса Наполеона — этой «великой хартии вольностей» материально-обеспеченного человека.

Эти успехи капитализма и либерализма продолжаются в особенности в тридцатых годах 19-го века, когда началась великая эра железнодорожного строительств. Во Франции с высоты престола «король-буржуа» Людовик Филипп возвещает лозунг: «обогащайтесь». В Англии идея свободы торговли находит свое последнее выражение. В Германии появляются такие «короли индустрии», как Крупп, Матиас Штиннес, Борзиг, Майер и др. Буржуазия готовится к последним решительным боям 1848 года, когда между нею и рабочим классом происходит разрыв, и Маркс в своем «Коммунистическом Манифесте» впервые объявляет о неизбѣжности классовой борьбы.

Эпоха капитализма достигает апогея своего развития приблизительно после Крымской войны. К этому времени относится основание в Париже братьями Перейер первого спекулятивного банка и создание однородных предприятий в Англии и Пруссии (Блейхредер). В Лондоне строится первая подземная железная дорога, возникает первый универсальный торговый дом в Гамбурге, а в Париже мировая буржуазия демонстрирует свои успехи на первой всемирной выставке.

Но капитализм знал за эти годы не одни только успехи; он знал и кризисы (1815 г., 1825 г., 1836-1837 г.), которые, например в Англии, начиная с 1850 года, стали уже повторяться периодически каждые 6-8 лет. Одновременно растет оппозиционность рабочих масс, обделенных на пиру капитала. Вначале рабочие революции носят разрозненный и стихийный характер, вспыхивая то в лондонских доках, то в гамбургском порту, то в рудниках Рура или Силезии. Но мало по малу со-

циальное рабочее движение принимает все более организованный характер, в особенности после тяжких поражений 1848 г. Апогей капиталистического развития приносит также расцвет и социалистических движений во всех промышленных странах. Под влиянием учения Маркса и Энгельса, Лассаль основывает в Германии с.-д. партию. В Париже, как следствие неудачной франко-прусской войны, в 1871 г. происходит восстание коммунаров. На арену истории выходит новый класс-пролетариев, про которых Маркс сказал, что «им нечего терять, кроме своих цепей».

Как же реагируют господствующий класс и государство на усиление революционных настроений в среде промышленных рабочих — этой главной силы индустриального капитализма?

Буржуазия сознает, что только объединение отдельных отраслей промышленности в мощные экономические организации, с приобретением влияния на парламенты, печать и общественное мнение, смогут спасти ее в предстоящей борьбе от неминуемого разгрома. Государство же, вынужденное, в виду всеобщего избирательного права, прислушиваться и к голосу рабочих масс, сперва пробует занять нейтральную позицию, но затем, в особенности в монархических странах, начинает наступление на концентрируемый капитал.

В концентрации капитала, помимо воли выдающихся вождей капитализма, утомленных предшествовавшими схватками и вынужденных разделить поле борьбы на сферы влияния, решающую роль сыграло органическое свойство крупного капитала поглощать, впитывать в себя мелкие, по принципу — «богатому дастся, а у бедного отнимется». И вот во всех промышленных государствах возникают синдикаты, тресты и картели — эти чисто бюрократические организации, в которых единоличная воля энергичного предпринимателя заменяется безответственным вотумом собрания акционеров. Отныне свободная конкурренция — эта главная пружина капиталистического прогресса, была устранена, а судьбы промышленности делаются игрушкой закулисных влияний и биржевой спекуляции. Наступает эпоха окостенения и безответственности, прикрытых громкими фразами о свободе «частной инициати-

вы». В виду постоянной нужды этих организаций в притоке громадных оборотных средств, банки приобретают в экономической жизни преобладающее значение и промышленность постепенно теряет свой национальный характер.

Государство не остается к этому процессу равнодушным. Картеллирование и интернационализация промышленности представляли собою такую угрозу интересам всей нации, что заставили государственную власть там, где она еще не идентифицировалась с верхним слоем буржуазии, выйти из состояния «ночного сторожа» и стать на защиту не только «дверных запоров», но и жизненных интересов большинства нации.

Первым из государственных людей Европы, открывших поход против ничем не ограничиваемой экономической свободы, был Бисмарк, который в Германии национализировал железные дороги и ввел социальное страхование рабочих в ту эпоху, когда эти две меры в других промышленных странах еще были лозунгами революционных партий. Он же ввел в Германии покровительственные пошлины и всей своей политикой по рабочему вопросу стремился вырвать у с.-д. оружие для агитационных целей.

И тем не менее омертвение капиталистической ткани продолжалось. Безработицы в промышленных странах стали хроническим явлением. Продолжая работать экстенсивно и распространяясь вверх и вширь, наиболее предприимчивые капиталисты искали выхода из кризисов в расширении рынков и в колониальных приобретениях, но тщетно. «Мировой экономический кризис» должен был разразиться еще в 1914 году. Вершители мировых судеб добились, ценою мировой войны, отсрочки этого рокового часа...

Последствия мировой войны общеизвестны и я на них останавливаться не буду. После сравнительно кратковременного, носившего какой-то исступленный характер, оживления экономической жизни в Соединенных Штатах (1923-1927), одряхлевший капитализм был сражен апоплексическим ударом, от которого он не оправится.

Независимо от нагромождения целого ряда органических болезней, современный капитализм утратил импульс к дальнейшему росту. От него как бы отлетела душа, и он, потеряв

веру в своих вождей, превратился в пыльную декорацию, за которой скрывается запустение и упадок.

Мы привыкли понимать под словом «революция» исторический катаклизм, сопровождаемый народными волнениями, ожесточенной борьбой политических вождей и физическим, вполне осязаемым, перемещением социальных слоев. Таковы были все революции на Западе, такова и одна из самых значительных в истории — русская.

Но за последние годы в жизни цивилизованных народов имеет место исторический катаклизм, несомненно имеющий характер социальной революции, со всеми ее неисчислимыми последствиями, — который, однако, носит совершенно иной характер, чем великая французская или социальная русская революция.

Крепки и несокрушимы аппараты полицейского принуждения великих демократий с их броневиками, танками и слезоточивыми бомбами! Им не страшны никакие «марши голодных» к преддвериям Белых домов!

И тем не менее социальная революция в западной Европе и в Соединенных Штатах идет полным ходом, сопровождаясь поветрием самоубийств и голодных смертей в хоромах разорившихся богачей и лачугах безработных. Это — революция цифр, записей в банковских книгах и статистических данных — бескровная, безмолвная, но какая ужасная!

Цифры мировой безработицы более или менее известны. Но почему не опубликовывают других цифр, которые характеризуют мировую задолженность? Почему так мало говорят о революции, которая ныне происходит в бюджетах решительно всех великих держав, даже обеспечивших себя громадными золотыми запасами?

По самым осторожным подсчетам английского экономиста Филипса Прайса, американца Макса Винклера и американского экономического журнала New-York Trust Company (The Index), задолженность, тяготеющая над европейскими и американскими государствами, достигает 62 миллиардов долларов (не считая так называемых политических долгов), по которым

одних процентов кредиторам (США, Англии и Франции) следует платить ежегодно около 5 миллиардов долларов.

Проценты эти, за невозможностью погашать их путем экспорта (по причине высоких покровительственных пошлин), должны уплачиваться золотом или же валютой. Но каким образом могут государства-должники мобилизовать для уплаты этих процентов такие громадные запасы золота ежегодно, если весь мировой золотой запас, по последним данным, достигает всего 2.157.000.000 долларов! Таким образом мировая задолженность достигла суммы, один платеж процентов по которой представляется совершенно иллюзорным!

Другая глава этой «революции цифр» — прогрессирующие дефициты в бюджетах сильнейших экономически стран, вызванные недобором громадных сумм прямых налогов на капиталы, бежавшие заграницу и тезауризированные, на разорившиеся предприятия, на несуществующие доходы... Не будет преувеличением сказать, что львиная доля современных государственных расходов падает на плечи служащих и рабочих, еще не пораженных безработицей, и вторично на те-же малоимущие слои населения — в виде косвенных налогов.

Совершенно ясно, что вся система бумажно-денежного хозяйства в современных государствах в конец дезорганизована обилием находящихся в обращении денежных суррогатов (акций и векселей), не имеющих никакого покрытия, и грандиозными злоупотреблениями в области кредита. Поэтому я не буду далек от истины, если скажу, что нет ни одной страны в мире, которой в недалеком будущем не угрожала бы инфляция. Таковы в самых кратких чертах грозные симптомы разложения финансов капиталистических стран, которые лишь довершают общую картину надвигающегося на мир хаоса.

В кругах эмиграции не принято подвергать капитализм серьезной критике по соображениям тактики борьбы с нашим общим врагом — коммунизмом. Но целесообразно ли так поступать? И не содействуем ли мы таким образом успехам коммунизма в гораздо большей степени, чем если мы будем, на основании пережитого опыта, пытливо искать выхода из создавшегося положения, от которого к тому же русская эмиграция страдает в первую очередь?

Недавно молодой американский экономист Стюарт Чэз (Chase) напечатал статью под заглавием «Конец одной эпохи», в которой утверждает, что крах ряда американских банков знаменует собою конец не только эпохи благоприятной конъюнктуры, но и конец всей современной американской экономической системы. Он отмечает крушение кредита, безработицу, чрезмерную производительность многих важнейших отраслей промышленности, ненормальный рост индустрии, неправильное распределение национальных доходов (трудовые и собственнические), фантастическое картеллирование, ужасающее отсутствие разумного политического и экономического водительства, увеличение преступности. Он также видит зияющую пропасть между чисто бумажной платежеспособностью банков и чрезмерной продуктивностью промышленности. Для Европы Чэз предсказывает долгие годы забастовок, мятежей и диктатур и прекращение делового сотрудничества наций. Чэз поэтому рекомендует: перестройку денежно-кредитной системы, учреждение высшего совета народного хозяйства, десятилетний план, регулирование производства, разделение рынков, регулирование цен, государственное жилищное строительство, поддержание заработной платы на прежнем уровне, сокращение рабочего дня, страхование от безработицы — словом **плановое хозяйство** по всей линии.

Другой известный авторитет в области экономических вопросов, немец Фердинанд Фрид, на страницах ежемесячника «Die Tat» («Действие»), вып. 11-ый, резюмирует в следующих тезисах болезни капитализма и пути их преодоления:

1. Механическая и промышленная революция закончилась. Техническое оборудование промышленности завершено. Новых коренных изобретений ожидать не приходится.

2. Размеры и продолжительность современной безработицы не имеют себе равных в истории капитализма; также и падение цен на мировых рынках в течение столь кратких сроков.

3. Свободное хозяйство прогрессивно застывает в трестах и концернах, так что принцип конкурренции и отбора утратил всякое значение.

4. Свобода торговли (другой основной принцип капи-

тализма) уничтожен таможенными стенами и стремлениями отдельных стран к экономической изоляции.

5. Развитие капитализма привело к резкому разделению внутри наций на два неравные лагеря: собственников и пролетариев.

6. Свободное хозяйство не дает уже ни вождей, ни новых революционный идей, но вырождается в класс бюрократии и живет «наследством отцов».

7. В то время, как капитал делается достоянием меньшинства, интересы государства — вследствие вырождения демократии — все более сливаются с интересами созревших народных масс. Отсюда — успех народных социальных движений против капитализма.

8. В противоположность капиталу, государство и народные массы начинают выделять новых вождей и новые идеи.

9. Поколение, ныне стоящее у власти и на плечи которого легла вся тяжесть переживаемого развала капитализма, духовно лишено продуктивности и не может дать вождей ни для капитала, ни для государства, ни для народных масс. Вместо того, чтобы мужественно встретиться с кризисом лицом к лицу, это поколение от боя уклоняется. Вся его деятельность сводится к борьбе с подрастающими молодыми поколениями, которые располагают идеями, но, стесненные борьбой за существование, не имеют возможности их оформить и достаточно обосновать.

Самым опасным в переживаемом историческом моменте является необыкновенная громоздкость законодательного аппарата в демократических странах в то время, как надвинувшаяся экономическая катастрофа требует принятия быстрых решений. Кроме того, стоящие у власти политические группировки, опирающиеся на верхние слои буржуазии, совершенно не отражают происходящих в широких народных массах психологических изменений.

Некоторое время тому назад американский сенатор Бора заявил на конференции прогрессистов С.Ш.С.А следующее:

«Экономисты вычислили, что у нас приблизительно 3% населения контролируют 75% национального достояния. Но

не будем педантами и скажем, что у нас в штатах 4% распоряжаются 80% национального капитала. По этому поводу я хотел бы поставить на очередь одну проблему. Я совсем не сторонник экспроприации имущества итих 4%! Но не является ли справедливым, чтобы остальные 96% населения штатов приняли также известное участие в управлении национальным достоянием? Во всяком случае судьбы этих 96% должны быть нам ближе, чем интересы 4%»...

Так обстоит дело в Америке. В Германии, Англии и других промышленных странах западной Европы наблюдается приблизительно то-же соотношение сил между небольшой группой феодалов капитала и остальной нацией, полуголодной, обнищавшей и лишенной покупательной силы.

До поры до времени взрыв оппозиционных настроений в странах, пораженных распадением капитализма, конечно, можно будет сдерживать военно-полицейским аппаратом. Но долго это продолжаться не может. Большинство наций, лишенное фактически права на минимальное экономическое благосостояние, еще избирательных прав не лишено, и чем сильнее будут попытки со стороны власть имущих задержать ход событий, тем сильнее будет реакция народных вотумов...

Те, кто не хотят, чтобы красное знамя интернационала развевалось над всеми столицами мира, должны иметь мужество сделать из этого соответствующие выводы и, обуздав свой узко-классовый эгоизм, общими усилиями найти из создавшегося положения честный выход.

Капитал должен демократизироваться, а для этого проделать добровольно обратный путь от Рокфеллеров, Морганов и Вандербильдов к творческим народным слоям.

Капиталисты должны перейти наконец от экстенсивных (вширь) к интенсивным (вглубь) методам работы, если почва, на которой они до сих пор работали, истощилась.

Изумление вызывают попытки разрешения экономических кризисов на путях колониальной склоки, когда внутри самих «цивилизованных» народов миллионы европейцев нуждаются в самом необходимом. Настало время колонизировать не Китай, Конго или Уругвай, а брошенные раззорившимися фермерами и пустующие сельскохозяйственные площади, на кото-

рых городские безработные могли бы начать новую жизнь.

Политика снижения заработной платы служащих и рабочих должна быть решительным образом осуждена, как ведущая к понижению покупательной способности самого многочисленного слоя потребителей промышленных изделий. Гораздо целесообразнее было бы найти способы понижения доходов лиц, не проживающих своей ренты. Богатство нации заключается не в размерах сбережений незначительного меньшинства, утратившего творческие силы, но в высоте потребностей самых многочисленных слоев населения. Америка богаче Китая не потому, что в ней проживают полторы тысячи ныне уже «бывших» миллиардеров, но потому, что потребности американского рабочего выше потребностей китайского кули.

Продолжительность рабочего дня должна быть доведена до 25 рабочих часов в неделю. Если при современной машинизации труда работы на всех трудящихся не хватает, то из этого с неопровержимой логичностью следует, что теперешний рабочий день слишком длинен, иначе машина будет проклятием, а не благословением человека. Если от этого заработная плата даже несколько понизится, городской рабочий легко компенсирует дефицит в своем заработке работою для себя самого на дому (огородничество, ремесла, разведение домашних животных, искусство, самообразование).

Но все эти меры требуют прежде всего коренного изменения в психологии имущих классов, которые должны пойти на значительные добровольные жертвы, если не хотят потерять всего. Пора бы перестать презирать того «среднего» человека, которого обездолила в большинстве случаев игра слепых сил экономической разрухи. Он такой же инвалид, как и солдат, потерявший трудоспособность в борьбе с внешним врагом. Он в праве расчитывать не только на «милость сердобольных людей», но на мощную поддержку всего государства.

В изменении психологии ныне «ведущей» части человечества, в постановке ценностей вечных превыше благ материальных и заключается, быть может, самый действительный способ преодоления т. н. «мирового экономического кризиса».

Февраль 1932 г. **Георгий Немирович-Данченко.**

МЫ

В беседах с представителями разных идеологических течений русского зарубежья не раз приходилось устанавливать, что идеология «Утверждений» часто воспринимается, как ничем не обоснованное утопическое мечтанье, лишенное всякой реальной почвы, и ей противопоставляется так называемая «активная» непримиримость к большевикам и революции, как единая почва объединения всей русской эмиграции, как наше общее дело и долг перед Родиной.

Мысль, нашедшая свое выражение на страницах журнала, что большевики в некоторых случаях неотделимы в настоящее время от России — была многими понята, как оправдание большевизма в деле разрушения национальной культуры. Оказывается, по мнению некоторых — вплоть до наших дней — смысл революции исчерпывается тем, что шайка бандитов, путем террора держащаяся у власти, в продолжении 14 лет разрушает русские национальные сокровища. И единственной правильной тактикой считается объединение на фронте непримиримости пред лицом современной России.

Сделанного в области изучения русской революции достаточно для того, чтобы понять неизмеримую глубину тех причин, в коих кроются истоки этой революции. Так-называемые-же «активисты» не только не выдвигают никакой историософской системы, оправдывающей их домыслы; переводя все на почву борьбы, т.-е. столкновения реальных сил — они даже и в этой области не представляют собою единого целого и — в случае осуществления всех чаяний и свержения ими большевиков — раскололись бы неизбежно на свои составные элементы, на ряд борющихся друг с другом группировок, подходящих к вопросам социальной жизни с формальной, наиболее внешней стороны, и не поднимающихся до плана духовного, в котором — и только в котором — и могут быть решены эти вопросы.

За «активной» непримиримостью, как отрицательным понятием, не кроется никакого положительного содержания: неприятие того, что силою вещей создало историческую данность, в итоге является отгораживанием от национального строительства. Объединение на почве отрицания — призрачно, т. к. лишено творческого начала и питается враждой и ненавистью, а не любовью. Такая непримиримость может вдохновить на террористические акты, но не на устремление к созиданию социальной правды.

Сколь бы отдельный человек ни восставал против данного ему судьбой страдания, он — не принимая совершившегося — будет биться головой о стену, а жизнь — проходить мимо него. То же и в истории. Мы можем не приять революции, скорбеть о прошлом, вспоминать и чтить великих представителей русской культуры, но тогда — в русское национальное строительство мы не внесем ничего. История беспощадна, она сметает все, что не становится вечно новым. Культура — не есть исключительный культ прошлого. Культурное творчество предполагает соборную устремленность к сверхвременной национальной стихии, во временном же порядке — к будущему.

Осознавая в себе действие сокровенных, невидимых сил, мы с онтологической очевидностью внутреннего опыта ощущаем все величие переживаемого Россией момента, ее мессианское призвание и те возможности, какие раскрываются пред нами. Мы можем остановиться на точке замерзания, — на типично-эмигрантских формах непримиримости, скорбеть, чего-то ждать, на что-то надеяться. Тогда мы умрем вместе с невозвратимым прошлым. Но тогда — Россия, уже воскресающая — воскреснет не в нас, а в тех, что будут более чутки к Ее зову.

Для утвержденцев — разных течений и толков, нет иного пути, как прислушиваться к этому зову и познавать сущность России в прошлом и настоящем, чтобы правильнее почувствовать ее порыв в будущее. Мятежная душа России ищет своего выявления. Период ученичества, ассимиляции, а затем — отрицания, отказа от того, что по существу нашей родине чуждо, — несомненно окончен. Мы — свидетели русской

Голгофы — можем стать соучастниками воскресения страны. Даже сейчас, в формах грубого материализма и безбожия, Россия стоит под знаком служения всему человечеству, защиты угнетенных, идеи водворения на земле социальной правды. Нужно как-то помочь этому процессу, его национальному углублению и идеологическому прояснению. Ставшим на путь русского национального самопознания — в формах ли научного изучения или чисто художественного восприятия — открылось столь многое, что никакого сомнения не может быть относительно великого будущего нашей отчизны. Об этом надо думать, писать, говорить. Мессианское призвание России — в духовном плане, в выявлении новой христологической тайны миру. Это — раскрытие в мировом процессе и социальной жизни «русского, белого, воскресшего Христа», по слову Достоевского.

Грядущее, русское христианство — христианство сердца, а не разума. Православие только теперь начинает раскрываться во всей своей глубине сердцу русских людей. Только теперь вникаем мы в слова Достоевского «русский человек не может не быть православным», — слова, понимаемые прежде в узко конфессиональном смысле. Православие — **свобода**, в этом его сущность и коренное отличие от католичества. Свободу даст Россия миру, если будет на высоте своего задания.

Стремление к социальной правде, к государственности на почве любви и братства, не ненависти или подчинения одних народов другим, а гармонического сотрудничества — характеризует целый ряд пореволюционных идеологических течений. Уловивших ритм истории — не единицы, а уже много десятков людей, исповедующих мессианские пути России. А сколько тысяч и десятков тысяч исповедуют его бессознательно, в том или ином его искажении! Не залог ли это наступающего просветления?

Нам не грозит опасность национальной гордыни, сковывающей всякое творчество,—слишком уж четки контуры **жертвенности** во всех разновидностях росийских мессианских чаяний. Однако, как может быть велика эта опасность мы видим на примере мессианизма польского. Великие романтики—Цешковский, Красинский и другие — раскрыли сущность призвания поль-

ского народа и воспели его правду, создав образцы неподражаемой поэзии. Но дух провидения, как и пророчества — столь близкий русской душе, как дар Духа Святого, — по существу чужд душе польской. И великие провидцы оказались в одиночестве. Истина осталась истиной в потенции и прекрасной сказкой в действительности. Историческое задание осталось невыполненным; в сознании народа уцелела лишь идея его исключительности и превосходства над другими народами, — форма допустимая лишь как переходный момент к жертвенности и служению на благо всему человечеству.

Нас называют мечтателями и утопистами и призывают стать реалистами и бороться со злом физической силой. На это можно ответить, что мистики и идеалисты — наиболее практичные люди, так как, исходя из понимания истинной природы вещей, знают истинную их ценность. Мессианисты верят в господство духовного начала в жизни; свет не борется с тьмой силой и внешними средствами, свет **рассеивает** тьму. Все живет постольку, поскольку за ним стоит **идея**, в этом вечная правда Гегеля. Коммунизм победил в России, так как за ним стояла идея, идеи же лишен сейчас капитализм. И коммунизм будет внутренно изжит и преодолен той **идеей**, в которой, как в высшем Синтезе, будут сняты противоречия русской души.

Пути реализации этого Синтеза ныне пытаются осознать пореволюционные течения российской мысли—и на Родине, и за рубежом. Ибо действенно вложиться в процесс можно только осмыслив его, поняв его истоки и запредельные цели. Только при таких условиях подлинная внутренняя непримиренность со злом коммунистического матерьялизма может действительно переключиться в творческую активность — столь отличную от эмигрантского эмоционального «активизма» и лубочной непримиримости.

София Бохан.

АЗИЯ О ХРИСТЕ ИИСУСЕ

Каждый, соприкасавшийся с различными народами Азии, в часы сердечности и доверия слышит многообразные, но всегда благостные сказания о великом Иссе, о Божественном, о Пророке, о Лучшем из сыном человеческих — каждый по своему все о том же близком сердцу его. Все знают, что существует обширная литература, связанная с именем Христа в Азии, как по несторианским, так и по мусульманским и индусским источникам. Много написано о Христе и о Кришне, много известно о так называемых христианах Св. Фомы. Длинны и прекрасны сказания и песни Кашмира и всего Туркестана о великом Иссе. Мусульмане хотят иметь гробницу Христа в Шринагаре и мазар Богоматери около Кашгара. Опять таки каждый по своему и все о том же. Мусульмане мне говорили, что они всеми способами ищут все списки сказаний о Христе. Не буду приводить все многочисленные книги, часто написанные духовными лицами христианства о «Христе в Исламе», все Аграфы, трактующие об Иисусе в Персии и Индии. Действительно, и на юге Индии вы можеет слышать замечательные слова индуса о Христе; и Вивекананда в Бенгалии находит в себе незабываемую о Нем легенду; и Шри Васвами в Синде говорит слушателям своим о заветах Иисуса; и тибетский лама, вместе со священными своими книгами, полагает в субургане заветы Христа; и сартский бакша славословит Имя Его по пустыням; и князь карашарский удивляет вас знанием этих летучих сказаний.

Говоря о Кашмире, вспоминается арабская песнь «Когда Христос возносился, славословили все узревшие». И указывается Кашмирская песнь: «Славословят Христа в лучших словах. Превыше был Он солнца и луны. И так на красном ковре восемь мусульман, никем не принужденные, славят Христа до полуночи».

Существуют намеки о втором посещении Христом Египта. Спрашивают, почему Христос не мог быть и в Индии? Кто усумнится, что легенды о Христе существуют в Азии, тот покажет, что ему незнакомо огромное влияние несториан по всей Азии и какое множество апокрифических легенд они распространили от древнейших времен. Никогда не откроются источники легенд этих. Но если даже они произошли от несторианских апокрифов, то как поучительно видеть их живое распространение и глубокое к ним внимание. Знаменательно слушать, как местный индус повествует о том, как Христос проповедовал у небольшого водоема, недалеко от базара под большим, уже не существующим, деревом. В этих чисто конкретных указаниях можно видеть сердечное отношение к теме, взятой в качестве заглавия настоящей заметки.

В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена сага о пребывании в этих места Иисуса, во время Его долговременного отсутствия, указанного в Писаниях: Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытье. Ученики похитили Его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Существуют надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя.[1])

Нельзя не порадоваться широкому, всеобъемлющему проникновению Имени Христа-Искупителя, нельзя не подивиться в сердце своем какими незапамятными и необъяснимыми путями облетело имя Иисуса все пустыни. В последнем номере индусского журнала «Заря» читаем: «Храм Шри Иссы, Пури, является значительным местом индусского паломничества. В Пури находится священный храм, к которому во множестве стекаются индусы. Недалеко от него катятся волны Бенгальского залива. Между храмом и морем прекрасный сад, расположенный

---

[1]) См. мои книги «Сердце Азии» и «Алтай-Гималаи».

в спокойном месте и посвященный Христу. В центре сада небольшой «мандир». В нем стоит Крест! И каждый вечер ачариа мандира читает отрывки из Псалмов Нового Завета; и в течении дня из соседних святилищ приходят садху и сидят и беседуют с членами этого малого ашрама, посвященного Шри Иссе».

Кому-то нужно было пустить слух, что во время наших странствий по Азии, мною был открыт какой-то особо-важный документ о «Христе в Азии». К сожалению этот слух действительности не соответствует — но мне кажется, что и вышеприведенного материала достаточно, дабы судить о том, насколько живы в Азии эти саги, эти жемчужины духа, живые в претворении веков.

Я их привел здесь потому, что у каждого благожелательного сердца вероятно не найдется камня, чтобы бросить в певца мусульманина, по своему поющего самые высокие слова о Христе, не найдется желания остановить иноземную легенду, собиравшую вокруг себя глубоко внимающих слушателей.

Наука не может содержать в себе ничего разрушительного. Ученые заботливо собирают все крохи предмета, которые когда-нибудь, в чьих то руках, откроют новые пути истории народов. Путь невежественного отрицания приводит лишь к разложению, а честное познание, прежде всего, строительно в существе своем и в благородстве духа своего не может заниматься никакими умалениями. Мы можем проверять, можем накоплять отрывочные искры народной памяти, которая в своей возвышающей легенде имеет истинный всеобъемлющий смысл, в свое время неусмотренный.

Было бы непозволительно скрыть эти благостные легенды, открывающие драгоценные тайники души народов и соединяющие то, что было разделено, по скудоумию. С истинною радостью вспоминаю суждение по этому предмету некоторых греко-кафолических и римско-католических пастырей. Конечно, и светские ученые найдут в себе и справедливость, и добросовестность изучить этот вопрос не только критически, но и также беспристрастно, справедливо и тепло, как согрела легенда Азии бесчисленные сердца народов.

Николай Рёрих.

Гималаи, 1931 г.

АЗИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ИНДИЯ

I. «ТЕЗИС»

С падением Рима культурное единство западного мира было нарушено надолго. Рим, в эпоху своего расцвета впитавший в себя квинт-эссенцию греческой культуры, с царствованием Феодосия превращается в месторазвитие «варварства» и все дальше и дальше отходит от своих культурных истоков. И великолепный стих Горация, которым поэт выразил всю культурную задолженность Рима Греции, — «Graecia capta ferum victorem cepit, et artes intulit agresti Latio», — уступил место полной беспомощности и уныния заметке, которую римские писцы стали ставить на полях греческих рукописей — «Graecum est, non legitur».

Впоследствии этот антагонизм возвысил смущенное признание в степень утверждения, полного гордыни, а история сохранила его в подсознании западных народов, как некое предубеждение, которое живо и в нашу эпоху. Только сейчас оно относится не к греческой культуре, снова засиявшей со времен Возрождения на интеллектуальном горизонте Европы, но ко всему тому, что принято (часто огульно) включать в состав азийских культур.

Это предубеждение, которое я назову «классическим» (еще и потому, что, согласно подобной концепции, источником культуры вообще считается классический мир, т.-е. бассейн Средиземного моря) немало препятствовало усвоению средними европейцами того громадного значения, которое имела и имеет для человечества азийская мысль. Но это препятствие на пути к изучению Азии, к сожалению, не является единственным, и когда под мыслию азийской подразумевается мысль индийская, то оно усиливается целым рядом других, на которые нельзя не указать.

Первое из них есть невозможность изучать индийское прошлое чисто исторически. Индия не имеет истории. Это не значит, что от начала времен она представляла собой застывшую в летаргическом сне массу; нигде, как в Индии, исторические события не чередовались таким бешеным темпом. Но тогда как в европейских странах исторические памятники и хронологические данные ревниво оберегаются в музеях и памяти чередующихся поколений, Индия, извечно устремленная к небу, уделяла свое внимание «историческому» (как и всему преходящему) лишь постолько, поскольку в «быстротекущих» водах исторического процесса отражалось абсолютное и вечное.

В области изучения индийской мысли — исторический метод еще менее применим. Учения Индии не представляют собой ряд чередующихся и друг друга вытесняющих философских систем. Каждое учение надлежит рассматривать, с одной стороны, как фазу той традиции, к которой оно принадлежит, с другой — как коррелат целого ряда других учений, с которыми оно развивается синхронически и которые оно собою дополняет. Поэтому для индуса-комментатора вопрос хронологии, столь существенный для европейских ученых, не имеет большого значения. При изучении той или иной системы он руководствуется той же основной мыслью, которой будем руководствоваться и мы, а именно, что **во всей массе факторов, составляющих индийскую мысль, ничто не исчезает и ничто не рождается.** Самые архаические верования привлекают адептов и самая «новая» идея всегда оказывается результатом длительного культурного процесса, начало которого теряется в тумане пред-истории. Поэтому каждая система рассматривается в Индии не как самостоятельное целое, а как известная точка зрения — «darshana», индивидуализация сложного комплекса идей, органически связанных в одно стройное целое и заключающих в себе все возможные формы дальнейшего развития.

Вопреки общему мнению, путь изучающего индийскую мысль далеко не однообразен. Он встретится на этом пути и с положительными религиями, и с системами, которые в Европе назвали-бы «спекулятивными», наконец, с целым рядом про-

экций трансцендентного знания на действительность, — т.-е. с так называемыми науками.

Но тогда как в Европе понятия религии, философии и науки строго разграничены и даже находятся иногда во «взаимном противоречии», — в Индии эти понятия не противопоставлены, а наоборот, настолько тесно и органически связаны, что совершенно невозможно (да и бесцельно) выделить их — каждое в свою сферу. Происходит это в силу того, что религия и философия и наука суть лишь аспекты в разных планах одной метафизической традиции, выявлению основных принципов которой и посвящены данная и последующие две главы настоящей работы.

До своего окончательного оформления в Индии традиция, о которой идет речь и которая потенциально заключала в себе все дальнейшее развитие индуизма, уже существовала в культуре древнейшей, которую справедливо было-бы назвать «арийской», но которую я назову, ввиду тех недоразумений, которые вызывает этот термин, индо-иранской; как индуизм (в широком смысле этого слова), так и иранизм, впоследствии превратившийся в маздеизм, непосредственно вылились из этой традиции. Происшедшее тогда расчленение одного целого на два, хоть и родственных, но все же разных течения, во многом сходно с тем, что позднее произошло в Индии, когда буддизм, по существу выросший на базе ортодоксального брамаизма, поставил себя как самостоятельную доктрину. Трудно сказать, когда это расчленение произошло. Во всяком случае, иранизм, как таковой, был уже сформирован и представлял из себя самостоятельное целое задолго до кодификации его в Zenda-Vesta Зороастром, в котором надо, конечно, видеть не историческую личность, а такой же коллектив, каким являлся в Китае Фо-Хи, в Индии — Виаза и в Египте — Гермес (Тот).

С момента своего расчленения — доктрина, о которой здесь идет речь, может считаться в полном смысле этого слова индуистической. Дальнейшее ее развитие происходило совершенно закономерно и если в отношении ясности ее формулировки или разработки некоторых деталей можно отметить несколько фаз, то было бы совершенно нелогично, как это часто делается, разбивать эту доктрину на несколько самостоятель-

ных учений — т.-е. ведизм, древний брахманизм и новый брахманизм. Первоначальная доктрина, изложенная в Ведах — т.-е. в 4-х книгах Вед — в Brahamanas и Upanishads, потенциально заключала в себе все те идеи, которые лишь позднее нашли себе адекватное выражение. Таким образом эта доктрина представляет собой нечто строго определенное — как-бы некий **метафизический тезис.**

Антитезисом по отношению к нему можно было-бы рассматривать совокупность гетеродоксальных систем, зерном которых является буддизм, и, наконец, **Синтезом** — т.-е. результатом не только противоборства, но и взаимодействия брахманизма и буддизма, явится позднейший индуизм.

К тем основным идеям, которые, мне казалось, необходимо было уточнить прежде, чем приступить к разбору метафизической сущности индуизма, я присоединю еще одно предостережение. Натуралистическая школа, имеющая много адептов и среди ориенталистов, склонна видеть в идеях и верованиях каждого народа точное отражение физических особенностей той страны, в которой этот народ развивался. Если бы содержание брахманизма было бы исключительно мифологическим, то тогда, конечно, весь сонм богов, бесов и духов, с которыми встречается изучающий Индию, мог бы быть объяснен чудовищностью ее природных явлений. Но как объяснить, что в ведизме мифология тесно переплетена с метафизикой и с ней сосуществует? Ориенталисты обыкновенно выходят из положения расчленением ведизма на две части — т.-е. на примитивный, натуралистический культ, систематизированный в четырех сборниках — Rc-Veda, Saman-Veda, Yajus-Veda и Atharva-Veda, — с одной стороны, и на отвлеченное учение, созданное позднее кастой брахманов и никакого отношения к примитивному ведизму не имеющее. Это учение заключено в Upanishads и его предлагали назвать—эзотерическим брахманизмом. [1]) Такое объяснение явно покоится на недоразумении, ибо когда говорится о полноте доктрины, заключенной в Ведах, то тут надо иметь ввиду не только четыре указанных ли-

[1]) Oltramare довел до предела свое полное непонимание смысла учения Upanishads, назвав его «Брахманической Теософией»!

тургических сборника, но и все к ним комментарии, т.-е. Upanishads. Также, как и сами ведические гимны, Upanishads являются результатом непосредственного метафизического откровения, т.-е. познания интуитивного (shruti), в отличие от Brahma-Sustras и других darshanas, которые суть продукты индуктивного мышления. Поэтому первые не нуждаются ни в какой санкции, будучи сами высшим авторитетом и о них всегда говорится, что они apaurusheya — т.-е. нечеловеческого происхождения. Ни природные условия, ни исторические обстоятельства не могли иметь никакого влияния на сущность изложенной в них доктрины, которая носит вечный и неизменяемый характер. Наличие же мифологических данных в литургической части доктрины отнюдь не изменяет ее внутреннего смысла. Боги индийского Пантеона никогда не были богами в настоящем смысле этого слова, т.-е. наделенными истинными атрибутами Божества. Они являлись либо обозначением природных сил (Vayu — ветер, Prayana — дождь, Agni — огонь), либо космических функций (зло — добро — сила: Yama — Varuna — Indra).

...Мировой порядок предшествует богам. Роль богов не демиургическая — они никогда не были мироздателями и лишь охраняли гармонию, установленную Высшим Принципом, которому они сами подчиняются.

Что же касается стремления расчленить Ведизм на примитивный культ и на отличную от него эзотерическую доктрину — то тут нельзя не видеть продукт современной болезненной потребности во всем, что почему-либо мало понятно, искать особо-таинственный смысл. Термин «эзотеризм» предполагает существование известного «экзотеризма», которому он противопоставляется; в итоге дуализм двух доктрин, из которых одна, лишенная внутреннего содержания — достояние массы, а другая — лишь известного слоя избранных. Такое разделение доктрины наблюдается в иудаизме, древне-греческих традициях и отчасти в исламе. В индийских же учениях оно отсутствует в силу их глубокого метафизического единства.

То, что в индуизме кажется «эзотеризмом», есть ничто иное, как особый метод формулировки. Индийские мыслители, встречаясь с понятиями чисто метафизическими, т.-е. неопре-

делимыми логически, должны были прибегать к сравнениям. Поэтому взятые ими образы не должны быть толкуемы «au pied de la lettre»; они представляют собою как бы умственный трамплин для дальнейшей работы чисто внутреннего и личного характера.

Разумеется, отсутствие эзотеризма не означает отсутствие иерархии, присущей всякому знанию (например, математике). Но здесь иерархия слагается естественно и как бы сама собой, а не есть продукт классификации людей на «посвященных» и на «непосвященных», произвольно производимой некоей высшей инстанцией и совершенно не соответствующей действительному духовному уровню посвящаемых.[1])

Вопреки общему мнению, священное знание в Индии не есть привиллегия одной касты Брахманов. Задолго до появления буддизма постоянно цитировались случаи, когда сами брахманы по вопросам теологии обращались за разъяснением к представителям иной касты — раджам или анахоретам. Стаж у брахмана не заключался исключительно в толковании священных текстов. Передаваемая устно традиция помимо метафизики включала в себя и философию и целый ряд научных отраслей.

Для западной философии, так же как и для теологии, характерным является «айтиологическое» обоснование существования Божества. Сознание реальности и причинной связи всего окружающего есть тот свод, на котором покоится все здание западной философии и Божество необходимо ей, как Первопричина, как первый камень этого свода, заменить который столь-же ощущаемой реальностью ей пока все еще не удается. Божество, как и все метафизическое — это лишь досадная необходимость и философская система тем совершеннее, чем менее опирается на этот камень все ее построение.

В метафизике наоборот абсолют есть очевидность, единственная нерушимая реальность (его основные свойства — единство; бесконечность и вечность суть начало и конец вся-

---

[1]) Недавно вышедшие из печати «Списки русского масонства», если только они аутентичны, не могут не убедить всякого, имевшего их в руках, в правильности высказанной мной мысли.

кого дальнейшего развития). Мир же феноменальный, т.-е. все изменяющееся и преходящее, представляет собой проблему, разрешение которой возможно лишь в Боге и которая тем самым не имеет самостоятельного существования.

Итак, центром всякой метафизической доктрины является идея «абсолюта». В метафизике индийской, о которой в настоящей статье идет речь, этот абсолют называется «брахман».[1])

Брахман есть индифференциированное Божественное начало в самом абсолютном смысле этого слова, т.-е. вне всякой персонификации или определяемости. Брахман заключает в себе полноту всяческого бытия и одновременно в своей непроявленной «форме» он есть абсолютное небытие. В этом отношении он прежде всего «nirguna», т.-е. нейтральный, непознаваемый принцип. О нем нельзя ничего сказать другого, как только утверждать его существование. Поэтому его в санскрите всегда именуют в среднем роде — «sat», т.-е. «то что существует» (само по себе) или «tat» — «это», т.-е. сущность сама по себе, абсолютное чистое бытие.

В своем единстве брахман тем не менее имеет как бы два «лица», или ипостаси. Первое символизирует одновременное состояние и бытия и небытия абсолюта, второе относится скорее к его состоянию абсолютного бытия. Рассматриваемый в этом последнем своем образе, брахман есть ничто иное, как «атман», т.-е. свое «я» всего сущего, совокупности всех миров, как видимых, так и невидимых. И в обратном как бы порядке, «атман» абсолютно идентичен брахману и с ним сливается. Это утверждение метафизического единства брахмана и сущности всего сущего, начиная от высших внеформенных стадий бытия и кончая миром феноменальным, есть тот краеугольный камень, на котором зиждется все дальнейшее развитие индийской мысли, как ортодоксальной, так и еретической. Исходя из этой идеи «Абсолютного Единства», сначала индуизм, затем буддизм обосновали теорию иллюзорности феноменального мира. Но тогда как индуизм утверждает эту иллю-

---

[1]) Нечто аналогичное индийскому «брахман» встречается и в каббале (несмотря на ее во многом неметафизический характер) под названием Aïn-Soph.

зорность лишь в отношении к той абсолютной реальности, каковой является брахман-атман, буддизм «Nagarjuna», исходя из отрицания самого брахмана и, следовательно, атмана — приходит к идее всеобщей пустоты.

Но для того, чтобы правильно понять все дальнейшее развитие доктрины, надо сразу отметить, что то «я», о котором здесь говорится, т.-е. атман — не есть «я» в обычном смысле этого слова — т.-е. эмпирическое «ego», феноменальный или социальный индивидуум. Это скорее духовная сущность — т.-е. безличный источник личности, подсознательный субстрат сознательных явлений. Разница между этим «я» и эмпирическим «ego» сводится к разнице между «личностью» и «индивидуальностью». Здесь личность рассматривается, как известный трансцендент, как принцип, по отношению к которому человеческая индивидуальность является акцидентом, существование которого не изменяет и не аффектирует сущности этого принципа. Как таковой, он потенциально заключает в себе все возможности проявления и может сам не изменяясь быть сущностью всех образов бытия, как в мире феноменальном, т.-е. чувственном, так и трансцендентном, т.-е. внеформенном.

Личность, взятая в этом высшем смысле, никогда не индивидуализируется — да и не может быть индивидуализированной, ибо она должна быть всегда рассматриваема в аспекте ее вечности и неизменяемости, т.-е. основных аттрибутов чистого Бытия.

Неизменяемый в своей сущности принцип может, переходя из состояния статической энергии в действие, развить неограниченные возможности проявления. [1]) Но переход этот совершается в плане относительном и даже в известном смысле иллюзорном, ибо, как я сказал, он не изменяет ни сущности самого принципа, ни его характера незыблемости и вечности. Ми-

---

[1]) Проявление является результатом поляризации Высшего Принципа, заключающего в себе все возможности, как духовного, так и материального характера, на Purusha (или Puma), т.-е. начало духовное — принцип активный, положительный и мужеской и Prakriti, т.-е. первобытную индифференцированную материю — принцип пассивный, отрицательный и женский. Сопряжение этих двух принципов порождает жизненную волну. Я вернусь к теории проявления, столь важной для понимания как индийской метафизики, так и метафизики вообще, в одной из последующих статей.

ровое «я», т.-е. атман, взятое вне всяких условных ограничений времени, пространства или формы, вполне идентично брахман'у, т.-е. абсолюту, и обособляется оно в нем лишь субъективно, т.-е. если его рассматривать, как сущность известного оформленного состояния бытия. Поэтому здесь не приходится говорить о каком бы то ни было механическом отделении части от целого или выделении меньшего из большего, (понятие абсолютного находится вне всякой делимости), но скорее о **проявлении** этого абсолютного принципа в индивидуальности, например, человеческой.

Проявленный таким образом атман есть духовный центр [1]) этой индивидуальности, ее сущность и он дает ей реальное существование через внутреннее сознание ее абсолютного единства с индифференцированным атманом. Если это сознание затемнено, то действительный центр индивидуальности фиктивно подменяется другим, искусственным, рационального и чисто иллюзорного порядка. Так краски имеют реальное существование лишь при наличии света. Если разъединить понятие краски и свет, который в красках проявляется, то краска теряет свое реальное существование, подменяясь идеей о краске, т.-е. чистым измышлением.

Таким образом, «свое я», духовный центр всякой личности, есть «атман». Но с другой стороны мы видели, что атман есть брахман и брахман есть атман. Следовательно «свое я», очищенное от условных ограничений индивидуальности, абсолютно сливается с брахманом. Выраженная таким образом идея «Высшего Единства» не присуща исключительно индийской мысли. Она встречается во всех метафизических традициях, в частности, в таоизме и в мусульманском эзотеризме. Впрочем в этой последней традиции идея единства отчасти затемняется дуалистической идеей творения, проникшей туда из иудаизма. Но не в одной из названных метафизических доктрин принцип этот не утвержда-

---

[1]) «Местонахождением» брахман-атман'а в индийской метафизике считается жизненный центр, т.-е. сердце. По словам Upanishad в жизненном центре, обители брахман'а, ни солнце, ни луна, ни звезды не светят. Тот специальный мир, который представляет собой человек, взятый как микрокосм, освещается блеском величия брахман'а, в данном случае называемого Puru-Shaya, т.-е. живущий в граде. Нельзя не сравнить этот текст с апокалипсическим текстом о Небесном Иерусалиме, который освещается светом Агнца.

ется с таким бесстрашием, с такой силой, как в ведизме. «Ты спрашиваешь, что такое брахман? Это ничто иное как твоя собственная сущность, разлитая во всем мире». Лучшей иллюстрацией того, насколько эта идея глубоко вкоренена в индийское сознание, служит известный рассказ об анахорете, который, пронзенный кинжалом разбойника, обращается к убийце словами Chaudogya Upanishad: «Tat tvam asi» — «Ты также есть Это», т.-е. брахман.

Находясь в плане материальном, человек не знает основной истины своего абсолютного единства с брахман'ом. Внутреннее сознание его затемнено. В познании этой истины, индийская метафизика и видит настоящее назначение человека.

Каков же характер этого познания?

Всякий изучивший священные тексты может теоретически судить о вечном и преходящем, может на основании этих текстов утверждать необходимость существования всеобъемлющего Абсолюта. Но он еще далек от Истины, его познание ничем не отличается от знания опытного, в котором основное различие познающего субъекта и познаваемого объекта продолжает существовать. Иными словами он еще не вознесся над планом двойственности. Поэтому истинное познание, т.-е. познание интуитивное, «сердцем», единственное могущее освободить человека от уз детерминизма, не может быть просто умственным усилием исследовать нечто заранее принятое, как находящееся вне своего «я». Следовательно оно не может заключаться, как это часто предполагают «посвященные», в овладении силами природы или открытии целебного свойства. Оно заключается в полном assimilatio cognoscentio ad cognitum, т.-е. в уничтожении всякой двойственности и тем паче численности, в глубоком, как органическом, так и интеллектуальном сознании того, что познаваемое и познающий суть одна нераздельная сущность и лишь в силу незнания (avidya) или иллюзии (maya), имеющие самостоятельное существование.

Такое познание было отчасти известно и Западу. Так Аристотель пишет, что «душа есть то, что она познает», а христианская схоластика дает формулировку почти что идентичную индийской, утверждая (от противного), что грех есть со-

знание феноменальной личностью своей независимости, т.-е. разнородности с Богом.

Как Upanishads, так и Vedanta разбирают до мелочей свойства истинного познания и его результат — конечное «освобождение». В последующих главах настоящей работы я подробнее остановлюсь на теории «освобождения» так, как ее формулировал интереснейший из толкователей Vedanta — Shankarasharya, но пока кардинальным является вопрос: какой путь ведет непосредственно к этому освобождению. Путь-ли теистический, т.-е. путь служения и добрых дел, или путь интуитивного познания, т.-е. метафизической реализации. Индийская ортодоксия, не без логики, останавливается на втором, утверждая, что лишь интуитивное сознание своего абсолютного единства с брахман — влечет за собой немедленное освобождение от условностей феноменального мира и как бы растворение своего «я» в мировой душе. Польза служения (bhakti-murga) и добрых дел (karma-murga) не отрицается, но признается лишь как removens prohibens (предварительное устранение препятствий) перед реализацией высшего Единства, ибо никакое действие, даже доброе, не может освободить от неминуемых последствий этого действия.[1]) Следующий по пути теистическому еще не уничтожает иллюзию различия между познаваемым (upâsya), познающим (upasâka) и самим познанием (jnana).

Когда духовный факт освобождения совершился и Высшее Единство достигнуто, то что произойдет с обретшим истинный свет?

Тут надо различать две различных возможности. Либо освобождение совпало со смертью (videha mukti), либо оно произошло еще при жизни познающего субъекта (jivan mukti).[2])

---

1) Поздний буддизм на этом утвеждении обосновывает свою знаменитую «цепь».

2) Третья возможность заключается в так называемом «отсроченном освобждении», когда смерть, т.-е. переход из форменного состояния в состояние внеформенное, не совпало с окончательным освобождением. В этом последнем случае существо остается элементом того космического цикла, к которому оно принадлежит и вместе с ним продолжает свое существование.

В первом случае, т.-е. когда «освобождение» совпало со смертью, происходящий процесс реинтегрирования человеческой индивидуальности в абсолют проходит по тем-же стадиям, как и процесс проявления абсолюта в видах и формах, но в обратном порядке. Абсолют — брахман — обособившись во всеобщей сущности, атман — выделивший мировую душу — «Purusha», — проявился в мире очевидности и мире сокровенности, гранью между которыми является человек. Это есть нисхождение абсолюта к идее и идеи к форме. При обратном процессе, т.-е. восхождении от формы к идее и от идеи к абсолюту — происходит как бы растворение низших форм проявления в высших. Чувствительность поглощается мыслию (manas), мысль жизненным импульсом (prâna), жизненный импульс душой (jiva) и наконец эта последняя растворяется, т.-е. теряет свою индивидуальность, в абсолюте.[1])

Но освобождение, как мы видели, может совершиться и при жизни. Мудрец, который достигает реализации идеи полного как-бы органического единства с Абсолютом, интеллектуально с ним сливается и в нем исчезает. Разница между этой возможностью и предыдущей, собственно говоря, заключается лишь в продолжении существования тела. Но существование это лишь иллюзорно, ибо для реализировавшего в себе Высшее Единство, собственное тело, как и прочие условные ограничения, не могут служить препятствием к исходу из круговорота Бытия. «Шествующий в Истине» — Yogi[2]) знает, что все феноменальное есть лишь специальный аспект его собственного «я», которое в свою очередь идентично абсолютной сущности, брахману. Для него нет больше разницы между миром внешним и миром внутренним, все осязаемое или ощущаемое сводится к высшей реальности и в ней исчезает. Как только пелена незнания (avidya) спадает с его глаз и сокровенный смысл истины «tat tvam asi» — «ты есть это»—станет ему ясен, он вновь обретет свою собственную сущность, т.-е. растворится в брахман'е и, тем самым, освободится от тюрьмы (каковой яв-

---

1) Указанный процесс «растворения» человеческой индивидуальности, взятой, как микрокосм, строго аналогичен «растворению» всего мира — макрокосма, в конце каждого космического цикла (pralaya).

2) Yoga — дословно значит соединение.

ляется эмпирическая личность, от детерминизма законов судьбы, от круговорота трансмиграции. Затем, когда наступит смерть, он уйдет в вечность, «из которой уже не вернется».

В этих последних словах, являющихся как бы заключительным аккордом учения Upanishads, выявляется основная цель, смысл онтологической части индийской метафизики, как «пути» к возвращению в исходное состояние необусловленного абсолюта.

Древний Египет, как и древняя Греция, рассматривали загробную жизнь, как продолжение жизни земной. Поэтому совершаемые мистерии имели главным назначением обеспечить, путем надлежащего ритуала, миллионы лет загробного существования ушедшим с лица земли.

Ту же цель преследовал Китай. Там ритуал, символизирующий альтернативное взаимодействие мужского — теплого начала и женского — холодного, а также дыхательная гимнастика, ритм которой совпадает с пульсациями мирового Тао, периодически и виртуально восстанавливают индивидуальность усопшего и открывают ему доступ на «Острова Блаженства».

Христианство подошло к проблеме загробной жизни иначе. Христианская догматика, созданная небольшой вначале группой людей, охваченных идеей близкого конца мира, утверждает страшный суд, как отбор человеческих ценностей по известному моральному мерилу, но не дает, с точки зрения индуизма, удовлетворительного разрешения проблеме дальнейшего назначения, как оправданных, так и обреченных душ.

Индийская мысль, как мы видели, не остановилась — да и не могла остановиться, ни на одном из указанных решений онтологической проблемы. Исходя из сознания абсолютного метафизического единства причины и следствия — абсолюта и его проявлений, она естественно видит завершение жизненного процесса в возвращении в состояние вечного единства, в выходе из круговорота. Жажда слиться с абсолютом, вернуться в то состояние надбытия, где не существует ни времени, ни пространства, была во времена чистого брахманизма естественным следствием сознания превосходства абсолютного над относительным. Но к моменту появления буддизма идея метафизического освобождения, т.-е. естественного перехода от ак-

цидента к субстанции, превратилась в народных массах в психоз, в мучительное искание спасения от неумолимости законов трансмиграции.

Будущий Будда — принц Siddharta — взялся за лечение именно этого психоза. Цель его была исключительно практическая — избавить человека от страданий, связанных с бытием. Поэтому характерной чертой той философской терапевтики, каковой явился примитивный буддизм, была смесь известного рационализма с полным агностицизмом.

Но из чистого агностицизма буддизм постепенно превратился в радикальный гиперкритицизм, в отрицание метафизических основ брахманизма, в **антитезис**. С этого момента существование буддизма, как доктрины Будды, виртуально закончено. В своем негативизме он доходит до отрицания своей собственной сущности и это сопряжение двух отрицаний дает тот **положительный** фундамент, на котором построится космический идеализм буддизма «Малого Пути» — Hinayana.

Но брахманизм обладал слишком большой духовной динамикой, он был слишком пропитан идеей положительного абсолюта, чтобы раствориться в безвоздушном пространстве абсолютных отрицаний. И поэтому он не только выжил, но и, интегрировав положительные элементы буддизма, развился и окреп, при этом не изменившись в отношении своей сущности. Таким образом — круг завершился и на примере духовной истории Индии не кажется уж таким рискованным утверждение, что в метафизическом плане тезис и антитезис суть лишь поляризации одного принципа, который представляет собою извечно существующий синтез.

Всеволод Никольский.

СРЕДИ СОМНЕНИЙ И ОЧЕВИДНОСТЕЙ

1.

Что есть собственно литература, где начинается она и где кончается? Что, например, отделяет ее от публицистики и куда отнести легенду о великом инквизиторе, считать ли или не считать Розанова литератором? Все это темно и теперь, особенно после того, как познакомились с новым западным романом, типом которого является «Улисс» Джойса или «Парижский крестьянин Луи Арагона, этой энциклопедией быта, острот, легенд, снов, статей и рассказов о двадцати персонажах.

Все больше и больше хочется думать, что литература есть документ тем более ценный, чем более полный, универсально-охватывающий человека снимок, слепок, стенограмма, фотография. Но что-же тогда с отбором, с выбором стоющего и не стоющего? Стоющее есть полное заинтеросованностью духовно конкретное.

В противоположность взгляду Бердяева, искусство кажется мне наиболее предопределенным, наименее свободным родом творчества. Начать с того, что художник еще более огородника зависит от состояния внутренней погоды, позволяющей или не позволяющей ему плодотворно работать. Искусство есть благодать и вся свобода относительно благодати заключается в том, чтобы ее ждать.

Но больше того, не только само решение творить не свободно, ибо настоящий художник половину своего времени не может творить, а другую не может не творить; но и род, характер творчества предопределен весь до конца. Толстой мог по другому назвать «Анну Каренину», по другому расположить некоторые второстепенные события (хоть это и сомнительно), мог даже соединить ее с «Войной и Миром»; но он

ничего другого не мог написать, кроме именно дворянского романа именно с такими, а не иными, героями.

Но почему? Потому, что художник описывает лишь самого себя и то, чем он мог бы быть, свое потенциальное.

Проблемы брака и непротивления родились вместе с ним. Он не найдет покоя, пока не будет писать, сочиняя, не сможет от них избавиться. Только Гоголь пытался свободно переизбрать себе назначение и, увы, получилась всего лишь «Переписка с друзьями».

Всякий художник, который творит из ничего новое и небывшее относительно своего прошлого, своей памяти, лжет и выдумывает и даже имена героев (как Анна для Блока) являются для него чем то роковым и провиденциальным.

2.

Вот почему мне кажется, что единственный способ раскрыть эмиграцию, понять ее, — это вслушаться в ее литературу. Мне скажут, может быть, что и не следует понимать эмиграцию, а следует ее осмысливать, создавать новые ее формы.

Да, может быть, на общественных собраниях и в статьях, но в искусстве всякая форсировка, всякий выход из пассивного, — не творящего, а рождающего себя в красоте состояния, — тотчас-же создает выдуманность и публицистический оттенок. А надуманность и публицистика — как раз тот единственный серьезный упрек, который можно сделать сейчас советской литературе.

Будьте честнее — хочется сказать им, — будьте природнее и бесстыднее, — ибо где есть стыд и сокрытие в литературе — там нет раскрытия естественности и жизни.

Без некоего героизма откровенности не было бы ни подпольного человека, ни исповеди Ставрогина, ни Нехлюдова, ни Пруста, ни Джойса.

Всякое принуждение и даже самопринуждение сводит целого человека к одной только его стороне — долженствованию — и уродует природу искусства, ибо только самопроизвольное, самозабвенное, — действительно живо и музыкально.

3.

Художник прав лишь когда пифически, пророчески импульсивен, но как личность — вполне пассивен относительно своего духа; он как бы мист подземного экстатического культа, и как далеко от него рациональное, произвольное творчество инженера или метафизика — строение сознательное и волевое, идеал дневного надземного солнечного культа, относительно которого Бердяев несомненно прав, называя его максимумом свободы.

Обреченный на изображение своих навязчивых тем, непрестанных своих кошмаров и жертва непостоянного нрава своего демона, он несчастнее всего в несвободном мире, ибо он не может себя сделать чем то иным и переделать; приспособиться и ужиться, не фальшивя. И среди художников особенно литераторы нуждаются в свободе, ибо к счастью язык живописи и музыки слишком высок и темен, чтобы какой нибудь протестант цензор мог изобличить в нем крамолу. Ибо даже верить и мыслить можно тайно и для себя, писать же невозможно, ибо искусство естественно экспансивно.

4.

Не для себя и не для публики пишут. Пишут для друзей. Искуство есть частное письмо, посылаемое наудачу неведомым друзьям и как бы протест против разлуки любящих в пространстве и во времени. Потому то также мало настоящих читателей, как мало настоящих друзей. Потому то каждый настоящий читатель мог бы быть другом и сам бы того хотел. Ибо, как часто мечтал я быть другом Тютчева, Рембо или Розанова.

Если бы мы знали, как мало у нас читателей — мы наверно писали бы гораздо лучше, как если бы знали сколько, — о как мало — людей нас любит, знали бы в точности кто; мы доверились бы им всецело, жили бы только для них, не интересовались бы остальными. Ибо хуже всего страх читателя, а вдруг не поймет? И от него и доходят до писания на читателя, а читатель сразу это понимает и не читает вовсе.

5.

Напишите попроще! — Не могу иначе писать, жизнь противна. Ну тогда о другом; не могу о другом, это самое за мной гоняется, требует через меня обрести бытие. Каждый настоящий литератор есть герой отказа от халтуры и ни один халтурщик не настоящий писатель.

И, действительно, какое может быть дело до тех, кто вяло одобряет; умрите Вы — да, скажут, умер, жаль! и перейдут к очередным делам. И как тяжело огорчить хотя бы одного или двух неведомых друзей, как огорчил Пастернак, когда стал выхалтуривать своего лейтенанта Шмидта по социальному заказу; просто стыдно огорчить. Своих потеряете, чужих не обретете. Ибо читатель Пшебышевского также некий особый биологический тип, как и читатель Рембо или Сергея Шаршуна, необыкновенный роман которого не посмело напечатать ни одно эмигрантское издательство.

6.

Да, все это хорошо, но существует-ли эмигрантская литература? Трудно ответить: несомненно есть литература в эмиграции, есть эмигрировавшая литература, но еще почти нет эмигрантской литературы, как раскрытия в образе эмигрантского духа.

Литература эмигрировавшая есть как бы странствующая академия не у дел. Она живет исключительно воспоминаниями, совершенно вне контакта с живой окружающей жизнью и медленно замирает среди своеобразной клюквы. Отношение к ней — спокойное доброжелательство, исключительно устная и печатная похвала, историческая перспектива.

Теперь о литературе в эмиграции.

Волею судеб в эмиграцию было заброшено некоторое количество талантливых людей. Некоторые из них, не лучшие морально и не худшие, принадлежат к типу сердец не причастных к социальной жизни; таков Ю. Фельзен, например. Такими были Пруст, Соллогуб, Маллармэ; они пишут в эмиграции и писали бы в любой стране и на любом языке о вечных вопросах, о вопросах вечно занимающих их — и эмиграция есть всего лишь социальная декорация для их «самого важного», —

сантиментальных осложнений, например. Для них эмиграция есть нечто случайное и они вовсе не занимаются ее идеологическим средоточием, тем, что я называю особого рода «провиденциальностью».

Ибо для рядового эмигранта, особенно для молодого, сумевшего победить жизнь, говорящего на местном языке и практикующего спортсмэна — быть эмигрантом есть уже не неволя, не необходимость, а некий свободный выбор атмосферы, ибо тем, кому она не нравится, широко открыт доступ в любую, достаточно культурную, «новую родину», жаждущую свежего человеческого материала. Их позиция как то чище и благороднее позиции эмигрантских деятелей первого призыва, которые ничего другого и делать не могут. Однако, несмотря на относительное неудобство, эти молодые продолжают считать себя членами того апокалипсического тайного общества, которым могла бы стать эмиграция; расположенного над Россией, над Францией, над Европой и над Азией, над богатством и над нищетой; общества, обогащенного всеми полуистинами всех стран и состояний, с шумом сталкивающимися медными лбами подле него.

Дело в том, что эти люди, следственно и писатели, участвуют в каком-то духовном средоточии эмиграции, в некоем, не совсем и не всем ясном, ее деле, в ее провиденциальной заданности, все это волей, — а не неволей, как сбитые с толку беженцы с каррикатуры Мад-а. Так Ю. Фельзен, например, сформировавшийся в эмиграции, не участвует духовно в ней, а Георгий Иванов, сформировавшийся в России, — участвует, хотя полезны или вредны его прекрасные стихи — вопрос другой.

7.

«Вдохновленными устами, говоря без улыбки, без белил и румян, Сибилла достигает своим голосом предела в тысячу лет, благодаря своему богу».

Около первого года нашего летоисчисления, античный мир жил напряженным ожиданием гибели в огне, которую Сибилла Кассандра предрекла ему за десять веков до того, еще во времена Иллиона. Гераклит повторил предсказание и ожидание

было настолько реально, что Римский сенат должен был издавать постановления для успокоения волнений.

Казалось — ничто не угрожало римскому миру и его четыремстам большим городам, имевшим театры, его университетам, включавшим до пятидесяти тысяч студентов, его идеальной военной организации. Однако, гибель античности была уже реальностью, как червь в сердце прекрасного плода. Среди яркого дня, показавшегося вдруг темною ночью, на городской стене, около мест погребения, уже кричал петух на заре какой то новой жизни.

Ангел Рима был уже осужден и «мстители» уже начали собираться по задворкам, петь и ковать свои железные кресты.

Греки были мечтателями и болтунами, римляне были водопроводчиками и инженерами. Взойдя на гору, говорит Д. Джойс, грек тотчас же думал: «построим здесь храм». Римлянин же: «проведем здесь канализацию, поставим баню».

Однако римляне строили и храмы — и на улицах города ко времени Клавдия оставалось еще сорок пять тысяч богов и героев, переписанных во избежание истребления. А сколько было сожжено, как дивный Серапис Александрийский, потоплено в реках, расплавлено на монету и разбито! И все же чудо человека было осуждено. Тысячу лет потом апологеты вспоминали, это и мы вспоминаем . Человеческое сердце отвернулось от каменного величия и то, что некогда вдохновляло до иступления бородатых мужей времени республики, вызывало теперь лишь грустный эстетический восторг стоиков и мистов новых таинственных культов. Какой вечер в речах божественного Антонина!

«Боже справедливый, возьми, что пожелаешь, дай, что пожелаешь»... «Ибо Ты, а не я написал пьесу, в которой мы все актеры». Император — актер, Рим — декорация, освещенная дивным косым вечерним солнцем...

Так и мы ныне уже лишь грустно-торжественно любим Европу, последнюю богиню Бареса, на защиту добродушной, земной красоты которой умерло недавно еще столько миллионов. Но жалость и снисхождение не есть любовь и это все, что в нас есть; и разве у рабочего есть сердце и время, чтобы любить, ибо и чтобы любить нужно время.

В девятнадцатом веке он просто пил и умирал, теперь у него есть «законный досуг», восьми-часовой рабочий день. Но кому неизвестно, что восьмичасовый день был признан наиболее рациональным и выгодным способом использования нервной энергии рабочего. Одно из достижений научно-поставленной эксплоатации. И этой энергии после восьми часов работы «a la chaîne» вовсе не остается, при нечеловеческом, психологическом напряжении внимания. Именно способность ко вниманию израсходована до конца. И хотя физические силы еще остаются, нервной силы — сердца ее, уже не остается, разве только на фокстрот и кинематограф, а без нее нет ни духа, ни искусства, ни счастья.

8.

Конечно, с исторической точки зрения мне возразят, что Римская Империя погибла от экономических условий, от того, что Италия уже почти не обрабатывалась, Рим жил привозом, который был в руках случайного диктатора, оттого что сперва надоело возделывать землю, а потом и воевать. Все это я сам знаю. Но больше верю наивному св. Киприану: «сердце граждан отвратилось от Капитолия».

Когда-то, смотря на строющуюся руками легионеров, тоесть избранных граждан, арку нового водопровода, бородатый республиканец, в сандалиях, добродушно и степенно ухмылялся, думая — «нашенское строится». Но около первого года бритый римский молодой человек в котурнах, смотря на воздвигаемое руками рабов новое здание для морских гладиаторских боев, в бассейн которого десять галер могли погрузиться до верхушек мачт, уже думал иное, презрительно-иронически или удивленно произнося: «Ишь строится» или «Нерон строит».

«Наше». «Чужое». «До последнего человека защищаем наш город». «Будем-ли защищать императорскую провинцию»?

Кто в Европе кроме акционеров может сказать «Наше метро», «Наш Банк де Франс»?

«Ничье», «Чужое» (один шаг до развратного дьявольского).

И разве какая нибудь кухарка, влюбленная в городового, может сказать «Наш иностранный легион дефилирует по бульвару», или «Наша полиция разогнала манифестацию»?

Где же во всем этом «наша Европа», которую все же

нужно будет кому то итти защищать, когда «пятилетнему комсомольцу» сделается двадцать лет? Ибо Россия сейчас бедна, как беден делец, все деньги вкладывающий в предприятие, лишающий себя необходимого; но только такие дельцы и богатеют...

Ну, а книги? скажете Вы мне.

9.

«Благословенный ученик и подобие Иисуса, св. Франциск, вообще не любил книг. Но завидев на земле хотя бы малейший кусочек пергамента, покрытый буквами, благоговейно поднимал его и нес, ибо из букв этих могло быть составлено имя Иисуса».

Часто от всех огорчений я ухожу в библиотеку. Ибо уже давно у меня сложилась идея глубокой обязанности относительно умерших писателей всех времен — прочесть их. Ибо, думаю я, они жили не для себя и не для современников, а именно для меня. Они как бы молят меня с полок, дай им исполнить их назначение, спаси их жизни, столь тщетные иначе. И мне казалось когда то, что если бы все горело и рушилось или тонуло, — я набрал бы полную охапку все равно каких книг и так и шел бы с ними, пока не упал-бы и не умер. И вместе с тем «благословенный ученик Иисуса, св. Франциск, не любил книг» — думаю я вдруг — и что узнал бы большего, прочтя, например, сперва «физиолога» XII века и затем «о животных» Аристотеля, Гиппократа или Плиния старшего. В «физиологе» все это как-то даже интереснее.

«Муравей же, влезши на стебель, спервоначалу нюхает зерно и так различает плевелу от доброй ржи. Так и Господь наш Иисус, проникши в сердца наши, испытует их».

Сколько времени я потерял даром и на что мне были Полибий и Диодор Сицилийский и все ахейские союзы; если есть Подражание Христу, Цветочки св. Франциска и Трактат о темной ночи Иоанна Испанского, да и их можно было бы сократить до одного «изборника», подобного «Пчелам».

И все-же боюсь, что я, подобно св. Франциску, окажусь плохим защитником книг, ибо книги сильны против низменной жизни, но добро и гибель братьев сильнее всех книг и

Европа, увы, кажется погибнет от того, чего, казалось, в ней меньше всего. Европа погибнет от морали.

10.

Когда «пятилетнему» комсомольцу сделается двадцать лет он несомненно попробует свою несравненную техническую силу и свою новую антихристианскую мораль, разрешающую всякое насилие над «старым миром». И кто защитит тогда? Очень скоро большинство представителей «благоухающих седин» сойдет со сцены и с ними, надеюсь, их привычка к фальшивым громким словам, их заинтересованное воспитание и всякие сомнительные компромиссы. Мы останемся одни и сможем, наконец, поговорить честно, вне официальной лжи газет. Что выяснится тогда? Недавно одному обществу по устройству докладов необходимо было для полноты впечатления найти среди молодых литераторов хотя бы одного поклонника эксплоатации в стиле «машина освобождает человека», из числа никогда не стоявших ни за одной машиной; было опрошено более пятидесяти человек и с величайшим трудом найден один молодой писатель, да и тот отказался говорить, сославшись на то, что его интересует только личная любовная жизнь и он требует от политики только того, чтобы она ему не мешала.

Плохо дело последней богини.

Здесь в эмиграции тише и чище, чем на улице. Эмигранты родились в буржуазном мире и знают его земную сократическую глубину. Но они на опыте, а не из брошюр знают, что такое эксплоатация и какой ценой можно лишь защитить свою духовную жизнь. Они на опыте проверили то, что говорилось и писалось сверху вниз и не подленькому официальному оптимизму их переубедить.

11.

Так погиб Рим: сердце граждан отвратилось от Капитолия; им надоело воевать — и те, что некогда не допускали рабов до военной службы, как слишком почетной, — теперь начинали довольствоваться наемными Вольсками и Герулами.

Как раз в это время судьба и выдвинула на авансцену ве-

ликое переселение народов. А теперь — не та-же ли судьба выдвигает «пятилетнего» комсомольца?

И будем-ли мы укреплять дух человека улицы, дабы он шел на смерть в облака смердящего газа за «священный капитал» Коти и за «третью Империю» Гитлера-Круппа?

Мы сами, может быть, не станем разрушать этот мир, ибо мы христиане и для нас христианство несовместимо с насилием — что-бы по этому поводу ни говорили политиканствующие церковники. Но мы не можем не предвидеть то, что неминуемо наступит. Строй, породивший предстоящий ужас, не продержится в случае новой бойни даже года, даже полугода.

Мы живем ныне уже не в истории, а в эсхатологии и даже самые грязные газеты это смутно понимают.

Но какой же из этого вывод? Что же следует делать нам — художникам, писателям, скульпторам, композиторам?

12.

Вывод прост: следует всеми силами будить, трясти и даже мучить Европу, чтобы она в эти последние годы перед бесповоротною гибелью очнулась вдруг, произвела бы необходимые «до-зарезу» социальные реформы, освежилась бы морально, экономически и спортивно, чтобы она вновь, хотя бы немного, возвратила себе любовь обездоленных. Ну, а если она, замороченная газетными жуликами, не услышит, не проснется? И снова за грехи имущих начнется организованный расстрел на двадцати фронтах?

Тогда поручим свое сердце благословенной госпоже святой бедности, невесте св. Франциска Ассизского и Серафима Саровского, — и временно уйдем в свое апокалипсическое искусство. Но будем помнитъ, что только самые физически сильные, самые образованные, самые стоически-настроенные смогут выжить. Вновь посеять древние семена, возродить сперва тайные союзы, немногочисленные секты; потом, 12 часов «ударно» работая — петь гимны и псалмы; уничтожаемые, но непреклонные, — вынести вновь на свет наше абсолютное утверждение Свободы и Духа.

Борис Поплавский.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Пореволюционное мировоззрение еще только складывается, оно все «в становлении» — по многим вопросам не могло еще сложиться, ни тем более окрепнуть, синтетических формулировок. В области «проэцирования на действительность» тех или иных идеологических конструкций (т.-е. в области так называемой чистой политики) — остается еще больше простора для творчества; в этой сфере многое до сих пор нуждается в самой серьезной и всесторонней проработке, во внимательном и добросовестном обсуждении.

Настоящий отдел журнала посвящается именно такому добросовестному обсуждению различных пореволюционных установок.

Проблеме тактики новых течений посвящены ниже помещаемые статьи «Зарубежная смена» и «Против пассивности» — очень четко обрисовывающие оба крайние полюса пореволюционного фронта.

Самый факт перепечатки нами статьи Н. В. Устрялова, выпущенной автором в Харбине несколько месяцев тому назад, не должен, по мнению Редакции, повести к каким-либо недоразумениям: слишком хорошо известно, в чем именно сходятся и в чем разнствуют утвержденческие и Н. В. Устрялова политические позиции; лойяльное приятие комвласти и непримиримое к ней отношение достаточно для этого отличаются друг от друга. Редколлегия полагает, что для пореволюционной молодежи крайне ценна всякая добросовестная критика «оттуда», — мысли-же Н. В. Устрялова, как известно, разделяются значительными слоями внутри-российской служилой интеллигенци.

С другой стороны несомненно ценен и достоен сочувствия волевой революционный порыв С. В. Дмитриевского «против пассивности» — хотя темперамент и заносит иногда автора довольно далеко за допустимые утвержденчеством пределы.

Второй узел дискуссионных статей — «Заметки по вопросам политики» В. Д. Иванова, с частично на них отвечающими заметками В. С. Макарова и И. В. Степанова — затрагивает целый ряд вопросов, подлежащих весьма серьезному обсуждению в пореволюционных кружках. Талантливая и чрезвычайно искренно написанная статья Иванова пестрит «перегибами», многим современным молодым авторам свойственными, перемежающимися с действительно-пореволюционными (хотя и парадоксально-заостренными) утверждениями; — она заслуживает самого пристального внимания.

Статья М. М. Артемьева, хотя и пронизанная анархическим настроением, ставит важный вопрос, требующий четкой проработки.

Всем затронутым в настоящем отделе темам будет также посвящено несколько статей и в следующей книге журнала.

ЗАРУБЕЖНАЯ СМЕНА

О, темный рост поколений,
О, тайный сев судьбин!

Вяч. Иванов.

1.

Русской революции идет пятнадцатый год — возраст немалый для революций. В жизнь входит новое поколение. Мало по малу станет оно основным, определяющим политическим и культурно-историческим фактором.

Растет неизбежная смена и в эмиграции, в России номер второй; на наших глазах формируется новый человеческий материал зарубежья. И не случайно все чаще начинают в эмигрантской публицистике прорываться свежие мотивы: это заявляет о себе молодежь, ищущая «свои пути».

Незавидна участь и сложна социальная судьба этой молодежи. Часть ее мало по малу денационализируется, растворяется на чужбине. Но в основном своем ядре она все-таки продолжает оставаться русской. Оторванная от родной страны, ее младшему сектору незнакомой даже по воспоминаниям, разбросанная по всему миру и вынужденная к нелегкому, безрадостному труду в условиях чужой жизни, она страдает врожденной ностальгией и мучительно стремится духовно найти себя. Здесь прежде всего она естественно оказывается в идейном плену у старшего поколения отцов и учителей, подавляющих ее своим умственным и моральным авторитетом, влияющих на нее и в семье, и в школе, и в прессе, — повсюду. Можно положительно утверждать, что до последнего времени тон эмигрантской политической мысли безраздельно давало именно это первое поколение, всеми корнями своими уходящее в старую Россию. Уцелевшие обломки потонувшего мира.

Однако, время идет, природа берет свое, и новая смена выбирается из этого пленения с горьким чувством обманутого сына в душе. В самом деле: сколько тяжких поражений, сокрушенных надежд, рухнувших иллюзий, ошибок, ошибок, ошибок! Неотвратимо слабеет гипноз преданий, бледнеют образы прошлого, постепенно слагается новая социально-психическая среда русского зарубежья. Громче звучат голоса среднего поколения, тридцати и сорока-летних, юнцами вступивших в революцию и эмиграцию, более свободных от груза дореволюционных лет. А за этим вторым поколением непосредственно следует третье, уже чистокровная молодежь зарубежья. Так отцы неудержимо становятся дедами, а дети превращаются в отцов или, по меньшей мере, в дядей.

Каков же политический облик этой эмигрантской смены?

2.

Конечно, было бы ошибкой увлекаться тут чрезмерными обобщениями. Политические разногласия разделяют не только старых, но и молодых людей эмиграции. И у Милюкова, и у Струве, да, вероятно, даже и у Керенского, помимо пожилых, встречаются и юные последователи. Не редкость ныне в русской загранице — и вульгарно черносотенный, старорежимно монархический тип молодняка: помесь снобизма с недомыслием и вырождения с позою чести. Но едва-ли можно отрицать, что более характерные для мыслящего молодого зарубежья и несравненно более интересные — иные настроения, те самые, которые представлены «утвержденцами», евразийцами и родственными им группами.

Много сумбурного, наивного, подчас даже малограмотного в тех или других высказываниях этой молодежи, рядовых ее представителей. Нет у нее политического опыта, а то и политической культуры, сплошь и рядом не хватает знаний. Милюкову нетрудно бывает с терпеливой и внимательной снисходительностью разъяснять ей формально-логические и конкретно-политические пороки ее рассуждений. Струве легко осыпать достаточно дешевой эгоцентрической старческой бранью «юмористическую ходынку» ее газет и журналов. Все же бес-

спорно: старое старится, молодое растет. Дети, каковы бы они ни были, побеждают отцов.

Трудно говорить об **идеологии** зарубежной смены и тем более о политической программе, ею выдвигаемой. Пока может итти речь лишь об ее **психологии** и некоторых основных идейных **интуициях.** При всем разнобое, отмечающем обычно ее выступления, все же есть в них некая общность «тона», единство эмоциональной окрашенности. А за этим эмоциональным ладом предчувствуется нарождение и какой-то предметной, миросозерцательной «симфонии».

Зарубежные дети хотят быть «пореволюционными» — это одно из их заветных стремлений. Они не очарованы прошлым, не ноют по милым призракам и не хотят реставрации. Они рассуждают о «синтезе» дореволюционного тезиса с революционным антитезисом. Революция для них — не срыв, не жупел, не постыдное историческое недоразумение, а громадный и осмысленный, хотя и страшный, факт русской истории. Они чают плодотворного завершения революционной эпохи. Они проникнуты русским патриотизмом, но в то же время не чуждаются также интернациональных веяний нашего века, его универсалистических возможностей, подчас воспринимая их в духе вселенской идеи прежнего славянофильства. Вслед за старыми «Вехами» отцов они упорно проповедуют «примат духовного начала перед материальным» и выдвигают на первый план идею духовно-культурной миссии России. Они решительно отталкиваются от капитализма и лицемерной буржуазной демократии и достаточно равнодушны к великим принципам 1789 года. И тут снова — их своеобразное касание миру русской революции. Но, с другой стороны, и большевистский коммунизм во многом для них неприемлем. Их отделяет от него, прежде всего, марксистско-материалистический его облик. Они принимают проблематику русской революции, но отвергают ответы ее текущего этапа и мечтают о «равновеликом преодолении большевизма». Они утверждают новую «конструктивную пореволюционность».

Много туманного в этом комплексе настроений, осложненном многочисленными вариантами. Но следует отметить одну характерную его черту, явственно отличающую младшее по-

коление эмиграции от старшего: **молодежь психологически примиряется с русской революцией.** Она может сколько и как угодно громить большевиков за материализм и прочие их грехи, но той нутряной, безъисходной, лютой ненависти к ним, которая свойственна отцам, она уже не ощущает. Пусть традиции диктуют ей непримиримость, пусть воспитание ее тренирует на злобу, — неудержимо сгущаются в ее сознании сумерки белых богов. Ибо пореволюционность ее — не только головная и словесная, но и реальная, хронологическая, и с каждым годом все в большей степени. Для нее Октябрь начинает вырисовываться уже в некоторой исторической перспективе, и она не может не сознавать его роковой исторической закономерности, а также его сурового драматического величия, — особенно на фоне современных бед буржуазного мира, созерцаемых ею вплотную. Время — лучший врач и лучший реформатор. Если активные антибольшевистские политики эпохи 17-20 годов слишком ушиблены впечатлениями страшного всероссийского погрома той поры, если они, так сказать, биографически не в состоянии изжить ленинское пораженчество, Брестский мир и анархию 18 года, гражданскую войну и свои собственные слова и дела (как и свое погибшее материальное благополучие), — то для нового поколения все эти недавние реальности становятся историей, картинно оживляемой лишь архивом чужих воспоминаний да лубком американских фильм. На глазах переводятся стильные в своем роде зубры à la Н. А. Цуриков, способные воспринимать русскую революцию лишь в категориях «беглой каторги». Жизнь приносит иные рубежи, и для душ, не схваченных политическим артериосклерозом, открываются новые панорамы. Людям типа Струве доселе кажется, что революция, не послушав их наставлений, разгромила, унизила, опозорила Россию. Людям более поздних жизненных призывов этого казаться уже не может. Россия пребывает — помимо и вопреки эмигрантских отцов. Больше того: в своей революции она обретает себя и вместе с тем становится концентрированным выражением современной мировой жизни с ее проблемами и тревогами. И непоколебима вера в ее грядущие пути: «мы верим в такие возможности, раскрывающиеся в судьбе России, перед которыми

оторопеет филистерская мысль представителей различных наших традиционных направлений» («Утверждения»). Революция — это «стихийное выпрямление русской национально-исторической линии» (формула национал-максималистов).

3.

Но, конечно, отсюда еще далеко не следует, что эмигрантская смена, хотя бы в ее авангарде, психологически и политически созревает к реальному воссоединению с родиной, как она есть. Этого еще нет и быть не может. Не нужно преувеличивать идейно-психологической родственности между советской сменой с одной стороны, и зарубежной — с другой, между комсомольцем и евразийцем. Эмигрантская молодежь зачастую этого не понимает, недоучитывает своей глубокой оторванности от наличного быта и человеческого материала СССР, от своих советских сверстников. Необходимо осознать всю разнокачественность, иноприродность этих двух лагерей, из которых каждый укоренен в свою собственную стихию. И, разумеется, совершенно несоизмерима значимость того и другого в жизни нашей страны.

Представьте себе евразийские «временники» с их историософской романтикой и религиозным эзотеризмом в руках современного комсомольца-ударника! Представьте себе того же комосольца за политико-философскими размышлениями «Утверждений»! — Это разные миры... Они встретятся? — Да! когда-нибудь... в наших внуках... Но сейчас — сейчас не тешьте себя преждевременными снами!..

Сейчас, впрочем, спасибо и на том, что если комсомольцу еще нет дела до евразийца, то евразиец готов жадно и **сочувственно** всматриваться в комсомольца. Это уже большой шаг вперед — для зарубежья.

В наши дни как-то даже неловко повторять избитую истину, что русский революционный кризис может и должен быть разрешен лишь органическим внутренним процессом, имманентным развитием сил, заложенных в революции. Время военного контр-революционного удара старого покроя прошло безвозвратно, белое движение объективно неповторимо, и никогда

не вернутся дореволюционные времена — даже «приблизительно». Кто этого не понимает, тот политически безнадежен, даже при всей своей «верности и честности».

«Пореволюционные» идеологи эмигрантской молодежи это понимают и постоянно сами твердят об этом (быть может, правда, не переживая и не додумывая этого **до конца**). Решительно и с не оставляющей сомнений ясностью открещиваются они от всякого пораженчества, от какой-бы то ни было военной надежды на заграницу: «интервенция — одновременно нецелесообразна и неприемлема» (евразийцы), «итти с интервентами — итти против России» («Утверждения»). Необходимость государственной мощи СССР для них вне спора: «всякая попытка подорвать теперешню дисциплину в красной армии является преступлением против силы и крепости нашей родины» («Утверждения»). Они готовы также без тени предубеждения, с вдумчивым и сочувственным вниманием следить за хозяйственным переустройством советской страны. Свою конкретную критику тех или других мероприятий правящей партии они стремятся строить в общем контексте «приятия революции».

И все же — есть в политическом сознании зарубежной мыслящей молодежи одна опасная, глубоко ошибочная и в то же время весьма живучая тенденция: это — ее, так называемый, «активизм».

4.

Она хочет быть политически активной, она жаждет немедленного эффективного действия. В горячке исторического нетерпения она мастерит какие-то скоропалительные организации, — «единые фронты» и «партии-секты», — строчит программы будущего устройства России, объявляет себя наследницею большевиков, а то и всерьез уверят, что «добивается государственной власти в СССР»! И в пылу боевого азарта не сознает, что тем самым она рискует начисто утратить то ценное, что начинала обретать, и сворачивает на торную дорогу банальной эмигрантщины, на путь промотавшихся отцов. Ибо мало признать на словах, что судьба России и революции вершится внутри России и в плане революции, — нужно это при-

знание логически осмыслить, морально выстрадать и претворить в живой императив.

Нужно познать себя и свой удельный вес, свои действительные возможности в данной обстановке. Нужно уметь смотреть на себя со стороны. И соразмерять практические выводы с теоретическими констатированиями. Нужна трезвая, зоркая самокритика.

Каково значение эмигрантской молодежи (как и вообще эмиграции) в судьбах нашей страны? — Совершенно очевидно, что политическое значение ее ничтожно. Едва ли это нужно доказывать людям .пореволюционного сознания, желающим быть «имманентными революции»: такие люди не могут не понимать, что в настоящее время подлинная политическая «активность» сосредоточена в руководящем слое государства, в правящей партии и в комсомоле. Внутренние процессы, переживаемые революционной эпохой, выражают, как в фокусе, историческую эволюцию страны. И меньше всего этим процессам следует мешать шумливыми жестами «борьбы» из за-границы. Такова ситуация: простодушные «борцы», желающие во что бы то ни стало включить себя в процесс, лишь исключат себя из него — более или менее непоправимо.

Что же делать пореволюционным течениям зарубежья? — Прежде всего воздерживаться от претензий, способных их сделать смешными. Не предлагаться в наследники Сталину: пусть этим тешатся отцы, навсегда завороженные портфелями в бесчисленных белых кабинетах гражданской войны. Не переоценивать своих возможностей. Знать свое место. Наблюдать, изучать, вдумываться, понимать; в публицистике констатирований осмысливать эпоху, стараться мыслями посильно помочь процессу. И сохранять живую связь с русской культурой.

Эти рецепты веют «пассивностью», означают «веру без дел»? — Но эмигрантская политико-организационная суетня при наличных условиях есть не активность, а вампука. Бывает, что мысль оказывается наиболее действенным из дел и воздержание от «активизма» лучшею акцией. В России зарубежные хлопоты выглядят загробными. Иная активность есть не что иное, как прямой тракт в небытие.

Это печально? — Может быть. Но что же делать? Драма

русской эмиграции не есть еще драма России; и это должно понять новое поколение эмиграции. От зарубежной молодежи родина сейчас меньше всего требует практико-политической активности. Страна не нуждается в другой партии, — с нее за глаза достаточно и одной. Если эмигрантская патриотическая молодежь тяготится жизнью вне родины — пусть едет легально в СССР и растворяется там в новом поколении; там вдоволь почвы для активности без кавычек, для деловой работы. Но только надо заранее знать, что это **путь для нее далеко не легкий, чреватый суровыми испытаниями:** слишком чужда обстановка советской жизни привычкам, привитым эмиграцией! От многого придется отказываться и ко многому привыкать. Честь тому, кто не боится этих испытаний; но следует подчеркнуть, что сейчас они не являются каким-то непререкаемым нравственным долгом: страна обойдется и без новых возвращенцев. За границей же людям нового поколения остается пристально следить за динамикой событий и действенно заботиться 1) о посильной политической защите советского государства (и русской революции, как целостного процесса) от опасностей извне и 2) о продолжении русской культурно-исторической традиции, сохранении и запечатлении духовного лика России, его утверждении перед всем миром и для всего мира. Вот единственно целесообразные и вполне почетные формы желанной «активности» русских за границей.

5.

Однако, многим этого мало: младая кровь играет. Хочется вклиниться непосредственно и бравурно в процесс русских событий, прыгнуть из Праги и Белграда — в Москву. Мало активности мысли, — нужна активность политического действия, прямого и самостоятельного: партия, организация, бойцы. И в результате — сугубый отрыв от своей страны, от политических реальностей.

В этом отношении на очень дурной путь, к сожалению, стал единственный интересный невозвращенец Дмитриевский — в своей проповеди «национальной революции» («Сталин»,

предисловие). Худо, если он соблазнит некоторое количество малых сих, и без того склонных к соблазну.

Речь явно идет о русском Гитлере, о фашистских, «национал-коммунистических» кадрах в зарубежьи: «стройте небольшую, но тщательно отобранную, тесно сплоченную единством мысли и действия и самой жестокой дисциплиной, строго централизованную партию-секту воинов и монахов национальной революции» (стр. 13).

Поистине, ошеломляющий рецепт в устах человека, так удачно показавшего в своих статьях и книгах глубокую органичность советской революции, ее всемирную историчность и национальную оправданность! Непостижимая непоследовательность: на сотнях страниц проповедывать принцип «имманентности революционному процессу» — и в заключение вдруг совершить очевиднейший «трансцензус», прыжок за его пределы, не сознавая убийственного, сальто-мортального его значения! Не видя, что вновь рекламируемая секта воинов и монахов, при данных условиях, фатально окажется на деле не чем другим, как 1001-й жалкой эмигрантской затеей «спасения родины» бок о бок с иностранными контр-разведками. А, казалось бы, как этого не понять?!

Иное дело — Гитлер в современных немецких условиях; он — внутри страны, в потоке бурлящих и борющихся политических сил, у него есть организация, проникающая в массы, он действует в обстановке не великой революции, а болящего демократического режима, ему радикально чуждого. Как бы ни относиться к его программе (мне лично она представляется реакционной в одиозном смысле слова), можно хотя бы **понять** его ставку, как можно было в свое время понять Муссолини. Но чего добьются русские гитлеровцы, пытающиеся завести свои кадры в эмиграции на пороге 15-й годовщины Октября? Русский фашизм безнадежно опоздал, — он был бы еще у места в 17 и 18 году, во времена корниловского выступления, в первые месяцы гражданской войны. Но теперь он — кричащий анахронизм, он снят, отменен, преодолен, русская история пошла иным путем, и жалеть об этом не приходится.

Правда, в качестве большого философско-исторического обоснования своей активистской схемы Дмитриевский воскре-

шает образ Наполеона, как финал и венец революционной эпопеи. Но если даже отвлечься от всей условности и многосмысленности этой исторической аналогии, — как можно совместить принципиальную установку бонапартизма с организационными ужимками квази-гитлеровщины? Наполеоны зреют в недрах революций, а не за их рубежами. В наших условиях, на почве реально данной, себе довлеющей великой революции, внутренно нескладна, фальшива, смехотворна «партия», заведомо объявляющая себя бонапартистской: это все равно, как если бы исторический Бонапарт перед 18 брюмера во всеуслышание заявил, что он собирается стать французским Кромвелем.

Но мало этого, — проблема глубже. Наполеон, как известно, «сковал революцию во Франции и возбудил ее в Европе» (В. Гюго). Он называл себя и был на самом деле — «Брутом для королей и Цезарем для революции». Раз так, то советский Наполеон, — Цезарь Октября, — не может не стать в то же время **Брутом для мировой буржуазии.** Не значит ли это, что он должен быть заражен духом большевизма в гораздо большей степени, нежели этого хотелось бы Дмитриевскому, сумбурно грезящему о «либеральной диктатуре» и «повороте к Западу»?

Вызывая из исторических глубин призрак великого корсиканца, не забывайте, что призрак этот — меньше всего **ручной!** И учитесь воспринимать его — в полной мере диалектически!

Если большевистская революция органична, исторична, народна и национальна, как это вольно и невольно показывает в своих книгах Дмитриевский, — пусть же она развертывается во всю ширь и раскрывает все свои определения. Ее финал, как и вся она, не творится на стороне, в эмигрантских и невозвращенческих ретортах. Аналитика Дмитриевского во многом точна, его интуиции предметны и перо его остро (подчас черезчур, до «бойкости»); но тактический призыв его последней книги, его фашистские ухватки, его реклама какой-то «нашей партии» — это ложные жесты, вредная декламация, зря поощряющая иллюзии зарубежной молодежи, пустая бравада с негодными средствами. Недаром часто отмечалось, что невозвращенчество совсем не включено необходимым моментом в об-

щую концепцию Дмитриевского, — оно остается эпизодом его **личной** жизни, а не чертою его политического лица. Тем неуместней его импрессионистский акафист новой русской революции с корниловскими лозунгами и эмигрантскими связями. Дальнейшие шаги на этом скользком направлении с неумолимой неотвратимостью заведут национал-коммунистического идеолога в обитель вульгарной эмигрантщины и откровенного национал-пораженчества.

6.

Зарубежная смена на перепутьи. Ее душевный облик целен, но ее политические притяжения двойственны; и двоится ее судьба. Либо заправская «пореволюционность», и тогда решительный разрыв со всеми видами «национально-революционного активизма»; либо квази-фашистские потуги, и тогда неизбежное повторение пути отцов, да еще в ухудшенных, опошленных изданиях.

Пример этой второй возможности, ставшей действительностью, — налицо: младороссы. Логика активистской позиции безжалостно привела их в объятия «императора» Кирилла, в унылую трясину самой безвкусной и наивной реакции. И уже ничего не осталось от их пореволюционности, кроме злоупотребления термином... да убогого лозунга «пролетарской монархии» с династией Романовых во главе.

Я не хочу этим сказать, что другой путь, — ориентация на родину и на революцию, — должен непременно привести к утрате зарубежной сменою самостоятельного идейного облика. Речь идет вовсе не о каком-либо чудесном ее «обращении», дамасском озарении, а о процессе естественного ее вживания в новую жизнь своего народа и государства. Реальное воссоединение пореволюционного зарубежья с родиной объективно исторически еще не созрело; для него требуется дальнейшая эволюция и в советской стране, и в эмиграции. Бесполезно пытаться форсировать этот процесс посредством внешних воздействий. Воссоединение должно внутренно вызреть; тогда оно будет подлинно плодотворным.

По мере течения времени трансформируется не только молодой эмигрант ,но и комсомолец. В СССР будет нарождаться и

крепнуть новое культурное сознание, новая культурная среда. Порыв революции политической, доселе бурно бушующій, претворится в революцию культурную. Тогда засияют по новому звезды высших ценностей, ныне заслоненные дымом социального пожара в революционной стране, но неразлучные с русским культурно-историческим небосклоном. Тогда, нужно думать, и настанет пора более широких синтезов, более глубоких творческих встреч.

Но чтобы к тому времени не заблудиться на чужбине, не стать «отпадшим зяблым деревом», как называл Шакловитый старых бояр при Петре, наше пореволюционное зарубежье, пребывая верным духу русской культуры, должно вместе с тем реально, жизненно, самоотверженно вдыхать воздух новой исторической эпохи, — по завету Блока, всем сердцем и сознанием слушать Революцию.

Н. Устрялов.

Октябрь 1931 г.

ПРОТИВ ПАССИВНОСТИ

Казанского студента Владимира Ульянова вез на извозчике в часть полицейский пристав и уговаривал:

— И что вы бунтуете, молодой человек... Ведь стена!

Под стеной он разумел тогдашний строй. Был твердо уверен в его несокрушимости. Бей, чем хочешь — головой, кулаком, бомбой, — все равно не разрушишь.

— Стена то стена, да гнилая. Ткни — развалится, — ответил студент Ульянов. Не перестал бунтовать. Стал профессиональным революционером.

В Петербурге Ульянов — уже Ленин — был приглашен на блины в один либеральный дом. Блины были устроены для конспирации. Говорили о политике.

«Речь шла о путях, какими надо итти. Кто то сказал, что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как то зло и сухо звучал его смех...

— Ну, что-ж, кто хочет спасать отечество в комитете грамотности, что-ж, мы не препятствуем»...

Сам он ушел заграницу, чтобы вне ударов власти создать центр революционной борьбы, вырабатывать ее теорию и практику. Оттуда строил в России свою партию.

Над ним смеялись. В него не верили. Мало кто верил и в революцию вообще — особенно после разгрома ее первой волны. Но Ленин в революцию верил: твердо, фанатично. Только ей — ничему другому — отдавал всю жизнь, все помыслы.

— Развалится, — упорно твердил он. И бил своей партией в трехсолетнюю стену. «Наиболее энергичным, бодрым, способным к неутомимой борьбе, к сопротивлению и постоянной организации является тот элемент, те организации и те ли-

ца, которые концентрируются вокруг Ленина», — писал департамент полиции накануне войны. [1])

И все-таки Ленин мог и не пробить стены — сложись иначе историческая обстановка. Тогда это сделали-б его наследники. Он же сгнил бы в эмиграции, как Ткачев, либо в тюрьме, как Нечаев. И какой нибудь професор, в перерыве меж собраниями, написал бы о нем:

— Пустой был человек, неположительный. Мечтатель, фантаст. Не соразмерил своих сил с реальными возможностями. Исключил себя непоправимо из активного политического процесса.

Но стена рухнула. Ленин стал властителем русского государства. Из эмигрантской каморки на Шпигельгассе в Цюрихе переехал в Кремль.

Устрялов написал:

— Бывают эпохи, когда жизнью правят фантасты, а «люди реальной жизни», отброшенные и смятые, погружаются в царство призраков. Мечтатели и фантасты становятся реальнейшим орудием судьбы, трубою века, молотом истории. Обычно эти эпохи потом называются, — «великими». [2])

Наша эпоха поистине великая. И верно, что ее лицо определяют фантасты.

Из одного века мы переходим в другой, от одного жизненного строя к другому. Все в ломке, все в стройке. Будущего никто еще ясно себе не представляет. Поэтому анализ «людей реальной жизни» отступает сегодня перед интуицией мечтателей и фантастов. В то же время люди малых дел, в нормальное время руководящие сонной жизнью народов, отступают на задний план — перед людьми больших дерзаний, перед солдатами жизни. Не просто фантаст побеждает сегодня. Но фантаст, являющийся одновременно суровым воином.

---

[1]) Цитирую по книге Троцкого: История русской революции, т. I, стр. 56.

[2]) Н. Устрялов. Под знаком революции. Статья «Памяти Ленина», стр. 245.

Это потому, что за будущее, за господство в нем идет ожесточенная борьба меж двумя крайностями, меж двумя полюсами современного человечества: меж интернационализмом и национализмом, меж коммунизмом золотого тельца и марксизма — и социализмом народным.[3]) Вначале победил золотой интернационал, марксизм, коммунизм. Сейчас начинает побеждать национализм и народный социализм. Народы просыпаются. Сознают свои интересы. Начинают отличать друзей от врагов.

Передовые отряды нового социального национализма формируются и сплачиваются во всех странах. Напрягают мускулы, собирают все силы воли, ума, таланта. Борьба и сейчас нелегка — решительные же бои впереди. Только не теряться! Верить в свое дело, не останавливаться на полпути, бороться и бороться — может быть, до последнего дыхания, но и до победы. Только с боем будет взята новая жизнь! Только «фантасты» и солдаты ее завоюют!

Новый национализм пробуждается, становится все сильнее и в России. Он завоюет, конечно, и ее. Но трудностей пути этого завоевания преуменьшать нельзя. В России марксизм огромная еще сила. И его усиленно поддерживает сейчас золотой интернационал. Что-ж: тем напряженнее должна быть борьба!

Новый национализм родился и в русском зарубежьи. Молодые поколения эмиграции захватывают те же идеи, которые начинают руководить молодежью России. И, естественно, и здесь, как и там, против этих идей и их носителей началась борьба. Она ведется разными слоями, по разным мотивам, в разных формах. На одной стороне этой борьбы я хочу остановиться: на пораженческих песнях, которые все громче начали последнее время раздаваться за рубежом. Одни повторяют казанского пристава: новое-де самодержавие непоколебимо, «стена». Другие пускают слезу и лепечут о ранах родины, которых не надо, де, «растравлять» — даже для того, чтобы их залечить. Но всех дальше идет харбинский профессор Устрялов — виднейший спец по разоружению русской интеллигенции. Он призывает не только в комитет грамотности, не только

---

[3]) Термин описательный, не устанавливающий никакой преемственности с дореволюционной партией того же наименования.

не бороться, но и поддерживать политически нынешний марксистский режим России.

***

Политическое значение эмигрантской молодежи (как и вообще эмиграции) в судьбах нашей родины ничтожно, утверждает харбинский профессор. И «от зарубежной молодежи родина сейчас меньше всего требует практико-политической активности». «В настоящее время подлинная политическая «активность» сосредоточена в руководящем слое государства, в правящей партии и в комсомоле». «Страна не нуждается в другой партии, — с нее за глаза достаточно и одной». «Внутренние процесы, переживаемые революционной эпохой, выражают, как в фокусе, историческую эволюцию страны. Меньше всего этим процессам следует мешать шумливыми жестами «борьбы» из за границы... Простодушные «борцы», желающие во что бы то ни стало включить себя в процесс, лишь исключают себя из него — более или менее непоправимо»...

Что же делать? — «Не переоценивать своих возможностей. Знать свое место... Если эмигрантская патриотическая молодежь тяготится жизнью вне родины — пусть едет легально в СССР и растворится там в новом поколении; там вдоволь почвы для активности без кавычек, для деловой работы... Заграницей же людям нового поколения остается пристально следить за динамикой событий и действенно заботиться: 1) о посильной **политической** защите Советского Государства (и русской Революции) от опасностей извне и 2) о продолжении и запечатлении духовного лика России, его утверждении перед всем миром и для всего мира. Вот единственно целесообразные и вполне почетные формы желанной «активности» русских заграницей». Желанной? Для кого? — Я думаю, что сам начальник иностранного отдела ГПУ не мог бы высказать того, что **ему** желанно в русской эмиграции яснее, чем это делает профессор Устрялов.

Я вовсе не хочу этим сказать, что Устрялов сознательно выполняет «социальный и политический заказ». Для этого нет никаких оснований. Рассуждения профессора Устрялова напоминают мне больше то, что говорили у нас «детям» все благо-

намеренные чиновники и профессора со времен Николая I. Так беседовал папаша Бакунин с сыном, друзья с Герценом, все либеральчики с Чернышевским, с Ткачевым, с народовольцами, с Лениным, наконец. Тоже взывали к реализму, к жизненной мудрости, предостерегали от пагубных и никуда не ведущих увлечений, заклинали не портить жизнь, не губить своих, со слезой напоминали о святом долге перед родиной — и видели единственный символ служения стране в вицмундире «действительного статского советника кабинетной науки и государственной службы». И все эти рассуждения совпадали, как близнецы, с мыслями и планами официальных охранителей основ — жандармских полковников, полицейских приставов.

И все таки: Бакунин делал свое дело; Горцен променял положение губернского советника на роль «колокола» русской совести заграницей; жил и работал заграницей Ткачев; в каменном мешке не переставал мечтать о революции Нечаев; убивали и умирали народовольцы — и в «эмигрантской реторте» подготовил революцию Ленин. Так было. Так будет.

Я знаю: сейчас русские зарубежья, лишенные охранительного благоговения перед властью, активные по природе, с крепкими мускулами и живой кровью, не последуют советам харбинского профессора. Ибо как они могут защищать политически нынешнее правительство России, если они видят, что в общей своей линии оно сейчас правительство народного раззорения и истощения, национального позора и унижения? Как могут они утверждать перед миром «духовный лик России», когда все русское в России топчется и унижается, когда и страной и русской культурой распоряжаются инородцы, когда весь «духовный лик» русской нации скрыт под уродливой маской интернационального, инородческого марксизма? Как?.. Нет, не поддерживать нынешний строй пойдут активные люди зарубежья — ибо это было бы самое явное пораженчество в отношении родины. Они пойдут свергать, менять его. И на этом пути они пойдут не против русской революции, а с нею. Не против людей русской революции, но с ними.

**
*

Устрялов сегодня больше всего недоволен моей «проповедью национальной революции». «На очень дурной путь стал Дмитриевский... Речь явно идет о русском Гитлере»...

Почему о Гитлере? Откуда взял это Устрялов? Я нигде и никогда не говорил о том, что Гитлера надо переносить на русскую почву.

Я не хочу этим сказать, что Гитлер — это плохо. Нет, очень даже хорошо. Он несет освобождение — социальное и политическое — немецкому народу. Он дает много полезных уроков народам всего мира. Он — последнее слово революционного национализиа, в котором использован опыт всей эпохи после мировой войны.

Неправда, что Гитлер реакционен, как это утверждает Устрялов. Он революционен. Он вышел из тех же истоков, из тех же потребностей века, из каких вышла национальная струя нашей революции и итальянский фашизм — и он идет туда же, куда и они. Напомню: «...Русский большевизм и итальянский фашизм — явления родственные, знамения некоей новой эпохи... И тот, и другой — вестники «цезаризма», звучащего где то далеко, туманною музыкой будущего». Кто это писал? Устрялов. [4]) Почему же сейчас он гитлеровский национал-социализм, явление, несомненно, того же порядка, что и национальная струя в нашем большевизме и итальянский фашизм, более только современное, больше соответствующее поэтому интересам широких масс трудящихся, — почему он его отбрасывает на другой полюс?

И тем не менее я никогда не скажу, что нам нужно перенесение на нашу почву Гитлера, как такового, целиком. Полезное в его опыте мы, конечно, возьмем, как и он, сознательно или бессознательно, кое что взял и у России и у Италии, — но и только. В том то и суть национализма, что он предполагает для каждой страны — в рамках общих потребностей и идей века — своеобразный путь. Зачем нам Гитлер, когда у нас есть свое, достаточно богатое и мощное национальное и революционное движение?

[4]) Н. Устрялов. Под знаком революции, стр. 409.

Мы давно уже в революции. В этом наше основное преимущество. Нам не надо начинать новой революции, как это вынужден Гитлер. *) Мы избавлены от необходимости развязывать стихию масс для того, чтоб создавать новую, потребностям социально-революционного национализма соответствующую, государственность. Такая государственность у нас уже создана — и в этом историческая заслуга Ленина. Вместе с тем и основная подготовительная работа по социальному переустройству страны у нас произведена. Произведена с излишествами, почти неизбежными в эпоху революции, особенно в начале ее, когда путь еще неясен, когда диктуют «санкюлоты». Наша задача—все эти излишества устранить. Раскрепостить человека и его труд. Обеспечить минимум твердых гражданских прав. Дать вообще стране твердое законодательство. Борьбе классов противопоставить их сотрудничество. Всеобщей пролетаризации — всеобщее обогащение. Словом: сделать то, что делал всякий приходящий на смену санкюлотизму цезаризм.

Чтобы осуществить все это, вовсе не надо делать новую революцию, подымать массы на новый бунт, распоясывать стихию. Революция есть, революция продолжается. Наша задача — закончить ее, консолидировать ее жизненные завоевания, заключить реальный компромисс меж ее крайними требованиями и высшими точками старого. Все это — под знаком национальных потребностей руководящих народов России. Все это — под знаком социальных идей века. Пользуясь термином Устрялова, мы должны **закончить «национализацию Октября».** «Закончить» — потому что наша революция с самого начала имела в себе глубокие национальные черты. Они углубляются с каждым годом. Они все больше подрывают и делают ненужным все наносное: чужеродные идеи (марксизм) и чужеродных людей. Сейчас созрел момент подойти к решающим действиям: выбросить совершенно, на помойку истории, Карла Маркса с его чернокнижием и его черной сотней. Исключить их из жизни нашей страны.

Да, именно сейчас, но и только сейчас созрел такой момент. И здесь — ответ на непродуманное утверждение Устря-

---

*). См. статью В. Жукова, «Утверждения» № 1, стр. 69.

лова: «русский фашизм безнадежно опоздал; он был еще у места в 17 и 18 году, во времена корниловского выступления». Вот как раз тогда — не «фашизм», конечно, это слово ни к чему, оно не наше слово, — революционный национализм был невозможен — ибо не было ни того опыта, ни тех идей, что сейчас. Тогда национальная мысль питалась у старых, уже нежизненных истоков. Она не была еще ни революционной, ни социальной. И потому тогда отвоевать массы у марксизма еще не могла. Так было не только у нас. И германские Корниловы — они были — в 19 году не имели успеха. И Гитлер в 19 году имел только семь последователей. Опыт десятилетий революций научил и массы и вождей. Вырос новый социальный и революционный национализм. И только сегодня он может победить.

**
*

То, что я зову строить русскую социально-революционную национальную партию исключительно в эмиграции, из зарубежных кадров — это опять догадка профессора Устрялова. Если-б было так — это было бы действительно мальчишество и авантюра. Но этого нет. «Наполеоны зреют в недрах революции». Верно. И именно потому борьба русского революционного национализма идет прежде всего внутри страны, в кругах «активно» влияющих на судьбы родины. Мы здесь, за рубежом, — живой кусок внутри-русского движения, во многом ему помогающий. Зарубежная «реторта» очень важна: если, конечно, она может быть полностью и вне ударов и вне влияния полицейских органов власти. Она помогает «осмысливать процесс», помогает и практически толкать его.

Ясно также: чем больше людей эмиграции переплавится в этой реторте, станет частью живого куска родины и живой в ней борьбы — тем лучше.

**
*

Немножко противоестественно, когда Устрялов начинает защищать от меня — революционера и большевика по воспитанию — революцию вообще. Я спрашиваю: а что общего у харбинского профессора с революцией? В особенности с **нашей** революцией?

...В Омске, при Колчаке, два профессора вели беседу.

— Конечно, говорил Устрялов, дай Бог победы Колчаку, и хочется верить, что победа будет. Но... но вдруг? А что если не будет победы? А вдруг победят **они**? Что тогда? Что будет с Россией, со всеми, с нами?.. Ужели духовная смерть?

— Ну, нет, говорил Ключников. — Если победят **они**, значит, они нужны России, значит, история пойдет через них. Мы во всяком случае должны быть с Россией. Что же — встретимся с большевиками... [5])

Вот оно, «приятие революции» Устряловым! — «Дай Бог победы Колчаку». И вместе с тем решено: если победят «они» — «встретимся с большевиками». «Мы во всяком случае должны быть с Россией». С Россией ли?

...В 26 году Устрялов ездил в Россию. В ту Россию, которую по нашему разумению строили **мы**, а он немножко невпопад славословил из-за рубежа. И вот что он записал: «Не скрою, в это йновой атмосфере и сам я подсчас начинал себя чувствовать словно чуждым, далеким, слишком старомодным человеком. Тоже «человеком заката». Словно за бортом жизни, за бортом истории»... [6])

**
*

Никогда не был Устрялов «фантастом». Никогда не был созвучен эпохе, создаваемой «фантастами». Никогда не был революционером. В 1905 году — гимназистом шестого класса — он «с чувством отвращения и неприязни» читал революционные стихи. Потом он прошел «слишком хорошую школу» («Вехи», «две революции») — и вышел из нее с еще большим отвращением к революции вообще. Для него революция — всякая — «бездна». Как жить, когда «начальство ушло»?

И не **революцию** принял сегодня Устрялов, но только государство, вышедшее из нее, как принял бы и государство, созданное против нее. Ибо для него государство, как таковое, вне зависимости от его классовой и социальной сущности, есть нечто самодовлеющее, «потустороннее добру и злу». В то же время для него — прямого наследника многих поколений «дей-

---

5) Н. Устрялов. Под знаком революции. 87. Ст. «Вперед от «Вех».
6) Н. Устрялов. Россия. 27.

ствительных статских советников кабинетной науки и государственой службы» и воспитанника «Вех» [7]) — вне государства нет жизни. Сам по себе в широком мире Устрялов утвердить себя не может. Своего государства тоже не создаст. Он «тихий специалист государственного служения» — он служит, — и только. Ему нужен прочный порядок, выбитая колея, устойчивое кресло, нужно крепкое дерево государственности. Ведь характерно: устряловщина, сменовеховство в России стали идеологией именно «служилых людей» из беспартийной интеллигенции — и только. Да и то лишь на время.

Вот почему Устрялов и сейчас против всякого активизма, против всякой реальной политики во вред существующему строю. «Открытая защита оппортунизма, как системы политического действия», — так определяет он сам свою позицию.

— Если дух государственной дисциплины и лойяльности есть обывательщина, то да будет она благословенна! — восклицает Устрялов. И зовет молодежь с путей революционной борьбы в школы грамотности, зовет защищать власть ВКП, власть нынешней Москвы — против России!

***

Помню: на 14-м съезде партии Сталин говорил:

— Устрялов служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено, товарищи. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет. [8])

Мой призыв к зарубежной молодежи:

— Бойтесь устряловщины!

С. Дмитриевский.

---

[7]) Н. Устрялов. Под знаком революции. 33.

[8]) И. Сталин. Вопросы ленинизма, 392.

ЭТИКА И ЭКОНОМИКА

«Преступно говорить об эквиваленте труда потому, что эквивалент труда есть эквивалент личности, но личность, у которой может быть эквивалент, — уже не личность, но вещь». **(А. Солонович).**

С самых древних времен было замечено, что вопросы народного хозяйства носят этический характер не менее, если не более, чем практический.

В экономической сфере — еще больше, чем во всякой другой — ныне должна быть произведена переоценка ценностей; этот мотив встречает каждого мыслителя от Ницше до Кропоткина, каждого, кто глубже задумывался над жизнью человечества последних столетий.

И совершенно понятно, что наиболее остро эта проблема стоит перед тем, кто познал единственную реальную основу человечества — человеческую индивидуальность. В человеке лежит единственно возможная точка опоры для приложения рычага Архимеда, которым он хотел перевернуть землю. Тот, кто познал и принял всю силу утверждения человеческой свободы, тот знает, что нет в мире сил, которые могли бы принудить его к признанию того, чего он не хочет. И если даже он знает нечто, как «дважды два — четыре», — он все-таки может не дать своей моральной санкции, хотя бы для этого, по выражению Достоевского, пришлось бы головой биться об стену.

Здесь не может помочь указание на то, что какая то там необходимость заставляет человека быть деятельным, работать в жизни и т. д. Ну, что же? Пускай эта необходимость принуждает, но я-то проклинаю эту необходимость, я-то не оправдываю ее, не приемлю ее внутренно и считаю насилием... Я приложу все силы, все средства, чтобы одолеть эту необходи-

мость и если даже я паду в этой борьбе, я паду осиленный, но не побежденный. И лишь то, что внутри себя я признал, как добро, лишь то, что является выражением этого добра вне меня, лишь это я принимаю, признаю, оправдываю... И сравнивая, исследуя все то, что я могу назвать добром, все то, что имеет для меня ценность, я прихожу к вопросу о внешней ценности, о высшем добре...

Среди этих ценностей надо в первую очередь указать на полноту жизни, на полное раскрытие и выявление сил и гармонии, лежащей внутри индивидуальности. Индивидуальность должна быть цельной и сильной. Но предыдущее развитие человечества поставило эту проблему так, как она стояла у Ницше или в марксизме. Сильным считался тот, кто был беспощаден, неумолим и свиреп, кто имел острые зубы и твердые когти, кто одолевал в борьбе за существование и в конкуренции на рынке, в борьбе классов или в борьбе индивидов. Всякая жалость, сострадание, а стало быть братство и солидарность, взаимопомощь, — считались слабостью, не достойной человека. В марксизме роль индивида играет коллектив. Первый идеолог частно-капиталистической психологии, второй — психологии государственно-капиталистической. Один утверждает беспощадность индивидуальную, а другой — коллективную.

Кропоткин с удивительной проницательностью понял и с громадной эрудицией доказал внутреннюю ложь такой точки зрения. И прежде всего результат его работы в этом направлении можно формулировать, как утверждение, что любовь, братство, сострадание есть сила, а не слабость, есть проявление могущества, а не дряблости, трусости и т. п.

Любовь, это — полнота и тот, кто очень силен и духовно очень богат, может делиться своим сочувствием с другими, может любить их... Любовь побеждает и творит, как в мире животном, так и в мире людей. Одной ненавистью и устрашением, насилием и властью — нельзя ничего создать, можно только разрушить. Сильный человек не нуждается в увертках, в лжи, в лицемерии — он прямо и смело идет, куда хочет, куда влечет его сознание им своего свободно принятого долга... Он знает, что солнце той правды, к которой он идет, освещает его путь... И на этом пути это солнце освещает всех, — «и

добрых и злых». Поэтому тот, кто придерживается правила, что ради идеала все средства хороши, что цель оправдывает средства, и тот оказывается ярко освещенным и от этого освещения лишь сильнее проступает безобразие средств... Никогда хорошая цель не может выйти из грязных рук... Отсюда требование, которое должно быть предъявлено ко всякому революционеру — кристальная чистота до конца. Человек же, стремящийся к революции не-чистыми средствами — не революционер, а бандит... Истинный революционер должен быть рыцарем без страха и упрека.

Такова этическая установка в разрешении социального вопроса вообще и экономики — в частности. Экономисты же, а социалистические в особенности, пытаясь ввести в теорию народного хозяйства якобы объективные методы естествознания, на самом деле отнимают у нее ее существенный признак, а именно, что она имеет дело не с самодвижущимися товарами, рабочими силами и т. п., но с интересами и жизнью общества людей-индивидуальностей. Этим самым они встают на «объективную» точку зрения предпринимателя-капиталиста, в глазах которого рабочий скот и машина, по существу своей ценности — одно и то же. Впрочем, это и понятно: в социалистическом государстве государственный организатор займет место именно предпринимателя капиталиста.

Но раз мы поймем, что производитель, хотя бы он занял роль только винтика в каком либо производстве, есть нечто совершенно несоизмеримое с этим винтиком, тем самым мы введем этику в теорию народного хозяйства. Но тогда эта теория будет носить совсем иной характер, чем наука естествознания, не теряя, а, напротив, приобретая научную объективность. Только введение в нее этики охарактеризует ее на самом деле, как одну из основоположных наук об обществе.

Это особенно должно сказаться на теории ценности... Теоретики (Карл Маркс в частности), со всем жаром фантазии ищущие и с колокольным звоном на весь мир открывающие «субстанцию ценности», по своей буржуазной природе проглядели самое важное, основное, что неустранимо ни при каком социалистическом строе. Это то, что простой факт необладания средствами производства сводит на нет все интересы про-

изводителя, а слезы его семьи, детей — окончательно уничтожают его личность (но не сознание, которое в результате и творит революции), — и вот он дешевле скота у собственника — будет ли это капиталист или всенационализирующее социалистическое государство. Тот, кто не хочет понять этого из фактов экономической жизни мира, — пусть вдумается в уголовно-процессуальную практику любого законодательства.

Но не лучше обстоит дело и с теоретиками, играющими на личностях. Люди теряют самое драгоценное — жизнь, а схоластики-экономисты высчитывают и расчитывают, что еще они должны сделать для «общества» и как содержать живых людей, как необходимые орудия производства.

Вся личность производителя задета в той или иной мере производством еще раньше, чем он туда вложил свой труд и во всякой вещи, в ценности всякого товара она уже имеет свое участие. Общественная кража той доли средств производства, которая ему приходится, — вот первый общественный фактор ценности. Второй фактор, принимающий участие в образовании ценности, — это санкция и поддержка (а при социализме — выполнение) государством этой общественной кражи. Третий фактор в строении ценности — государственная и групповая кража инициативы (а часто и жизни) производителя. Четвертый фактор — насильственная задержка развития оценки у производителя. А кроме этого — влияние семьи и на семью и т. д. Лишь тогда, когда все эти факторы будут приняты во внимание экономистами, теория народного хозяйства перестанет быть схоластикой.

В самом деле, рассмотрим простейший случай. Пусть кожтрест сговаривается с крестьянским кооперативом о поставке выделанной кожи и обуви взамен части сырья. Монополия на машины и патент на производство сразу понижают ценность всего остального и тем самым относительно повышают ценность товара кож-треста. Но союз кооперативов, создавая **с помощью государства** свою монополию, мог бы проделать обратное. И тогда решала бы вопрос их взаимная потребительская значимость (ценность их существования друг для друга).

Но вот производитель принимает участие в производстве. Тогда появляется новый фактор, создающий ценность, это —

степень социальности производства. Ценность кооперированной деятельности ста или тысячи человек иная, чем ценность суммы их некооперированных деятельностей. Второй фактор — заинтересованность в деле. Третий — этика труда. Четвертый — место данного труда в лестнице оценок и т. д. Наконец, в строении ценности имеет колоссальное значение — намечаются ли или хотя выбираются цели труда (а труд по существу целесообразен) и вид труда самим производителем или же кем-либо ему предписываются.

Получается сложная картина, в которой **затрата энергии** и **польза** занимают ничтожный уголок.

Это в материалистическую эпоху, когда содружество капитала и государства решает судьбы людей, низводя их на степень домашнего скота и пушечного мяса, а то и ниже, — застывает в мертвой неподвижности картина всех, кроме двух последних, факторов, и, понятно, на первый взгляд только эти последние разыгрывают на сцене жизни драму превращения живого человека — сотрудника и друга в общественной жизни — в человека-массу: в раба, в рабочего, в домашний скот социализма. Ведь, конечно, «производство наиболее развивается при таком способе распределения, который даст возможность всем членам общества возможно всесторонне развить, сохранить и проявить свои способности» (Ф. Энгельс) накапливать жирок на радость организаторам этого предприятия.

Но, хотя еще этого жирного «благоденствия» и в туманных далях времен не видно, однако этическое сознание людей уже просыпается, и протестует, и ищет исхода.

И новая теория народного хозяйства, построенная на этике, пусть презрительно отнесется к дикой схоластике современных экономистов и поставит себе живые, конкретные задачи.

Михаил Артемьев.

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ

I. БАНКРОТСТВО ИНТЕЛЛИГЕНТСТВА

Принципы Локарно, принципы Гааги и Лозанны, принципы пакта Келлога, Лиги Наций, Второго Интернационала, Интернационала Третьего, принципы ортодоксального и не ортодоксального марксизма — бесконечные конференции, пленумы, съезды, комиссии! — неужто находятся еще люди, которым эти политические пустышки еще не надоели? К сожалению находятся и в неограниченном количестве. Неожиданным результатом смены будто бы «тайной» довоенной дипломатии на послевоенную «явную» было то, что политика в наши дни изовралась до геркулесовых столпов. Политическое слово низведено на низменный уровень плоской партийной демагогии — коммерческого плаката для зазывания покупателя в свой лабаз. Наивная вера в схемы, рационалистические рецепты и научно-политическое знахарство — печальное наследие прошлого столетия — изживает себя крайне медленно.

Но все-таки изживает; и даже здесь, в Европе, где эти книжные принципы ни к чему не прикладывались и ничего не ломали, тяжесть реальной послевоенной жизни начинает проветривать туго забитые политическим мусором 19-го века головы. Начинает понемногу осознаваться та простая истина, что готовых рецептов в политике нет и быть не может, что теория —результат дела, опыта, служения, а не праздного фантазерства на бумаге. Раскол рабочей партии в Англии в связи с баллотировкой национального списка, победа не Бог весть каких, но реальных людей практики над комическими радикальными сенаторами, двухлетнее полупарламентарное полуделовое правление серой бесцветной фигуры канцлера Брюнинга, наконец, беспомощность германских социалистов, принужденных голосовать за монархиста фельдмаршала фон Гинденбурга — все это не яркие, но характерные признаки частичных отказов от книжно-партийной политики. Интеллигентская карта парений во что бы то ни стало в отвлеченных теоретических конструкциях бита на всех фронтах. They all had their chance и все

блистательно обанкротились. Банкротство всех тех идей, которыми к сожалению далеко не безнаказанно пичкали человечество чуть ли не целых сто лет, ясно теперь почти что всякому. Идеологическая винтовка западно-европейского социализма оказалась заряженной холостым патроном. Единственным результатом десятилетиями подготовлявшегося выстрела оказалась отдача в плечо стрелявшего. Даже на родине «научного социализма» социалистам пришлось спрятаться за спину такой явной и почтенной фигуры «старого» режима, как Гинденбург. Эпоха беспочвенных интеллигентов прошла (проходит в крайнем случае), психологически они уже никому не приемлемы, никого кроме самих еще оставшихся в живых интеллигентов воодушевить не способна.

Интеллигенция была выдвинута буржуазно-атеистическими волнами прошлого века на форпосты истории; там где буржуазия была у власти (как в большинстве стран Запада) — она бездарно в культурном смысле, но честно и бессребренно служила всякому новому строю по идеологической специальности. Там, где как у нас, в России, буржуазия не занимала командных высот, интеллигенция также нелепо честно и бессребренно служила революции. От долбления головой об стену — стена раскачалась — и вот только тут встал перед самими «долбителями» вопрос: а стоило ли вообще стену раскачивать? Война и революция перемешали карты. Обе роли были отыграны — и интеллигенцию попросили на покой. Никто не поблагодарил ее за верную службу, никто не позаботился о ее старости. Ее выкинули за борт истории, как ненужный, попорченный груз. Муссолини, Сталины, Пилсудские вышли из низов этой интеллигенции, оттуда, где **интеллигентности** не было ни на грош, но где за то меньше было и **интеллигентскости** и где легче было отречься от посредственных интеллигентских кумиров. Насквозь еще интеллигенты, они пытаются эту интеллигентскость в себе побороть, они отрекаются от интеллигенции, не помнят родства, охотно зачеркивают прошлое. В нашей революции от Троцких, Громанов, Радеков, Кондратьевых к Сталиным, Молотовым, Ворошиловым шла на убыль линия интеллигентскости, та практицизация советской идеологии, которую в каком то (правда, ущербном) смысле можно назвать эволюцией (от Маркса к пятилетке).

Задайте себе вопрос — что представляет собой сейчас русская интеллигенция, где она,—та, которая больше мечтала, чем делала революцию, увлекалась, рождала и насаждала (а проще переводила с иностранного) всякие «измы». Где же она? Она и здесь и там: она потеряла все, кроме своего апломба: — она в ссылке («оппозиционеры», «уклонисты», «левые эсе-

ры») — она в эмиграции (с.-р., с.-д., р.-д., р.ц.о. и т. д.); кое кто сменил вехи вправо и уподобился унтер-офицерской вдове, кое кто самовлюбленно смотрится в зеркало «в историческом разрезе», многие скромно ушли в коммерческие воспоминания о «битвах, где вместе рубились они». Но она же в наиболее крепкой, наименее может быть типической разновидности, в России у власти. Чем как не интеллигентскостью можно назвать тупую веру в марксизм, в непогрешимость книжных теорий — там, где жизнь уже достаточно переломалась, где абсурдность отвлеченных конструкций понятна всякому ребенку, где открыты уже новые горизонты пореволюционной России. Социологическая неизбежность стабилизации революции куда неоспоримей сейчас былой социологической неотвратимости революции. Эту подоплеку интеллигентской сущности старых коммунистов хорошо иллюстрирует история «уклонов» и ее частность — сама по себе не стоющая особого внимания, история так называемой «третьей эмиграции».

II. ПСИХОЗ ПАССИВНОГО ДЕМОКРАТИЗМА

Дюмурье перебежал к врагам. В революционном масштабе Дюмурье не был пешкой. Дюмурье командовал армией. Дюмурье вероятно ничего не украл и не только спасал свою шкуру. Дюмурье жил заграницей — долго, бедно и бесславно. Он предлагал свои услуги многим иностранным правительствам и умер заграницей и не у дел.

Ну разве можно сравнивать с Дюмурье ту публику, которая наполняла в недавнее время своими «разоблачениями» столбцы заграничных газет и любителями сенсаций была названа «третьей эмиграцией»? Не знаю, стоило ли платить построчно за эту дешевую хлестаковщину. Впрочем, кое за что платить, пожалуй, стоило, но, конечно, не русским газетам, а иностранным контрразведкам.

Вспомните сколько писали в свое время о Троцком. Кое кто собирался даже создавать единый фронт борьбы со Сталиным от Милюкова и до Троцкого (фронт впрочем был бы не плохой — фронт снятых в процессе игры с шахматной доски фигур). Писали столбцы-страницы. А теперь много ли пишут? Ничего. Очередная сенсация — как Троцкий, так и «невозвращенцы». Вся разница, пожалуй, только в том, что Троцкий был актером в революции, а «невозвращенцы» всего лишь статистами—но роль и того и других одинаково отыграна. Карта бита — остается писать мемуары. Забавнее всего в этих писаниях новых «сменовеховцев навыворот» не их счеты покинувшей хозяев кухарки, а, как ни странно, рассуждения о будущем. Это будущее почти что всем им рисуется в омоложении пас-

сивно-фаталистических старых теорий классического демократизма (хотя бы и советского на этот раз). Психологически это понятно: — надо приобретенное сохранить, а от дел отдохнуть. Устали от труда и риска активности — дайте нам обеспеченную пассивность. Психология не свойственная ни феодальному, ни революционному человеку — типичная для человека буржуазного (да и то не «стадии накопления», а «стадии сбережения»). Именно в этом то мы и отстали историческй от Европы: буржуазного строя и психологии в России (к счастью для старой России и к несчастью для будущей) никогда не было и потому яды ослабевшей уже заразы нет-нет и будут проскакивать в организме нашей страны, ибо хотя болезнь эта теперь и не опасна, но никогда привита не была (хоть и непривлекательный, но неизведанный плод). Поэтому я и позволю себе коснуться исторического демократизма, учения мещанской лености и фаталистического материализма, не **принципиального,** конечно (против принципа вряд ли можно возражать), а исторически существовавшего и существующего.

Основная и часто несознаваемая подкладка классического демократизма заложена в атеистическом представлении **«рая на земле».** Человек верх природы и по природе своей всегда хорош. Люди одинаковы — как можно меньше управления ими, как можно меньше организационного активизма. Все устроится само, ибо из взаимодействия единичных людей будто бы механически должна получиться обязательно хорошая народная воля. Только не вмешивайтесь и не давите. Будьте пассивны, представляйте из себя машину подсчета воль и вы будете не пассивным Обломовым, а просвещенным демократическим правительством.

Когда буржуазия была молода, когда после французской революции она выходила на арену государственности — эта наивно-розовая теория имела своим коррективом пафос, жажду самоустройства, волю к власти нового, молодого и творчески сильного контингента людей. Этот корректив создавал иллюзию народоправства, иллюзию участия всех во власти, иллюзию народного суверенитета. Утопия рождения гармонического целого из механического сложения хаотически перекрещивающихся воль — казалась жизненной теорией только потому, что тон задавала молодая, единодушно настроенная творческая среда забиравшего в свои руки власть сословия. Тут была одинаково доказуема любая теория.

Но класс состарился, обрюзг, пресытился властью — теория же все стояла, старой, но по привычке почитаемой, развалиной. Ей, как золотому тельцу, поклонялись постаревшие и утерявшие пафос государственности буржуа. Творчества не

осталось ни на грош. Им было лень думать, они были бессильны что либо создать. И они поклонялись реликвии, приобретшей для них значимость курицы, несущей золотые яйца. Старые скептики не смотрели уже на действительность сквозь идиллические очки сентиментальных предков-энтузиастов; им не нужно было никакого напряжения, труда, творчества (т.-е. того, чего они уже дать не могли) — надо было всего только раз навсегда поверить в трафарет демократического арифметизма и почить на лаврах: — все двигается само, складывается, вычитается—и результат будто бы всегда самый правильный. Нет Бога, ответственности, ошибок. Счетная машина работает бесперебойно, что либо из хаоса случайных цифр всегда получается и подразумевается, что это и есть лучшее, что могло получиться. Без труда и ответственности — просто, ясно и будто бы справедливо.

И надо было пережить все ужасы войны, революций и кризисов, чтобы открыть, что за сто лет все изменилось, что социальная обстановка ничуть не похожа на ту идиллию, которую прикрывала шелуха когда то безвредной теории, что механизм государства так дальше работать не может, что трафареты традиционных демократических тельцов ничего больше не значат, что пора посмотреть в корень дела и перестать быть гипнотизированным формами.

И старая буржуазия, в молодости своей издевавшаяся над гораздо по сути своей более глубокими (и морально и культурно) формами предшествовавшего ей феодального строя, дико возмутилась, когда какие то люди дерзко посягнули на непогрешимость ее собственной (никогда никакой глубиной не отличавшейся), конструкции. Они изумились, что их не считают идеалистами, что оголили их идеологию старческого эгоизма, прикрытую дырявым фиговым листком парламентарной бутафории. Это ханжество их самих погубило, ибо возможности их в нашей истории еще не были окончательно изжиты — но старые коктейли надоедают, а для новой комбинации тех же ферментов не хватило ни силы, ни выдумки, ни трудолюбия.

Парламентский строй никогда не был совершенным вне Англии, где вырос органически. Если его трансплантация на континент кое где и удалась, то опять таки только потому, что им а-приори воодушевились не имевшие никакого политического опыта, но большую жизненную напористость и волю к власти новые слои политической жизни, выросшие на смену дворянско-феодальному обществу. Наивная вера в то, что мы сейчас называем «четыреххвосткой», гипноз механики цифр, заменивший у нового сословия моральные устои старого порядка, и детский «руссоизм» (все устроится само, — только не

мешайте) укрепили надолго этот случайно подвернувшийся под руку первым теоретикам «идеальный» будто бы рецепт власти — самый легкий и безответственный...

Подыгравшиеся в свое время к большевистской революции мелко-буржуазные слои русской интеллигенции и полуинтеллигенции и уставшие от революции большевики — вот тот социальный слой, выразителями которого заграницей появились «демократы-невозвращенцы». Если «левых» можно было успокоить маневром холерических темпов пятилетки, ибо они требовали деятельности, — то этих, требовавших передышки, можно было только уволить на покой. Но разве всякая вина не карается в революциях смертью? Разве не казались Робеспьеру все отстававшие от него или устававшие якобинцы врагами? И Громаны, Кондратьевы, Сухановы отправились в Соловки, а 48 хозяйственников на расстрел... Типологически это не были эмигранто-белогвардейцы, и не новые люди постреволюции—это были в большинстве своем деятели периода революции, разочаровавшиеся и уставшие якобинцы. Они не были способны к новому творчеству, в коммунизме разочаровались и потянули обратно, к своим старым «демократическим» идолам. Эти люди не имели будущего и их следует пожалеть, как людей даром погибших от руки своих же идеологических братьев. Их подмоченные принципы омоложения старой демократии вряд ли кому либо нужны. Идеология сложения и вычитания сейчас смешна, смехотворна система представительства выдуманных, механически отвлеченных, партийных людей, «демократический» обман одурманиваемого и подкупаемого избирателя, торгующего собой профессионала-избираемого. Свобода на бумаге — **худший вид тирании.**

Государство организм и его нельзя механически разнять на сумму слагаемых, ибо целое несоизмеримо сумме слагаемых, оно само живет, обладает волей, логикой, жизнью. Эту жизнь нельзя подчинять простой арифметике, нельзя пользу и благосостояние страны бросать в водоворот случайных комбинаций цифр и минутных настроений. Даже идеальная демократия требует недостижимой степени культурности и ответственности населения. В обстановке 20-го века надо отказаться от комбинации жалких волишек, беспрестанно меняющихся случайных положений — надо прежде всего проникнуться волей общего целого — волей великого будущего нашей страны. Нужна внутренняя дисциплина, — надо уметь подчинять свои жалкие минутные и часто безрассудные позывы железной логике служения стране, ее подъему на новую высоту. Надо смотреть на Россию, как на плацдарм ее дальнейшего исторического развития, а не как на арену личных интересов, не как

на трамплин осуществления захолустных партийно-обывательских счетов и рискованных книжных экспериментов. Всякая форма правления хороша при сознательном к ней отношении, но при одних комбинациях меньше, при других больше риска подвергаться вечным шатаниям по воле глупых, алчных и честолюбивых людей. И больше всего этого риска при окончательно деморализовавшемся, шатком и хаотическом демократическом парламентаризме, где идиллически неуправляемы, основанные на материалистическом эгоизме, механические столкновения интересов.

III. О РЕАЛЬНОЙ СВОБОДЕ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Проповедь фашизма! (даже большевизма, скажут некоторые), оголтелое демократоедство, черная реакция — я представляю себе подобные оценки моей предыдущей главы.

Ничуть не бывало: — это просто напросто искренняя и доброжелательная критика современной демократии, **защита настоящей,** если хотите, **демократии, против ее внутренних врагов и исказителей,** демократии реальной от демократии профессиональной, христианской против «научно»-языческой, защита демоса (как народа, а не голодранцев, конечно) против начиненных громкими словами демократического лексикона демократических держиморд. Давно пора понять, что классический демократизм имеет очень мало сходного с реальной демократией. Ведь даже в хамстве и эксцессах американского демократизма гораздо больше искренности и обнажения всех пружин, чем в приглаженном либеральной щеткой историческом демократизме Европы. В гангстерстве и коррупции диких американцев, как в кривом зеркале, отразилась хитрая физиономия фарисейского строя «Панам» и «Устриков». Замазанные и запрятанные пороки цинично вылезли наружу, лишив тем самым всякого смысла любые прикрышки книжного демократического ханжества. До какой то степени это способствовало развитию у рядового обывателя чувства материального демократизма и реальной свободы, т.-е. того, что в Европе, в гораздо, конечно, более культурной форме, имеется только у англичан. Ведь не то делает человека реально свободным, что ему разрешается быть формально равным всякому другому на бумаге, да еще раз в какой то срок подавать свой голос за какой то партийный список, а то, что ему реально, по заслугам и способностям, обеспечивается шанс подъема по социальной лестнице, что ему обеспечивается не политическая только, а обывательская, бытовая свобода. Подъем по материально-экономической или культурной лестнике, по выбору и обстоятельствам.

В императорской дореволюционной России (которую почему то с точки зрения патентованных демократов не принято называть демократией) — этой реальной свободы было куда больше, чем в современных западных демократиях.

Американское «give him a chance» — по русски — «если он не пропьет урожая, я того мужика уважаю» — т.-е. столыпинский земельный реализм — яркий исторический пример несовпадения теоретического демократического начетничества и реальных демократических начинаний. Ведь нет сомнения в том, что в формальных «свободах, равенствах и братства» осудивших Столыпина русских «левых» (будь они демократы или социалисты) было гораздо меньше реального демократизма, чем в практическом проэкте «реакционного» министра.

Вспомните притчу о зарытых талантах! Равенство жизненного старта — категория не формальная и не бумажная; — не достаточно объявить, что все люди равны формально, надо морально создать ту обстановку, при которой человек действительно не чувствовал-бы себя гандикапированным по отношению к другим. Не достаточно объявить всех избирателями и юлить перед ними, развращая их явной ложью не могущих быть осуществленными «турус на колесах» политических обещаний. Ведь если у вас нет моральной ответственности, просто стыда за ложь, то ведь могут быть **кары.** Ведь за коммерческую бесчестность можно попасть под суд и в тюрьму — так почему же должна быть безнаказанна бесчестность политическая? Карается же любыми, самыми патентованными, демократическими государствами призыв к свержению строя (и это тоже с ригористической точки зрения есть нарушение свободы слова или свободы печати), — так почему нельзя карать за простую политическую бесчестность? Цель не оправдывает средства даже в крупных моральных вопросах — и уж, конечно, не в вопросах мелкого партийного честолюбия. Свобода слова есть **свобода правды,** а не **свобода лжи.** Психологически подлинный демократизм вовсе не связан с республикой и четыреххвосткой — он всего лишь связан с ответственным **перед правдой** правительством (все равно будь то монархия или республика или всякий другой строй), и ее тем больше, чем компетентнее правительство, т.-е. чем больше в нем спецократии и меньше чистой политики балансирования и обхождения острых углов. Правительство правит во имя народа и на благо народа, а не по прихотям народа; — и потому, если нужны народу гарантии от злоупотреблений власти, то и власти нужны гарантии от минутных, на самый-же народ своим острием и обращенных, прихотей толпы. И если полезна и совершенно необходима серьезная (по материальному существу) критика власти, то недо-

пустима та разновидность свободы печати, которая сводится исключительно к ругани и подрыву авторитета. Если власть ответственна в своих мероприятиях, то и оппозиция должна быть ответственна в своей критике...

Защитники всяких формальных свобод довели самое понятие свободы до абсурда «свободы от чего то». Свистопляска многопартийности парламентаризма привела к реакции коммунизма и фашизма, где свобода «от чего то» была, правда, заменена «свободой к чему-то», но крайне мизерной, осуществляемой притом даже не свободно, а принудительно, свободой. Упразднив формальные гарантии свободы, они упразднили и свободу материальную и это может быть имеет свои плюсы для будущего. Когда кончится период деспотии марксизма (худшей из деспотий, ибо деспотия всякого деспота была всегда человечна, деспотия же марксизма — засилие отвлеченного начетничества) в измученном встрясками и зверствами революции народе запросы свободы будут, конечно, прежде всего бытовыми и материальными — т.-е. будет почва для развития реальной, материальной свободы. **Ведь формально и советский строй чуть ли не самый наисвободнейший, — но кто же после революции может верить в формальные свободы.**

IV. ОТ ДВУГЛАВОГО ОРЛА К КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ И ОТ МАРКСА К ПЯТИЛЕТКЕ

Возврата к прошлому нет. Не бывает в истории, по крайней мере. Также как река не несет своих вод против течения, так немыслим и ход истории назад. Революция произошла не случайно (как социологическое смещение слоев, конечно — ибо революция, как политический скандал, как бунт и уличные бои в тот момент, возможно, как раз и произошла случайно). Выдохлись человеческие составы, несшие на себе тяжесть русской истории последних веков, устали, распустились, потеряли волю и способность управлять страной. Революция не результат жалких усилий революционеров — деклассированных представителей того же правившего слоя, — а упадок целого класса, целого отрезка культуры, целого строя, потерявшего чутье и ответственность государственного строительства. Сдвинувшись с точки и медленно оползая, русская история в феврале 1917 года скатилась под кручу. Если пустить мячик по ступеням лестницы, он докатится до низа — низом была крайность — т.-е. большевики.

Также, как реформы королевской власти были уже неспособны остановить революцию во французской истории (ибо психологически она уже начиналась)—так не остановил ее и наш

«ренессанс» конца 19-го и начала 20-го века. Неккер и Столыпин морфологически ровесники, однозначащие фигуры. Человеческий материал власти уже никуда не годился и благие намерения и полуначинания расшиблись о пассивное сопротивление государственного аппарата, а в особенности общества. «Общественная оппозиция» уже слишком зарвалась в мыслях, чтобы переродиться и понять свои же интересы. Она закусила удила и несла к обрыву. Февраль был только акселератором. Лучшие люди его первого периода принадлежали к тому же составу старого правящего слоя, они не смогли заложить сразу же твердый, а главное, целевой стержень расползшегося управления, не смогли обуздать разбушевавшуюся народную стихию. Интеллигенция ослепленно праздновала свою победу. Обстановка бурных митингов, гудков и пулеметов быстро передала лидерство из рук этих честных представителей старых классов в руки метисов, людей родословно и культурно не связанных с старым строем. Если первым было что хранить, — ибо они культурно к чему то принадлежали, что то любили, если они соединяли ощущение необходимости реформ с любовью к окружающим их бытовым условиям, ощущали мучительную необходимость как то выйти из положения, минуя катастрофу и моральную ломку быта; — то у вторых, — духовно-незаконных детей старого слоя, горящих батардской ненавистью к старому огулом — «государственных деятелей» с многообещающим «государственным стажем» демократически-социалистического начетничества и полууголовного разрушительства — ничего государственно-здравого за душой не было. Эпигоны упадочного периода дворянства — русские интеллигенты — не могли воспринять парламентаризма и мелкобуржуазного беззубого социализма даже с той крупицей государственности, которая имеется у их западных аналогов. Они восприняли все чисто словесно, ораторски, как позу (хотя бы и искреннюю) борцов и руководителей народа. Они думали, что знают народ, а увидав его вблизи — растерялись.

Неостановимость революции вынесла на гребень волны большевиков, — единственную интеллигентскую партию, которая ничего не боялась и никого не стеснялась. Она знала, чего хотела: — власти; и для чего — для осуществления очень определенного коммунистического строя. «Земля и воля», «грабь награбленное», «хлеб и мир» — вовсе не выражали, конечно, ее доктрины, но доказывали политический ум и практическую смётку пожелавших взнуздать народную стихию в свою пользу большевистских вождей. Для грандиозных целей стоило покривить душой и привлечь на свою сторону армейское и селянское крестьянство. А этого было достаточно: столично

рабочая (единственная в России могущая клюнуть на исходящий из экономики труда марксизм) внеинтеллигентская среда была давно уже марксистски распропагандирована.

В этой борьбе за власть с июля по октябрь кадры «своих» людей были только с одной стороны: — мелкобуржуазных социалистов защищали офицеры и юнкера, те, которые еще могли психологически поддерживать революцию в феврале, но уже презирали ее в августе, которые были уже готовым материалом для контрреволюции и к осени уже всякую революцию ненавидели.

На дальнейшем мне уже приходилось подробно останавливаться в моей статье «К проблеме дня» (Евразийская хроника, № 10). Считаю, что тогдашняя моя точка зрения более или менее правильна. Вечная борьба получаемого от жизни практического здравого смысла с захлестывающей все поверх головы книжно-интеллигентской одурью старых фанатиков продолжается и по сей день. Даже на почве реальной деятельности распухшая большим процентом более молодого и практически дельного личного состава — коммунистическая партия не смогла освободиться от своего книжного бреда. Даже выкинув за борт балласты левой и правой оппозиции, группа Сталина не смогла преодолеть своего устаревшего якобинизма, хотя и наметила этот выход из революции: — от Маркса к пятилетке.

Психологические яды робеспьеризма свели на нет заложенные в самой революции пути преодоления революции. Геберы и Дантоны мерещатся на каждом перекрестке. Старой контрреволюции давно уже не осталось и в помине — и **контрреволюцией стала называться сама революция,** борящаяся сама с собой. Кровь контрреволюции давно вся пролита без остатка, если она сейчас и проливается то по анахронизму, ибо уже **потекла кровь революции.** Психологический дантонизм Бухарина и Сырцова давно уже облаян на всех столбцах советских газет. Русские Лакруа, Демулены, Вестерманы — частью в Сибири, Соловках, на том свете. Процесс пожирания отыгранного человеческого состава революции в полном ходу. Он может длиться долго, — но не в сроках дело, а в том, что основной облик серой массы безыменных пока деятелей постреволюции уже намечается даже на пробеге пути от Маркса к пятилетке.

V. ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ АМЕРИКУ

От Маркса к пятилетке: догоним и перегоним Америку! По идее? — не плохо; что-ж, давайте догоним и перегоним Америку. Если нужно — можно и врать, хвастаться несуществующими достижениями.

Но нужно-ли это? А если нужно — кому?

Большому кораблю — большое плавание. Великое будущее России — неоспоримо. Даже в настоящем ее состоянии с ней не считаться — нельзя. Но к чему этот блефф? Кому нужны эти бумажные достижения и реклама предполагаемой (в проэкте) продукции?

Может быть с сугубо патриотической точки зрения она нужна, как пыль в глаза иностранцам? Бросимте это наивно-детское втирание очков тем, которые не хуже нас разбираются в технических вопросах, которые обладают достаточными средствами контроля и которых не проведешь... Но возможно, что это нужно для русских самих — для подъема российского самосознанья, энтузиазма? Не пустые ли это в таком случае слова, способные заворожить разве что двух-трех истосковавшихся эмигрантов или десятка два никому (даже большевикам) ненужных сменовеховца с паспортной идеологией? Ибо не явно ли, что внутри России люди, которые во всем участвуют, все видят, бесцельно нагружены и не по силам утомлены — этого энтузиазма сейчас воспринять с достаточной серьезностью не могут и в крикливую рекламу для наивных все равно не поверят.

Догнать и перегнать Америку надо — но не воплями и истерикой, не порчей материала и лихорадочной тратой сил, — а делом. Россия может смело смотреть в будущее, но импотентна в настоящем. Работа горячечного человека непродуктивна; нельзя с сорокаградусной температурой заниматься требующим выдержки серьезным и ответственным делом.

Людям, обагрявшим свои руки в морях крови, людям, взявшимся за слом старой России — не дано пафоса строительства. Сталин (собирательно) человек явно умный (в этом ему отказать нельзя), понятна и тактика пятилетки, но обреченность Сталина тем не менее совершенно очевидна. Сталин понял, что революционный пафос его соратников, — деморализованных войнами и расстрелами людей, надо направить в другое русло. Это понял еще Ленин с его электрофикацией. Поколению революции нельзя безопасно для строя снизить градус энергии. Ежели спускать революцию на тормозах к спокойной стабилизованной эпохе строительства, то можно остаться без сотрудников. Поколение революции не привыкло к рассчитанной на долгие сроки размеренной и упорной работе. Воспитанное на опиуме громких фраз, насилий, крови, романтике гражданской войны, заговоров, ударных мер и бронебойных декретов — поколение участников революции привыкло работать только в до максимума напряженной, нервной атмосфере. Кокаинисты мысли и истерики дела от скуки превратились бы в спокойной деловой атмосфере в ярых контрреволюционеров

справа или ушли бы поголовно в оппозицию влево; или же, в лучшем случае, занялись бы головокружительной, романтически-рвaческой спекуляцией.

Верхушка коммунистической партии поняла, что пора ликвидировать революционную демагогию, но перейти от революции к постреволюции не смогла — она, как и всякая революция, не могла переключиться на новых людей, оставив за бортом истории всех своих соратников истребительски-насильнического периода. Включить же их в дело стабилизации революции можно было только одним путем: — холерическими темпами и все теми же бронебойными декретами, максимумом напряжения атмосферы — т.-е. сохранением старых методов для нового дела. Результат: — «пятилетка», т.-е. демагогия вместо дела, вопли вместо приказов и процессы о «вредительстве» вместо результатов. Лживая и каррикатурная картина строительных усилий страны. Картина одновременно печальная и смешная.

Вождям революций не суждено быть деятелями пореволюционного периода. Дантону не дано было стать Бонапартом. Робеспьер не смог сойти с одних и тех же всем опротивевших выкриков. Людям, обагрившим свои руки потоками невинной крови трудно отречься от того, что они делали, родить новые идеи и новые дела. Постреволюция есть ликвидация революции, исходящая от новых, окрепших за революцию слоев, раньше аморфных человеческих масс. Эта ликвидация может быть и очень шкурная, но просторнародно-крепкая и волевая. Она может быть примитивно-идеологична, мало культурно обтесана, но крепка в своих житейских концепциях и склонна презирать всякое безделье якобински-марксистской априорности. Она себе на уме, ее не проведешь, — она в слова и обещания не верит, никакими энтузиазмами не горит и требует дела.

Новые идеи рождаются новыми людьми. Эти люди, как слой, среда — пожалуй, уже есть (хотя и не оформленно) и вероятно еще не осознали своей силы. Это те люди с ромбами на рукавах, которые неизвестно откуда взялись и командуют безъименно за Буденных и Ворошиловых армией, те, которые сидят на всяких третьих местах в комиссариатах, хозяйственном аппарате и даже в самой партии. Они карьеристы, они сами себя делают, они может быть невежественны и не культурны, — но они никогда не были интеллигентами, они слишком молоды, чтобы воспринимать всю упадочную развратность книжного марксизма. Они «большевики», но не «коммунисты» (словесно бессмысленно, но типологически понятно) — они не прочь поговорить о «мировой революции», но их личные и идеологические интересы тесно связаны с Россией. Их идеоло-

гия? Ее еще нет — она пока смесь оппортунизма с фактопоклонством, военной дисциплины с потугами на американизм. Их не трудно осудить с точки зрения старой цивилизации (о культуре и говорить не стоит), но они **сила.** Они презирают дребедень теорий — все умственное, книжное, программное. Они соглашаются (больше из карьерных соображений) называться марксистами, хотя марксизм, как и всякую книжную теорию, презирают. Их учили быть задорными и нахальными и они действительно быстро этими науками овладели. Они уже вероятно в душе свысока похлопывают по плечу своих вождей — истерически-захлебывающихся и распластывающихся, чтобы все подогнать под книжную мерку, — вождей своих, переодетых в военные мундиры энтузиастов-интеллигентов.

В изжитии фразы советской (и, что одинаково скверно, хотя и более безвредно, эмигрантской) происходит психологическое переключение всего живого и пережившего революцию к новой России. Наболтались! Довольно. Пора реально перейти к делу. Наступает эпоха может быть и серенькой, но упорной, безъименной и всеобщей каждодневной работы. Она еще не наступила и чувствуются еще последние встряски революционной горячки, но она наступит, ибо после упадка и революции неминуем подъем.

Владислав Иванов.

В ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(По поводу статьи В. Д. Иванова)

Я нахожусь в глубоком недоумении: что собственно понимается В. Д. Ивановым под словом «интеллигенция» и какого собственно призрачного противника он клеймит?

Под словом «интеллигенция» мы, русские, обычно подразумеваем два понятия: 1) интеллигенция в широком смысле, т.-е. умственно-культурный слой, занимающий передовые посты каждого народа, его интеллектуальная верхушка — и 2) специфически-русское понимание этого слова, распространявшееся обычно на всех граждан, в той или иной степени а) прикосновенных к высшему образованию и б) вместе с тем оппозиционно по отношению к правительству настроенных.

Защищать интеллигенцию в первом ее определении мне кажется совершенно излишним, да и едва ли сам В. Д. Иванов будет спорить против необходимости культурного слоя для всякого народа.

Но если взять слово «интеллигенция» во втором, чисто-русском смысле — к сожалению придется признать, что за редчайшими исключениями, она действительно была оторвана от народа — и, вследствие сего, непригодна для руководства им — как культурного, так и политического. Прав В. Иванов: интеллигенция дореволюционная никогда не была в России органическим возглавлением народного тела. Однако, признавая за ней этот грех — не будем забывать, как это видимо делает автор «заметок по вопросам политики», что у интеллигенции этой были и свои неисчислимые заслуги, что из ее среды вышли люди, создавшие величайшие в мире духовные, культурные и научные ценности. Не будем забывать и того, что она дала нам редчайшие образы жертвенности, бескорыстия и действенного идеализма. Отбросив вопрос о «пригодности» — запомним: моральная «качественность» ее была почти всегда вне сомнений.

Отдадим-же ей должное; раскрытая могила обязывает, по крайней мере, к сдержанности и корректности — если не к справедливости и объективности. И будем работать на создание **новой** интеллигенции, которая, выйдя из недр народа, восприняла-бы от своей предшественницы все лучшее, вечное— но была-бы проникнута до последних глубин духом его веры, культуры, истории. Тогда страна сможет спокойно идти навстречу предуказанному ей светлому будущему.

В. Макаров.

ДОГОНИМ АМЕРИКУ

(По поводу статьи Влад. Иванова)

Да, от Маркса к пятилетке... От идеологии к практике...

Неужели все-таки не поучителен «русский опыт»? Впервые в мировой истории пролетариат взял власть в свои руки и задача его себя испытать, показать на практике способен ли он переделать себя и повести за собой других. Не надо бояться слова «опыт». Всякое великое начинание вызывает спе-

рва недоверие и смешки скептиков. И не нам ли, русским, этого не знать. Через сто лет после непобедимой Армады Петр строит крошечный ботик на Преображенском озере; тот-же Петр учит русских обращаться с компасом... через двести лет после открытия Америки! Смешно было современным ему европейцам наблюдать эти наивные упражнения. Теперь массы русских рабочих и мужиков увлекаются не всегда новыми европейскими достижениями. Смешного тут ничего нет. Будем надеяться, что Днепрострой нашего пролетариата будет иметь для России такое же значение, как ботик Петра.

...Догнать и перегнать Америку... Даже самые ярые противники большевиков не отрицают, что кое-что все-таки достигнуто и построено за последние три года. Но вот, что любопытно. Если Россия медленно, очень медленно, но катится вперед, то в то же время за эти года сама Америка необычайно быстро катится назад. Кризис только прогрессирует и скоро можно будет, пожалуй, расчитать — сколько лет нужно такого регресса, чтобы Америка спустилась до уровня России... Пятилетка в обратном смысле?

...Мы, русские, не способны к серому делячеству. И любой беженец готов месяц не убирать своей комнаты; а уже заняться уборкой, так непременно в «ударном» порядке. Работает русский человек вообще скорее лениво, а примется — так далеко перегонит всякого иностранца. Только учитывая эту русскую черту и можно «догнать и перегнать» других. Сегодня смеются над этими методами, но всякая власть, сменившая большевиков, использует эти же черты русского характера.

Болтовни в России много и даже очень много. Но в этом отношении она еще далеко отстала от капиталистического мира. Одна Лига Наций и все международные конференции по борьбе с кризисом и разоружением обошлись весьма дорого, а практически ничего не дали. Давайте, признаемся все же, что за шумом и блеффом СССР чуточка достижений имеется, — за всей-же Лигой Наций и конференциями никаких достижений, один голый блефф.

И на том, и на этом свете судят и будут судить по намерениям и ошибки практики простятся, вернее — забудутся. Смешны обещания коммунистов, но не более, чем обещания всех политиков.

...Никто не отрицает, что крови пролито много в СССР. Это сделано с целью взять власть и удержать ее, а затем строить новый мир. Первая цель достигнута; пока.

Но ведь и руки капиталистов, вершителей мировых судеб, — в частности, устроителей войны, не лишены следов крови. А каковы практические результаты войны? Биржевики-

раздули мировой кризис. Не мало крови и горя и на их душе.

Кровь страшное, но не всегда верное мерило. Наш долг отделять ответственность первых коммунистов от ответственности подрастающих поколений. Старая партия Ленина сильно поредела. Кровь на ней, но не на детях. Громить комсомол и ударников бессмысленно, как бессмысленно громить евреев за то, что их предки распяли Христа.

...Владислав Иванов говорит, что вождям революции не суждено быть вождями пореволюционного периода. Пример Дантона и Бонапарта для меня не убедителен. Что бы делал Дантон в эпоху Бонапарта — угадать трудно. Сам же Бонапарт в эпоху Дантона был ярым якобинцем. По части же громких фраз Бонапарт был богаче Дантона. В Египте «сорок веков смотрели с высоты пирамид»... как Бонапарт проиграл кампанию и под конец дезертировал из египетской армии, что не помешало ему впоследствии зачислить всю авантюру в категорию успехов. Баррес в своем дневнике отмечает поразительное наружное сходство красивого Бонапарта с уродливым Маратом, причем прибавляет, что «нравственно они не соизмеримы, ибо в то время, как Марат вызвал смерть нескольких тысяч, во многом довольно таки виновных, аристократов — Бонапарт был причиной смерти сотен тысяч ни в чем неповинных людей».

Не любит Владислав Иванов дерзновение. А мне думается: пусть не удалась Вавилонская башня, а все же и ей может гордиться история человечества. Яков, вступивший в единоборство с Богом, мне ближе Исава, соблазнившегося чечевичной похлебкой.

Нет, хоть и трудно, хоть и через временные неудачи, но к светлому будущему направлена воля рабочей и крестьянской молодежи в современной России. Огонь правды, пусть искаженный злобой, но все же огонь социальной правды горит в массах, вздыбленных революцией; строительный порыв молодежи мы должны, обязаны поддержать.

Недопустимы попытки (пусть и с негодными средствами) гасить этот огонь. Наш долг: помочь ему очиститься от чада и копоти. Да светит он миру во веки веков.

Иван Степанов.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ

I. Манчжурия.

Цитирую февральское письмо из Харбина:

«Было несколько тревожных дней. Китайцы стянули под Харбин большие солдатские массы. Громадное большинство их было охвачено заправской воинской отвагой, — такова, видно, сила ненависти к наследственному врагу. В боях многие китайские части держали себя отменно, — разсказывают, например, что они собственными телами преграждали дорогу танку, давившему их, как муравьев. Воля к борьбе среди китайцев была и есть, но, разумеется, шансов военной победы нет ни в малейшей степени. Было странно и жалко видеть эти первопытные серые толпы, выступающие против современной армии. Как англичане «блестяще рубили» некогда чернокожих Африки и испанцы американских индейцев, так вот и ныне дивизия японцев «побеждала» китайцев. Да, победа полная. Но сражение было не боем, а бойней. Аэропланы, снижаясь, чуть ли не в упор расстреливали из пулеметов эту злосчастную толпу туземцев, забрасывали ее бомбами, — удивительно-ли что «операция удалась на славу»? — Не верьте, если услышите о «грабежах деморализированной китайской солдатчины». Ничего похожего на сцены 1929 г. теперь не было. Надо прямо дивиться выдержке этих голодных, ободранных, трагически бессильных и, в сущности, диких людей, — в целом они вели себя прекрасно...»

Таков финал тех действий, которые были начаты Японией 18 сентября 1931 года, под влиянием, будто бы, крайней необходимости оградить линию Южно-Манчжурской жел. дороги от покушений со стороны китайцев. А вот пролог: по свидетельству специальных изданий, регистрирующих ход нефтяной торговли, Япония ввезла из Америки **в Августе 1931 года** на 213.000 баррилей больше мазута, чем в соответствующем месяце предыдущего года. Мазут, как известно, является важнейшим топливом для новейших японских военных кораблей. С той поры эта волна мазута течет не останавливаясь: за следующих 4 месяца ввезено еще на 600.000 баррилей больше, чем в

соответствующую треть 1930 года. Не отстает от мазута и бензин, которого, как известно, в Японии не много: ежемесячно ввозится по 100.000 баррилей сверх тех количеств, что доставлялось раньше. И это несмотря на жестоко-свирепствующий в Японии экономический кризис, сокращение потребления, крах валюты и необходимость компенсировать этот ввоз нефтеных продуктов вывозом золота.

Не подлежит теперь ни малейшему сомнению, что японское выступление в Манчжурии было тщательно обдуманным и подготовленным завоеванием этой страны: подготовка номинальной независимости в целях последующей аннексии, то-есть совершенное повторение корейской эпопеи. С того момента, что Чжанцзолину, находившемуся тогда в Пекине, был предъявлен ультиматум, в тесной связи с коим надо рассматривать и «случайную» гибель этого крупного человека, — характер намерений и конечный исход мероприятий Японии в Манчжурии был совершенно ясен для дипломатии главнейших держав. Какое мелкое лицемерие царит в дипломатических департаментах, делающих вид, что они только теперь услышали что-то, набрасывающее тень на «доброе имя» Японии!

Не стану останавливаться на разборе притянутых за волосы аргументов в защиту «права» Японии на это выступление. Ее правители утверждают, что жизненные ее интересы находятся в Манчжурии, которая, вместе с тем, по красноречивому заявлению японского премьера, является «ключом к миру» на Дальнем Востоке. Что же это за жизненные интересы? Верно ли, что Япония «перенаселена», что ей «необходимы» новые территории, сырье и т. п.? Действительно ли речь идет о неизбежном, биологически-обусловленном переселении японцев в Манчжурию?

В этом отношении черзвычайно интересно публичное и обстоятельное обсуждение этого вопроса, поднятое лет шесть тому назад по инициативе г. Ямамото (генерального секретаря партии «сейюкай»), назначенного кабинетом покойного Танака на пост Председателя Правления Южно-Манчжурской жел. дороги. Ямамото бросилась в глаза полная бессмысленность, с точки зрения японской национальной политики, пребывания японцев в Манчжурии и инвестирования в ней одного миллиарда долларов. Что-же, эта страна эксплоатируется как поле для выгодного помещения капиталов? — спрашивал г. Ямамото. — Нет, так как, за исключением Южно-Манчж. жел. дороги, все остальные японские предприятия давали скорее убытки, чем прибыли: во всяком случае к 1926 г. были проедены многочисленные государственные субсидии и требовались новые. — Быть может эта территория используется для переселения японцев? Нет, так как за целую четверть века число японцев в Манчжурии не перевалило за 300 тысяч, т. е. составляет едва одну сотую часть тамошнего китайского населения. — Но не служит ли Манчжурия источником того сырья, которого нет в самой Японии? Однако, за исключением угля, который

и в Японии есть, при том лучшего качества, железной руды, которой Манчжурия вовсе не богата, да соевых бобов, которые когда-то интересовали Японию, как жмыхи для удобрения тутовых полей, но теперь вытесняются более практичными химическими удобрениями, — никаких особых видов сырья из Манчжурии не извлекалось. — Между тем созданные японскими капиталистами в Манчжурии промышленные предприятия с национальной точки зрения вредны, а не полезны, ибо они без надобности дублируют соответствующие предприятия в самой Японии и, стало-быть, отнимая работу у японских рабочих, передают ее китайцам. — Наконец, как рынок для ввоза японских фабрикатов Манчжурия не столь значительна и не может идти ни в какое сравнение с северным и средним Китаем (Тянцзин, Шанхай), да и японская импортная торговля в этой стране к 1926 году, пришла в такой упадок, что осаждала правительство просьбами о субсидиях. — Обсуждение вопрос, поставленного г. Ямомото, продолжавшееся несколько лет, не оставило никаких сомнений в том, что только одни соображения непосредственно-**военного** характера оправдывают в глазах самих японцев их пребывание в Манчжурии.

И на самом деле Япония не имеет никакой нужды в Манчжурии, как териртории для переселения, то-есть для переселения земледельческого характера. Северные районы самой Японии, в том числе значительный остров Хиккайдо, чрезвычайно слабо заселяются, несмотря на большие правительственные асигнования на это дело. Между тем переселение в Манчжурию гораздо труднее: климат в общем суровее, расстояние от метрополии большее, страна менее цивилизована, а конкурренция неприхотливого китайского земледельца весьма губительна. Правда, корейцы все же вселяются в Манчжурию, но только потому, что они в состоянии довольствоваться еще меньшим, чем китайцы, Замечательно, что переселение японцев в Корею, которой Япония безраздельно владеет с 1910 г., также не имеет успеха: климат и конкурренция корейцев, создают препятствия непреодолимые.

Наиболее известный продукт манчжурского земледелия, — соевые бобы, — экспортируются главным образом в Европу: бобовое масло входит важной составной частью в ходовые сорта маргарина, а жмыхи служат для корма молочного скота. Между тем в Японии маргарин почти не известен, а скота и вообще (а молочного в особенности) весьма мало; но зато **в случае военной блокады** японских островов — соевые бобы, чрезвычайно богатые белком, могут быть использованы в качестве пищевого продукта.

Убеждение в том, что Манчжурия **необходима** — широко распространено в Японии. Но эта «необходимость» совсем особого порядка Манчжурия нужна, как первый шаг к широкой экспансии на материке, как плацдарм для экономического, по имению одних, — военного, по мнению других, — овладения В. Азией и особенно Китаем.

С этим взглядом в господствующих кругах Японии конкурирует

другой, а именно, что будущее Японии — на островах, т. е. на Филиппинах, в голландских и английских островных владениях, в Австралии. Эти два, так сказать, географические направления японского империализма исповедуются рзличными кланами аристократии, наследственно владеющей управлением сухопутными и морскими силами. Но оба сходятся в общем убеждении, что Япония должна обеспечить национальное благополучие успешной **завоевательной политикой.** Аристократия в Японии задает тон и в **торгово-промышленной** деятельности: дворянские фамилии (каждая состоит из многих десятков семейств), владеют крупнейшими промышленными предприятиями, включающими в себя пароходства, банки, экспортно-импортные общества и т. п. Поэтому и журжуазное общественное мнение сходится с военно-аристократическим, отличаясь от него только нюансами тактики, всегда более осторожной. Основная причина такого единодушия господствующих социальных слоев заключается во все более ощущаемом социальном неблагополучии этой страны.

Только со стороны, издали, Япония кажется крепким монолитом, здоровой нацией в расцвете сил и роста. В действительности же за внешним блеском индустриализации, скрывается ультра гнилой социальный фундамент. Больше трети земледельческого населения Японии совсем не имеет собственой земли, а другая треть не может обходиться собственной землей и ведет половину хозяйства на земле арендованной. Арендная плата вся, за редчайшими исключениями, не денежная, но натуральная: по большей части исполу. Политическое влияние земледельцев создало аграрный протекционизм, который, при господстве натуральной арендной платы, благодетельствует единственно владельца, но не арендатора. Усложняющейся из года в год государственный и все удорожающийся военный аппарат требуют от населения все больше жертв, которые земледельческое население уже не в состоянии нести. Более полутора десятка лет в Японии существует серьезное аграрное движение, выражающееся ежегодно в тысячах стачек арендаторов против землевладельцев. С другой стороны, удорожание жизни городского населения, как результат аграрного протекционизма, а также близость территории Китая, на которой можно найти более дешевые и невзыскательные рабочие руки, замедлило и процесс индустриализации страны.

Япония боится революции, которая, действительно, выглядывает из всех щелей: аграрное движение, рабочее движение, студенческие увлечения Марксом, Бакуниным и Лениным, интеллигентская фронда. Имущие (аристократические и военные), круги Японии сходятся в убеждении, что для Японии нет другого пути, кроме внешних завоеваний, **для того, чтобы за счет эксплоатации чужих территорий сохранить от разрушения социальный организм собственной страны.**

Обстоятельства делают Манчжурию и вообще материк направлением, «наименьшего сопротивления». Одно время была занята вся

Манчжурия и все Восточная Сибирь по Иркутск, а также Шандуньский полуостров, но послевоенное возвышение Соединенных Штатов и тесно связанная с этим обстоятельством английский отказ от англо-японского союза, повели к Вашингтонской конференции, вернувшей Японии в исходное положение. Теперь движение на материк возобновилось. И предже всег — в Манчжурию, и даже в «Монголо-Манчжурию», как выражается японская преса с 1925 года, т. е. не до Чанчуня, как некогда, а в страну, где Чанчунь будет столицей, центром, с целым веером жел. дор. путей к Шанхай, Гунаю, Джехолу, Солуню, Хайлару и Благовещенскому. Эта Монголо-Манчжурия должна быть связана еще одной линией с Кореей и с ее портами, **должна стать естественным продолжением Кореи вглубь материка,** — тогда будут надежно обеспечены коммуникации с метрополией и главное: создана возможность обойти с фланга Шандуньский полуостров, держать под ударом Пекин и Тянцзин с одной стороны, Ургу, Кяхту и Верхнеудинск — с другой, Читу, Благовещенск и Владивосток — с третьей. «Нацональная необходимость» и «жизненная заинтересованность» в Манчжурии означают не что иное, как твердую решимость правящих кругов Японии прочно укрепиться на плацдарме **для дальнейших завоеваний на материке.** Предполагается, что эти завоевания должны будут обеспечить Японии эксплоатацию соседних территорий и уберечь ее от социальных потрясений.

II. Шанхай.

Если Япония действовала в Манчжурии по заранее подготовленному и тщательно обдуманному плану, реализация которого представлялась вполне возможной в обстановке, с одной стороны, мирвого экономического кризиса, а с другой — роста европейско-американского антагонизма из за вопроса о междугосударственных долгах, то действия в Шанхае, наоборот, можно признть проявлением истерических настроений, которые время от времени овладевают ее консервативными элементами, наиболее тесно связанными с военными кругами. Трудно найти в сфере политики шаг более неосмотрительный и жестокий, более откровенный по своим агрессивным целям, более нарушающий не только договоры, но и самые элементарные принципы международных отношений, и, наконец, менее способный привести к выгодным для наступающего результатам, чем те действия, которые последовали за ультиматом японского адмирала, предъявленным мэру г. Шанхая.

Чтобы понять странную психологию, которая породила это японское выступление, надо, в самом деле, обратиться к тем дальневосточным понятиям о «потерянном лице», которые еще живы, правда, в Китае, но от которых можно было считать освободившейся Японию, уже три четверти века поглощающую в огромных порциях европейскую цивилизацию. Старые счеты и психологические расчеты саму-

раев с одной стороны и мандиринов с другой выплыли на сцену, чтобы быть сведенными при помощи совсем им не современных танков, аэропланов и пулеметов.

Только потому, что действия Японии были уже черезчур вопиющи, исключительно брутальны и неумны, они встретили противодействие не одних Соединенных Штатов, но и Англии, и вызавил протесты Франции с Италией.

Положение в Китае, вообще говоря, таково, что каждая из упомянутых выше держав от всей души желала-бы прежде всего удержания своих правовых и торговых позиций в важнейших портах Китая. Даже Соединеные Штаты, столько копий изломавшие за политику «открытых дверей» и постепенной эмансипации Китая от обязательств по отношению к иностранцам, уже несколько лет осаждаются самыми слезными просьбами американцев, торгующих в «поднебесной республике», о защите их «от произвола гоминдановской клики». Соединенные Штаты мечтают о том, чтобы в «освобожденном» от других иностраных влияний Китае занять первое место, подобающее наиболее богатому из соседей, склонному оплодотворить капиталами огромную страну и заодно воспользоваться дешевейшей в мире рабочей силой. В их политике, направленной к этой цели, они расчитывают на сочувствие известных китайских буржуазных элементов, ориентирующихся на капиталистическое развитие страны, т. е. главным образом на гоминдановских политиков. Но подавляющее большинство последних представляет собою настолько жадную и продажную толпу, — толпу пропитанную не просто национализмом, но каким то восторженным вожделением всеобщего, внутреннего и внешнего, грабежа под флагом националистических и освободительных лозунгов, что буквально все американцы, находящиеся в Шанхае, Тянцзине и т. п. не могут не относиться с полнейшим недоверием, страхом, а часто и отвращением ко всему, считающему себя прикосновенным к этому движению.

В этой обстановке если бы Япония, в связи с Шанхайским инцидентом, не проявила бы откровенного желания унизить и подчинить себе Нанкинское правительство, а вместе с тем, одним ударом, завоевать для себя одной совершенно исключительное положение в Китае, она могла бы смягчить противодействие Америки и оставить последнюю в одиночестве — до лучших времен.

III. Дальневосточная проблема.

То, что происходило в Шанхае, — чем бы этот инцидент ни закончился, — все же только деталь, частность основной линии японской политики. Вашингтонская конференция, знаменовавшая собою неслыханное дипломатическое поражение Японии, прервала только на время обычное течение этой политики. Шанхайский инцидент подчеркнул ее своею брутальностью, но существо ее гораздо точнее,

решительнее и наиболее угрожающим образом обрисовано именно Манчжурским выступлением. Намерения Японии в Азии отныне не завуалированы, по крайней мере для дипломатов и для военных, ни в малейшей степени. Японскими штыками удалены из Манчжурии неугодные японцам китайские правители и их же штыками поставлены новые, вполне Японии послушные. Японские интересы эффектно прикрытые жалкой марионеткой — «законным», «легитимным», китайским «императором» Пу-И (об этом не мешало бы поразмыслить и некоторым из наших беженцев, уже теперь занявшимся заготовкой впрок своего соответственного Пу-И). Манчжурия уже отторгнута от Китая, хотя, само собою разумеется, «Япония не имеет никаких территориальных притязаний» в этой стране. Отныне Япония может заняться самой срочной и в то же время самой солидной подготовкой к будущей войне за Китай, за его рынки, за полиитческое в нем господство, за право распорядиться этой страной совершенно так же, как Англия распоряжается Индией. Территория Манчжурии, связанная новыми рельсовыми путями с Японией через Корею, представляет для этой подготовки огромные возможности. Горячка военных мероприятий усилит, вероятно, инфляцию в Японии, но в то же время и создаст впечатление экномического подъема, так что внутренний политический курс сложится по линии подготовки к будущей войне.

Через 2-3 года Япония будет уже гораздо сильнее на материке, чем сейчас. Соединенные Штаты, чьи надежды на экономическое влияние в Китае очень скромпрометированы военным усилием Японии, также займутся, конечно, усилием своего флота в предвидении будущего столкновения. Несомненно, что интересы тяжелой промышленности в Соед. Штатах не упустят случая использовать нынешние трения с Японией для улучшения промышленной коньюнктуры, по крайней мере в области военного судостроения и постройки военных баз на Тихом Океане. Останется ждать подходящего момента во взаимоотношениях Соединенных Штатов с Англией, чтобы появилась возможность нового дипломатического давления на Японию, которое вероятнее всего не сможет не окончиться тихоокеанской войной.

Может случиться, конечно, что Япония, в припадке военной истерики, сопровоцирует войну и ранее того времени, которое было бы желательно Соединенным Штатам. Но несомненно, что всякий новый неосторожный жест Японии поможет С.Ш.С.А. привлечь на свою сторону Канаду и Австралию, а вместе с ними, в конце концов, и Великобританию.

Интересы России неминуемо также будут задеты такой войной. Они уже в очень большой степени нарушены событиями в Манчжурии. Надо сказать, что манчжурская политика СССР, до сего времени, была исключительно терпеливой, осторожной и осмотрительной. Ведь в реконструкцию и индустриализацию своей собственной страны ухлопаны миллиарды, принесены величайшие жертвы; нель-

зя срывать пятилетку ради сомнительных авантюр. Отказавшись решительно от политики империализма, возвративши Китаю абсолютно все его суверенные права в Манчжурии, вручивши ему даже право на равное участие в управлени железно-дорожной линией, построенной на русские средства, СССР оставил в руках китайцев огромные государственные имущества России. Все было сделано для того, чтобы избежать трений и столкновений с китайцами, в целях удержания северной Манчжурии в состоянии независимого от Японии буфера между советскими областями и Южной Манчжурией. Отнюдь не вина России, если Чжансюелян в 1929 г., подражая всем нравам гоминдановской клики, попытался сделать то, чего никогда не собирался делать Чжанцзолин, т. е. покусился на окончательный захват К. В. ж. д. — Во всяком случае позиция СССР по отношению к Сев. Манчжурии **действительно** никогда не носила империалистического характера. — Но теперь Россия будет иметь в качестве совладельца Кит. Вост. жел. дор., в сущности, не Китай, но Японию. Как по этой причине, так и вследствие неуравновешенности японских военных кругов, которым всякое завоевание кажется полезным прибавлением к японской военной славе, конфликт между Японией и Россией может возникнуть в любой момент. И в этом отношении Россия до сего дня сделала все возможное, чтобы исключить этот конфликт. Если же тем не менее конфликту суждено быть, **то, как бы ни тяжело пришлось России, Япония от него только прогадает.** Русские рельсы ведут к районам снабжения более ценным, чем Манчжурия. В том окончательном столкновении, которое в конце концов разрешит тихоокеанскую проблему, от Урала и Западной Сибири, а может быть и от Камчатки, будет зависеть не мало. Национальное чувство укрепляется, проходя через горнило национальных испытаний. Что бы ни говорили маловеры, действительный удельный вес России на Дальнем Востоке совсем не умален. Если он не скажется немедленно, то тем с большей силой он даст себя знать позже. Россия имеет в Азии великую освободительную миссию; она не имеет права уйти и никогда не уйдет с Тихого Океана; Байкал никогда не станет ее последней восточной границей.

Г. Танасов.

12 марта 1932 года. Прага.

ЭВОЛЮЦИЯ ХИТЛЕРА

С Хитлером и национал-социалистами в настоящее время повторяется то-же самое, что происходило в истории со всеми политическими движениями, которые не укладывались в общепринятые рамки. Мировое «общественное мнение» замалчивает известные явления политической жизни до тех пор, пока они не перерастают события. И лишь после этого о них начинают говорить и писать — то в пренебрежительном, то в подобострастном тоне.

И тот, и другой способ оценки движения национал-социалистов в Германии глубоко ошибочны. Уже более десяти лет проповедь национал-социализма потрясает основы германской народной жизни и находит живейший отклик в самых широких и самых демократических слоях германского народа. Но, как это ни странно, противники Хитлера, сами правоверные народолюбцы и демократы, ставят вождю германского национал-социализма в наибольшую вину и его народолюбие, и его пролетарское происхождение.

В применении к противникам Хитлера можно было бы перефразировать известную «Песнь ночного сторожа» Шамиссо

«Und der Koenig absolut,
Wenn er uns'ren Willen tut!» —[1])

в том смысле, что «народ суверенен, если он выполняет волю демократов». В противном же случае его надо взять в железо и ввести «диктатуру... демократии».

Крупнейшей заслугой национал-социализма является то, что он сумел сочетать в своей программе два, до него казавшиеся столь взаимно исключающими, начала: национальное и социальное, и едва ли не первым из крупных политических движений объявил себя врагом одновременно и марксизма и его кажущегося антипода — капитализма. Национал-социализм первый провел строгое различие между капиталом национальным (промышленность и сельское хозяйство) и интернациональным (банки и торговля) и выдвинул интереснейшую экономическую теорию беспроцентного кредита.

Однако необходимость в денежных средствах на политическую борьбу заставила Хитлера искать их у германской крупной промышл-

1) «Король должен быть абсолютным, под условием, чтобы он творил нашу волю!».

ленности. Деньги и, повидимому, весьма крупные, национал-социалистам были даны, но это связало их вождю руки и заставило Хитлера пойти уже на многие компромиссы именно в части его программы, касающейся социального переустройства Германии и борьбы с крупным капиталом, как антинациональным фактором.

Ведь если бы Хитлер хотел бы быть строго объективным в истолковании причин германской экономической катастрофы, то он должен был бы возложить ответственность за страдания германского народа не на тяготы Версальского мира, но на ту же национальную германскую буржуазию (промышленников и аграриев), которая (при пособничестве социалдемократии) переложила сперва все бремя платежей по репарациям на плечи германского пролетариата, а затем перевела все добытое таким путем (9,5 миллиардов марок) за границу. Последствием этой государственной измены «национального капитала» явилось обескровление денежного хозяйства и крах тысяч предприятий, лишившихся и оборотных средств и покупателей.

Эта линия поведения Хитлера истолковывается многими адептами «чистого национал-социализма», как измена генеральной линии партии и вызвала в свое время отход от партии такого выдающегося основоположника национал-социализма, как Отто Штрассер.

В небольшой брошюре, изданной после своего выхода из организации, О. Штрассер приводит беседу, имевшую место 21 мая 1930 года между ним и Хитлером; она многих его поклонников разочарует.

Отвечая Штрассеру на вопрос, как он себе представляет участие рабочих в прибылях предприятия, Хитлер заявил:

«— Предприниматель, ответственный за производство, дает заработок рабочим. На чем вы основываетесь, требуя от него, чтобы он делал рабочих участниками в своих прибылях и в руководстве предприятием? Вы намереваетесь посадить ему на шею чиновника или заводский комитет, которые ничего не смыслят в производстве? Ни один предприниматель не подчинится подобно мере».

Когда Штрассер задал Хитлеру вопрос о том, национализирует ли он, придя к власти, заводы Круппа, глава «наци» ответил:

«— Вы думаете, что я сошел с ума и что я собираюсь разрушить германскую промышленность? Мы должны будем вмешаться в управление крупных предприятий лишь в том случае, если их владельцы откажутся действовать в интересах национального государства. Но для этого вовсе не надо конфисковать предприятия или же делать государство участником в их управлении. Сильное государство сможет обойтись без подобных мероприятий».

Когда же Штрассер заметил, что при таких условиях название партии «национал-социалистов» может ввести в заблуждение народные массы, Хитлер объявил:

«— Название «социалистическая» — неудачно. Во всяком случае оно не означает, что мы должны социализировать предприятия, но что

мы можем это сделать, если их владельцы будут действовать во вред интересам нации. В настоящее время они этого не делают (!!), а потому было бы преступлением разрушать народное хозяйство».

Хитлер привел обычные доводы капиталистов, согласно которым, раз германская экономика зависит от мировго хозяйства — невозможно заниматься экспериментами.

Характерно мнение Хитлера о роли рабочего класса:

«— Рабочая масса не желает ничего иного, кроме как «хлеба и зрелищ». Она лишена идеалов и мы не надеемся завербовать в свои ряды много рабочих. Мы должны отобрать людей нового склада характера, вождей, которые в своем поведении не будут руководствоваться моралью жалости, но которые отдадут себе отчет в том, что будучи высшей расой, они имеют право управлять, приказывать и утверждать свое господство без всяких церемоний».

Таким образом Адольф Хитлер, создавший свое движение на средства тяжелой германской промышленности и аграриев, утратил связь с мелко-буржуазными целями партии и, в силу этого, идейно слился с германскими шовинистами, т.-е. партией германских националистов, мировоззрение которых привело Германию к мировой войне и к переживаемой экономической катастрофе.

Но для представителей русских пореволюционных течений Хитлер лично неприемлем еще и по другим соображениям.

До ноябрьского переворота 1923 года симпатии германских национал-социалистов к национальной России были несомненны. Основоположники этого учения стояли на платформе братского единения всех арийских народов, не исключая из него, конечно, ни одного из противников Германии в мировой войне. Непримиримая война была объявлена красной Москве, марксистскому Берлину, католическому Риму, золотому Нью-Иорку и т. д.

С тех пор в окружении Хитлера многое изменилось. Прежде всего значительное влияние на перемену во взглядах вождя национал-социалистов оказал очень модный в Германии псевдо-ученый Гюнтер, со своей теорией избранных рас и черепов. Появилось понятие о «северной расе», с ее особым, продолговатым строением черепа, — свойственным лишь германцам, англо-саксам и скандинавам. Встав на этот путь, Хитлер неизбежно должен был впасть в крайний германский шовинизм. Снова ожила зловещая тень пресловутого Пауля Рорбаха, врага России и одного из виновников мировой войны.

Германская интеллигенция, столь богатая специалистами в области техники, не всегда располагала талантливыми и образованными политикми. И вот на эти роли в Германию явились молодые балтийские эмигранты, убежденные руссофобы, которые очаровали вождя национал-социалистов грандиозностью задач «северной расы», с продолговатыми черепами, на востоке.

Успехом у национал-социалистических верхов стали пользовать-

ся выступления балтийца Мантейфеля-Катцдангена, проповедовавшего сближение Германии с Англией и «поход тевтонских рыцарей» на восток, т.-е. в сердце России.

В данное время Хитлер находится всецело под влиянием этих «балтийских сирен». Опять выдвигается план отторжения от России Украины, Дона и Кубани, чтобы служить житницей Германии. Эстония же, Латвия и Литва должны всецело подпасть германскому влиянию для того, чтобы балтийские бароны могли бы вернуться хозяевами в свои родовые замки...

Эта националистическая мегалломания может еще очень дорого обойтись германскому народу, но пока что английские консерваторы субсидировали национал-социалистов на выборах в рейхстаг в 1930 году и Хитлер приглашен в Лондон читать лекции о задачах партии.

Поэтому было бы большим заблуждением полагать, что приход национал-социалистов к власти знаменовал бы резкую перемену курса германской внешней политики в отношении Москвы. Война коммунизму будет объявлена Хитлером только на территории Германии.

Заканчивая этот беглый обзор эволюции вождя германских национал-социалистов, следует признать, что в этом движении нас может интересовать лишь его социальная сторона, т.-е. разрушительное и творческое начало в области ликвидации разлагающегося капитализма. Таким понятиям, как «марксизм», «классовая борьба», «свобода частной инициативы», «священное право собственности» и т. п. твердыням материализма Хитлером и теоретиками его учения нанесены тяжелые удары, которые детонируют и за пределами Германии.

Другой вопрос — удастся ли национал-социалистам довести задуманное до конца. В этом, судя по некоторым личным свойствам их вождя и его окружения, приходится сильно сомневаться. Всего вероятнее, что Хитлер и его адепты лишь предтечи того нового поколения, которое даст Европе новые формы экономического и социального уклада жизни.

Хуго Вальден.

Гамбург.

ДА-ТУН

За последние недели в японских кругах, связанных с организацией нового маньчжурского государства, идет оживленная работа мысли. Трудности и препятствия возрастают по мере развития событий. С внешней стороны все обстоит как будто благополучно. Китайское правительство и китайская администрация нового государства безгранично почтительны по отношению к японскому командованию и послушно выполняют его советы. Но вместе с тем японцы прекрасно знают, что вокруг них плетется какая-то сложная, мудреная сеть, все больше связывающая им руки.

Китайцы медлительны, осторожны, они мягко стелют, — но в них покоится громадная сила пассивного сопротивления. И наиболее дальновидные японцы сознают, что извне этой силы не сломить и что военная оккупация — еще далеко не разрешение маньчжурской проблемы.

И вот в среде японских политиков, наблюдающих за Манчжурией, рождаются довольно любопытные идеи. На одной из них позволю себе сейчас остановиться. Она еще не получила публичной огласки, но усиленно обсуждается в политических японских кругах.

Можно сказать, что формируется своеобразная «пореволюционная»[1]) группировка. Она провозглашает существенно новые для Японии политические лозунги. Она проповедует новые методы политики.

Японии, заявляют зачинатели нового движения, — не покорить Маньчжурии средствами старомодного насилия. Нужно действовать по новому, нужно уметь подняться на уровень современной эпохи. Старые методы, старые идеи теперь непригодны.

Выходя на континент, Япония становится многонациональной империей. Ей приходится серьезно считаться с разноплеменностью населения. Недаром с Кореей у нее доселе так много хлопот. Чтобы создать прочную систему власти, необходимо найти реальную опору в этом пестром населении. Каким же образом это сделать?

Надо создать партию, массовую партию по типу фашизма и коммунизма. Но фашизм годится лишь для гомогенного, однонационального государства: он проникнут узко национальным пафосом. В разноязычной империи фашистская партия невозможна: питая мелкие шовинизмы, она привела бы не к единству, а к раздору.

Не подходит, конечно, и большевизм. Об этом нечего и говорить. Его цели совсем иные.

---

[1]) Согласно принятой в русской эмиграции терминологии.

Нужно создать нечто третье, нечто свое. Азиатское. Но столь же широкое по охвату, столь же законченное по «миросозерцательно-

И вот выдвигается идея «да-тун», «великого единства», идеальной системы азиатской справедливости. Она может и должна быть обоснована классическими ценностями китайской и японской культур. Она должна быть пронизана духом высокого идеализма, возвышенной духовности, — в противоположность материализму большевиков.

В свете больших исторических перспектив ее миссия — быть мостом к тесному японо-китайскому сближению, даже, быть может, со временем, союзу. Тогда создается в Азии подлинно несокрушимая политическая сила, авторитетная для всего мира. Но теперь вопрос идет пока лишь о Японии и Маньчжу-Го.

По плану инициаторов, новая, датунистская партия должна включать в себя национальные отделы: японский, китайский, корейский, монгольский. Нужно тут многое позаимствовать у большевиков, поучиться их организационным приемам. Нужно суметь провести принцип «демократического централизма».

Новая партия должна оказать оздоровляющее влияние на японскую государственную политику — такова вера ее основоположников. Нельзя, — заявляют они, — вести на континенте хищническую колониальную политику. Не должно быть «инородцев» в империи Восходящего Солнца. Нужно на деле доказать населению Маньчжурии, как и Кореи, что оно — не парий, не объект односторонней эксплоатации, а равноправный элемент имперской системы. Нужно опираться на свободное развитие местных сил. Следует пересмотреть всю политику Японии — под знаком датунизма.

И это нужно делать искренно и серьезно, — большие исторические движения не происходят иначе. Это не тактический маневр, не уловка, не маска на старом лице военно-бюрократической монархии, — это должно быть реально новым культурно-политическим словом. Новая партия должна быть массовой, — ее штаб надлежит создать из новых, свежих людей современной интеллигенции.

Датунисты сейчас пытаются начать организационную работу. Они нащупывают возможности в различных направлениях, устанавливают связи в разнообразных кругах — одинаково в штабе квантунской армии и в комитетах рабочих организаций. Они категорически заявляют, что только их путь может спасти Японию, находящуюся ныне на краю пропасти. Они сознают неисчислимость препятствий, их ожидающих, но уверяют, что препятствия их не смутят.

Пока вся эта новая партия — лишь в стадии замысла и зарождения, и трудно что-либо сказать об ее будущем; преграды на пути ее, действительно неисчислимы. Но самая ее идея — характерный симптом состояния азийских умов в нынешней сложнейшей обстановке.

Мукден, 8 апреля 1932 г. **Н. Васильев.**

ИЗ АРХИВА [1]

К СЛУХАМ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ

ДОЛОЙ КОММУНИЗМ!

ИНОСТРАНЦЫ — РУКИ ПРОЧЬ ОТ РОССИИ!

Союз Российских Национал-Максималистов еще ни разу не обращался к эмиграции, предоставляя это специально-эмигрантским-же политическим организациям. Но сложная международная обстановка заставляет Парижскую Группу Союза нарушить общее правило. Она считает своим долгом предостеречь эмигрантов. Одностороннее осведомление уже не раз ставило их — поставит и еще не раз перед опасностью быть вовлеченными во вредное для Росии, анти-национальное дело.

Речь идет о вполне возможной, в трудный для нашей родины момент, польско-румынской интервенции (поддержанной великими державами) — с участием тех русских, что способны окажутся итти отвоевывать Одессу для Бухареста и Киев для Варшавы.

Пусть имеется много данных за то, что иностранцы в последнюю минуту не сговорятся между собой и все ограничится разговорами — дележом шкуры не убитого медведя. Тем лучше. Но возможность в будущем такой попытки не исключена. Иностранцы, конечно, не прочь, — под видом борьбы с коммунизмом, оккупировать и обобрать ту или иную часть российской территории; и они охотно воспользуются предложением русских национал-пораженцев типа Струве и ему подобных — прикрыть русским флагом наготу иностранных хищнических замыслов.

Но русские, проживающие заграницей, — не должны поддаваться на провокацию. Пора оглянуться назад, отдать себе наконец отчет в происшедшем — и посмотреть вперед открытыми глазами, а не через старческие очки зарубежных политиканов всех мастей.

Националист не может быть пораженцем: не может стремиться к своей цели путем содействия военному поражению своей родины. В этом его основное отличие от интернационалиста.

Свержение коммунистической верхушки необходимо — верхушки бездарной, корыстолюбивой, неспособной возвыситься над своей сектантской доктриной до понимания национальных задач России; — но не все пути, ведущие к национальному перевороту, одинаково прием-

---

[1] Нам сообщена выше печатаемая листовка, выпущенная Национал-Максималистами в 1927 году. Обстановка на Дальнем Востоке снова сделала вопрос об интервенции злобой дня, — и текст этого обращения, если отбросить кое-где в нем проступающий налет антисемитизма, является и теперь как нельзя более современным.

лемы. **Для националиста цель не оправдывает средства.** Из числа средств должно быть безусловно исключено всякое сотрудничество с иностранцами, под видом борьбы с 3-м Интернационалом подготовляющими расчленение России и замену в ней Интернационала Красного — Интернационалом Золота и Биржи.

Сейчас в России складываются новые силы; революция, вопреки себе, постепенно «национализируется»; Российская («Красная») Армия, студенчество, нееврейская часть комсомола — уже почти готовые кадры наростающего «национал-большевизма», своеобразного русского фашизма.

В случае войны эта активная молодежь пойдет «защищать Россию». В этом смысле интервенция может быть «полезна своим вредом»: она ускорит процесс «национализации революции». Неужели эмигранты-националисты в такую минуту окажутся в лагере врагов и изменников своей стране?

Нет, в этом лагере останутся одни только безработные вожди — да заготовленные в эмиграции кандидаты в министры, в императоры, в президенты. **Все русские пойдут защищать Россию.**

Пусть не всем удастся попасть в Армию. Так что-же? **Остается** еще более трудная и рискованная борьба — борьба партизанская, в тылу у противника. Не примет участия в защите своей родины только тот, кто такого участия принять не захочет.

Парижская Группа Национал-Максималистов призывает дать спокойный отпор политиканам, корыстно или по близорукости, от времени до времени пытающимся вовлечь русских людей в очередную анти-национальную авантюру; — надлежит помнить, что дорога в Россию не ведет через посольства — **ни через английское, ни через полпредство СССР.**

В России молодые революционные силы начинают глухо бороться с еврейско-марксистской верхушкой ВКП. Интернационалистический этап русской революции отходит в прошлое; наступает этап «национал-большевизма». Этим молодым силам надо помочь. Но сближение с ними может быть только сближением **через головы как** эмигрантщины — так и коммунистической опричнины.

В совместной борьбе за Национальную Россию — в рядах единой русской армии — снова обретут все русские свое ныне утерянное единство.

ДОЛОЙ КОММУНИЗМ!
ДОЛОЙ ИНТЕРВЕНЦИЮ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНАЯ РОССИЙСКАЯ АРМИЯ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОССИЯ!

Парижская Группа

Союза Российских Национал-Максималистов.

Июнь 1927 года.

ХРОНИКА

Группы утвержденцев образовались в Латвии, Бессарабии, Югославии, Польше, Эстонии, Чехословакии, Южной Германии, Южной Америке и Северной Африке. Все группы и ячейки (от 3 до 15 человек) создались на над-партийных началах — в них входят представители всех оттенков пореволюционного направления мысли.

Группы сосредоточивают свою деятельность главным образом на обсуждении и проработке вопросов миросозерцания и культуры. При некоторых группах образовались и литературные кружки.

Редколлегия «Утверждений» выпустила в феврале с. г. обращение к читателям, с призывом подписываться на находившуюся тогда в печати настоящую книгу и тем облегчить ее выпуск в более значительном, чем предыдущие номера, количестве экземпляров (1.800). Обращение имело большой успех и дало свыше 200 новых подписчиков.

Наших читателей может заинтересовать та часть проспекта, в которой кратко передана история возникновения журнала:

«...Полтора года назад 9 человек, принадлежащих к разным пореволюционным политическим направлениям подпольной России и эмиграции, основали журнал «Утверждения» — над-партийный орган объединения пореволюционных течений. Издательский фонд решено было создать в кратчайший срок, в итоге ежемесечных отчислений участников общего дела. В пол-года сумма, достаточная для выпуска первого номера, была собрана.

Успех журнала подтвердил своевременность задуманного: существовавшие органы печати обслуживали лишь узко-партийные интересы, а пореволюционная молодежь требовала издания сборников дискуссионного характера, в которых, в рамках пореволюционных установок, свободно и непредвзято обсуждались-бы все острые вопросы современности. Органом как раз такого свободного и непредвзятого обсуждения и явились «Утверждения».

Находящаяся в печати **третья книга журнала выходит много позднее намеченного срока,** — ибо и утвержденцев, как и многих других, захлестнула волна безработицы; молодежь казалась вынужденной по 5-6 раз в месяц воздерживаться от обеда, чтобы иметь возможность вносить в кассу журнала сбереженные таким способом гроши...

Утвержденцы решили воспользоваться изданием настоящего про-

спекта, чтобы расширить сеть друзей журнала. Они расчитывают на действенную поддержку молодежи, на ее энергию и организационные способности.

Они хотят иметь возможно больше корреспондентов на местах — особенно в приграничных странах и Америке. Им нужны представители по распространению журнала. Лица, следящие за местною печатью и могущие систематически высылать в Редакцию вырезки...».

Молодежь горячо отозвалась на призыв. Именно благодаря ее усилиям обращение Редколлегии было повсеместно распространено и сеть утвержденцев не только расширилась, но и окрепла.

В Париже редакцией эс-эровского журнала «Дни» регулярно устраиваются открытые собрания с докладами на самые разнообразные темы, причем нередко докладчики приглашаются из числа представителей и не эс-эровского направления. Ведутся эти собрания, в отличие от других эмигрантско-дореволюционных, чрезвычайно объективно, являясь почти «свободной трибуной». Гостеприимством собраний «Дней» широко пользуются и представители пореволюционных течений, являющиеся на них главными оппонетами.

Под знаком «Утверждений» и выдвинутой журналом проблематики прошли почти все собрания «политического сезона» 1931-1932 г.

Начало положил А. Ф. Керенский, выступивший с сообщением, озаглавленным «На переломе кризисов»; в докладе, исполненном пессимизма при оценке внутрироссийской обстановки и оптимизма в отношении к судьбам западно-европейского капитализма, весь центр проблемы переносился в план политико-экономической и в этом-же плане изыскивались пути к преодолению кризисов. Докладу и прениям по нем были посвещены собрания 14 и 28 октября, 11 и 25 ноября, а также 9 декабря 1932 года. Первым оппонентом выступил от «Утверждений» Ю. А. Ширинский-Шихматов:

«...Почти все прежние выступлениях в «Днях» мне приходилось начинать со ставшей уже стереотипной фразы: чтобы осмыслить проблему — давайте, перенесем ее в другой план. Сегодня я останусь верен себе. Для нас — как, надеюсь, и для докладчика, сознание определяет бытие, а не наоборот. Вот почему я утверждаю: современный кризис есть прежде всего кризис сознания, кризис и банкротство целого мировоззрения, старого позитивизма, рационалима, материализма, индивидуализма; что-то привычное вдруг заколебалось в своей основе; настал кризис доверия, спокойствия, всякого вида устойчивости. Мир охвачен величайшим беспокойством; не предчувствием-ли? Все потрясено, все стало относительным. Эйнштейн и его теория так своевременны и типичны для переживаемого человечеством исторического момента — момента несомненно поворотного. Вы помните, на состязаниях гидропланов на кубок Шнейдера на виражах пилоты

слепли? Человечество сейчас, повидимому, на историческом вираже... Что-же удивительного в том, что оно не видит своей дороги?

Докладчик находит, что центр кризиса не в России, а здесь, в мире капиталистическом; это глубочайшее заблуждение. Узел всех проблем — в России; там именно предельно актуализирован кризис всей современной выродившейся цивилизации (когда то — культуры). Там ставятся первоосновные вопросы о человеке и его судьбе, о судьбе человеческих обществ. Там досказываются последние слова отживающей эпохи. России дано открыть новую страницу всемирной истории. Не коммунистам, конечно: коммунизм есть не новое — а лишь завершение старого. Но под его кровавой корой начинают пробиваться свежие молодые ростки...

...В России коммунизм — это законное дитя капитализма — не строит новую эпоху — он завершает собой уходящую; с капитализмом он пребывает в одном и том-же материалистическом плане. Вот почему разрешение кризиса может иметь место лишь с выходом в новую эпоху — для чего необходимо предварительно выбросить и капитализм, и коммунизм в один и тот-же мусорный ящик. Нам скажут: хорошо, выбросим, а дальше? Отвечу: ценностям, потерявшим устойчивость, утерявшим доверие, обнаружившим свою относительность — должны притти на смену ценности вечные и абсолютные. Течения, условно называющие себя «пореволюционными» — находят это абсолютное в идее российского мессианского призвания. Под знаком этой идеи и надвигается новая эпоха, новый исторический цикл...».

Представителями пореволюционных установок явились также: **Я. М. Меньшиков** («Кризис есть конвульсия умирающей посреднической души всей маклерской эпохи»), **П. С. Баранецкий** (аналогия между условиями падения античного мира и современным «катастрофическим» состоянием), **Д. К. Даниленко** («Современный строй не на переломе, а в агонии, ибо умирают не только с голоду, но и с жиру. Капитализм накопил несметные богатства — но не напоминает-ли он ту старуху, которая копила всю жизнь золото и все-же умерла в нищете?...»), **А. А. Добужин** («Для разрешения социальных вопросов нашего века нужны новые идеи, новые пути. На почве их искания стоят все молодые течения. Здесь еще царит бесформенность и скорее философия, чем политика. Но философия подготовляет сознание, она строит фундамент...»), В. А. Георгиев («Нельзя критиковать искания. Можно критиковать дом, план его, но **искание плана** — нельзя...»), **А. С. Штейгер** («...Почти все эмигрантское старшее поколение, от Струве до Керенского, единодушно связало себя с капитализмом и, от страха перед его грядущей катастрофой, ищет оправдания тому, против чего в героическую пору своей молодости оно так убедительно, разумно и логично восставало...»). Особенно содержательными были выступления **М. М. Артемьева** и **И. И. Бунакова.** Приводим несколько выдержек из сказанного первым, сравнительно недавно приехавшим из СССР:

«...В России имеется множество поразительных примеров переключения комсомольцев и коммунистов на новые пути жизни. Особенно в этом отношении характерны превращения и преображения в области религиозной...»

«...Меня поразила трусость здешних критиков пятилетки. Она выражается в боязни оценить пятилетку и ее достижения в целом. Мелочность и тенденциозность — основные черты этой критики»... «...Надо ясно отдать себе отчет в том, что каждое крупное достижение пятилетки — победа прежде всего России, победа Революции. Известная доля победы в ней принадлежит и большевикам. Ну и Бог с ними, пусть тешатся. Их благополучие и их судьба не зависят от таких побед или таких поражений. Она всецело зависит от того, какая **животворящая идея** противостоит им на их пути. **Пока эмиграция не выкует себе этой идеи** — она лишена оружия для какой-бы то ни было борьбы с большевизмом...».

Чревычайноз ярко было выступление И. И. Бунакова. «Общественный строй» — сказал он — «держится на душах людей. Революции происходят не потому, что хозяйство страны приходит в упадок, а потому, что сознание народа расходится с тем строем, в котором он живет, потому, что души людей уходят от правящей власти...». «...Бывают эпохи, когда души народов боятся всего нового, трепещут перед всякой переменой. И бывают эпохи, когда человечество рвется к новому, жаждет перемены, трепещет от творческого волнения. Такую эпоху переживает человечество сейчас. Весь мир жаждет обновления. Надо быть глухим, чтобы не слышать страшных ударов, которые сотрясают мир...». «...Мы читаем в газетах о кровавых столкновениях в Китае, о народном движении в Индии и не отдаем себе отчета в том, что происходит. Китай насчитывает 400 миллионов населения, — четвертая часть человечества. Четыре тысячи лет эти сотни миллионов людей жили в тишине и покое. Но вот явился молодой человек, энтузиаст и мечтатель — Сун-Ят-Сен — увлек за собою души молодого поколения и до глубины всколыхнул весь 400-миллионный народ. Уже 20 лет Китай сотрясается в революционных судорогах. Почему? Потому что народ жаждет обновления. Потому что миллионы молодых душ почувствовали, что больше жить так, как они жили до сих пор, они не могут. Потому что взоры миллионов отвратились от прошлого и устремились к будущему.

Идемте дальше. Вот Индия, 300 миллионов людей — пятая часть человечества. Тысячелетия Индия жила недвижимо и спокойно. Но вот пришел голый человек, почти безумный — махатма Ганди — и увлек души людей мечтою о новой жизни — теперь вся Индия, как на вулкане. Идемте дальше. На северо-запад от Китая и на север от Индии лежит великая страна, занимающая шестую часть земного шара и насчитывавшая перед войной почти 200 миллионов населения. Что с ней случилось? — В грандиозном порыве к будущему она со-

вершила величайшую в мировой истории революцию и вот уже 14 лет мечется в революционной горячке. Вы думаете, что это не так, что российскую революцию совершила кучка людей; что, захватив власть, она держит в рабстве 150-миллионный народ, мирный и разумный? Вы ошибаетесь: российская революция — дело рук самого русского народа. Это он в почти безумном порыве к будущему — к обновленной жизни — идет по пути ошибок, насилия и преступления. За Россией — Германия, еще вчера мещанская, консервативная и благоразумная. Теперь вся она объята пламенем. Почти вся она идет за партиями будущего — коммунистами и национал-социалистами... Партии прошлого и настоящего тают с почти молниеносной быстротой. Китай, Индия, Россия, Германия — это миллиард людей, большая часть человечества. Но, если вы вглядитесь в еще внешне спокойные страны — Францию, Англию, Америку — вы увидите, что и там — на духовных высотах и в народных низах — идет брожение. А колониальные страны — Египет, Индо-китай и другие! Весь мир в порыве и волнении; все человечество рвется к новой жизни...».

«...Когда А. Ф. Керенский, борясь со всем нам ненавистной коммунистической властью, противопоставляет советскому строю строй капиталистический, он совершает громадную тактическую ошибку. Поступая так, он укрепляет коммунизм. Противопоставляя советскому рабству капиталистическую свободу, он укрепляет советский строй. **Ибо в сознании всей молодежи: советский строй — это ошибка и преступление, но на путях будущего; капитализм — быть может, истина, но на путях мертвого прошлого.** Между прошлым и будущим молодежь всегда выберет будущее. Не соблазняйте ее добродетелями капиталистического строя — он умер в ее душе. И если что нибудь умирает в душах людей, оно умрет и в жизни...»

«...Думаете ли вы, что я стою за советскую власть? Нет, я ее ненавижу последней ненавистью. И я зову на борьбу с ней. Но для того, чтобы успешно вести борьбу, надо правильно оценить силы противника и надо найти оружие против него. А. Ф. Керенский недооценивает силы советской власти. Она очень велика. И, чтобы победить ее, нужна могущественная рать. Как собрать ее? Как увести от власти души молодежи? Как взорвать советский железо-бетон? — Надо советскому идеалу противопоставить свой идеал, советской вере свою веру, советскому энтузиазму свой энтузиазм. Но для этого не противопоставляйте советскому строю строй капиталистический. В его правду никто больше не верит, ни один человек не пойдет за него умирать. Противопоставляйте советскому строю свой новый град, построенный на труде и социальной справедливости. Советскому материалистическому миросозерцанию противопоставляйте общенародную правду. Их интернационализму противопоставляйте лицо живой нации и подлинного братства народов. И больше всего, их рабству противопоставляйте свободу, но только не призрачную, капиталистическую, а подлинную, реальную. На построение такого града может

собраться рать — верующая и готовая на жертвы. Ее первые битвы будут духовные — за души искренних советских энтузиастов. Ее последняя битва будет революционная — за свержение обездушенной советской власти. И только такая рать может победить...»

А. Ф. Керенский заслужил своим докладом искреннюю признательность молодых течений — а особенно утвержденцев. Все попытки (скоро двухлетние) организационно объединить пореволюционный фронт не дали в итоге такого фактического объединения вокруг утвержденческих тезисов, какого добился — вероятно, против своей воли — редактор «Дней». Теоретические споры были забыты и ярко обнаружилось психологическое единство представителей различнейших оттенков пореволюционной мысли.

23-го декабря 1931 года поделился своими мыслями с аудиторией «Дней» и Николай Александрович Бердяев, наиболее блестящий представитель современного русского мессианского сознания; темой он избрал «Мировую революцию и современные социальные группировки»; прения заняли три собрания.

Приведем несколько выдержек из сообщения Н. А. Бердяева:

«...Большая часть русских эмигрантских направлений с трудом может мыслить по существу происходящих в мире социальных процессов, потому что она определяется аффектом отрицательной реакции против коммунизма. У людей сочится рана и они все время думают о ней, а не о том, что происходит в мире...». «...В молодых группировках есть здоровое ощущение наступления новой эпохи, есть потребность пересмотра старых миросозерцаний, есть понимания того, что наступает конец капиталистической системе и либеральной идеологии...»

«...Основной порок капиталистического строя заключается в невозможности привести в соответствие производство с потреблением. Отсюда кризисы, как закон жизни капиталистического мира. Но этот основной порок есть лишь экономическое выражение глубокой духовной болезни — человек существует для экономики, а не экономика для человека, человек раб, а не господин хозяйства. Это является результатом совершенной автономии хозяйственной стороны жизни, когда хозяйство не подчинено никаким нравственным и духовным началам...». «...В буржуазно-капиталистическую эпоху наличествует чудовищное несоответствие между провозглашенным для всех принципом формальной свободы и невозможностью реально воспользоваться этой свободой для огрмной массы человечества, для рабочих классов...». «...Идеология капиталистического строя, либеральное понимание свободы, формальное понимание демократии кончаются в сознании, в душах людей. Либеральная эпоха себя изжила...». «...Но если либеральная эпоха изжита и скомпрометтировала самую идею свободы, то из этого не следует, что нужно примириться с на-

ступлением эпохи отрицания свободы, эпохи насилия. **Нужно спасти ценность свободы, с которой связано достоинство человека, от разложения и вырождения...».** «...Свобода должна быть соединена с истиной и тогда только в ней будет творческая энергия...». «...Коммунизм выставляет новый социальный принцип, ставит большую тему, но по своему миросозерцанию, по своему духу он глубоко реакционен и принадлежит отживающей эпохе, он наследник буржуазного рационалистического просвещения, он защищает его в форме полуграмотного матерьялизма. И если ликвидация капиталистического строя и создание нового произойдет и в Европе и повсюду в мире под знаком такого миросозерцания — то будет истреблена духовная свобода и задавлена человеческая личность, качественная культура погибнет и будет заменена технической цивилизацией...». «...Сила коммунизма в том, что он есть вера и миросозерцание, а не только политика и ему невозможно противопоставить одну политику...». «...Ныне в мире всюду побеждает социализирующая, социалистическая тенденция в широком смысле слова (организация хозяйства, создание трудового общества). Но социализм, как миросозерцание, разлагается...». «...**Правда социализма осуществляться будет не социалистами по миросозерцанию.** И этого нужно желать. Провинциализм русского эмигрантского мышления, порожденный реакцией против универсализма коммунизма, не стоит на высоте мировых событий и не может определить правильное отношение к социальным группировкам. Все сейчас делается мировым, выходит из рамок национального существования. **И для нас, русских, ставится вопрос о том, какова миссия России в мировом переустройстве.** Европа и Америка иначе оценивают значение России в мировом историческом переломе, чем русская эмиграция. Западные люди склонны признавать огромное значение русской революции для трансформации мира. Русский народ поставил перед миром великий вопрос. И было-бы унизительно для достоинства русского народа мыслить выход из нынешнего кризиса, как возврат к капиталистической системе и к буржуазной цивилизации, которые кончаются на Западе, как укрепление либеральных идей и формальной демократии, которую нужно отличать от демократии рабочей. Это было-бы противно русской традиции. Трудно предположить, что Россия после коммунистической изоляции в мире капиталистическом переживет капиталистическую изоляцию в мире, ушедшем от капитализма. Это было-бы слишком нелепо...». «...Сейчас необходима творческая мысль о новом социальном устроении. **Исторически-действенным может быть лишь соединение максималистической идеи с большим реализмом в понимании действительности и гибкостью в способах осуществления идеи...** В 20-ом веке становится утопией и мечтой то, что было реальностью в веке отошедшем и делается реальностью то, что тогда казалось утопией и мечтой...».

Пореволюционное направление, которое мы определяли в предыдущих книгах «Утверждений», как «неонародничество», скристаллизировалось в лице небольшой группы при Парижской У.М.С.А., главным образом, из деятелей Христианского Студенческого Движения и Религиозно-Философской Академии.

Та-же У.М.С.А. издает и орган новой группировки — журнал «Новый Град», с которым у «Утверждений» есть общие сотрудники.

Всемерно приветствуя всякое уточнение позиций — но не для разделения, а для более целесообразной последующей координации усилий, направленных к общей цели, — утвержденцы желают полного успеха новому собрату по единому пореволюционному фронту.

Представителями различных молодых течений создан в Париже «Клуб Пореволюционного Слова». С осени 1932 года предположен ряд собеседований на темы религиозные, историософские, литературные и политические. Докладчиками будут выступать представители всех новых направлений.

В течение зимы 1931-1932 года в Париже состоялось 62 собрания различных кружков, прикосновенных к «Утверждениям».

Группа молодых поэтов и писателей задумала создание в «Утверждениях» специального литературного отдела. Не приемля идеи «социального заказа», но стремясь органически войти в семью утвержденцев — зачинатели нового отдела предполагают привлечь к его созданию сочувственно относящихся к пореволюционным направлениям писателей, поэтов и критиков, находящихся в эмиграции.

Редколлегия «Утверждений» выразила Французскому Правительству сочувствие по случаю возмутительного и бессмысленного убийства Президента Думера.

Пятого декабря 1931 года проездом из Англии в Индию остановился в Париже на несколько часов махатма Ганди. Утвержденцы были предупреждены о приезде духовного водители освобождающейся Индии телеграммою. Встреча была решена в результате длинной предварительной переписки.

Махатма приехал в 16 час. 40 мин. с вокзала С.-Лазар и немедленно отбыл на «чашку чая», организованную в его честь местной индусской колнией. К 18 час. он прибыл на квартиру г-жи Гюэсс, где

должен был остановиться и принять 6 человек, которым были назначены личные свидания.

Приняты были г.г. Палечек, Андрэ Жид, Ю. А. Ширинский-Шихматов, Лютославский, Дункан и Шарль Роллан.

Беседа махатма Ганди с Ю. А. Ширинским-Шихматовым продолжалась 25 минут и касалась становящейся все более и более современной проблемы «Россия — Индия». Содержание застенографированной беседы должно было явиться канвой статьи М. Ганди для третьей книги «Утверждений» (с основными статьями журнала Ганди был знаком по присланным ему переводам). Махатма выразил свое горячее сочувствие общему направлению журнала и просил считать его в числе постоянных сотрудников издания.

Вечером в Мэджик-Сити состоялся доклад Махатма Ганди. От «Утверждений» присутствовали Ю. А. Ширинский-Шихматов и В. Н. Никольский. Ганди изложил на английском языке при многочисленной аудитории основы своего учения о «ненасилии» и «некооперации со злом». Ему была устроена восторженная овация.

На другой день утром он отбыл в Женеву, где предполагал провести неделю у своего друга, Ромэн Роллана. Третьего января, через два дня после прибытия в Индию, в Бомбее Махатма Ганди был арестован и брошен в тюрьму. Почти одновременно с ним той-же участи подверглись тысячи его последователей.

По вполне понятным причинам статья М. Ганди не могла появиться в настоящей книге нашего журнала. Посылая далекому узнику свой горячий привет, утвержденцы надеются, что статья их друга сможет украсить собой страницы четвертого номера «Утверждений».

Образовалось «Русское Общество Друзей Ганди», вошедшее в международную федерацию обществ под тем же названием. Председателем избран В. Н. Никольский, член Редколлегии «Утверждений».

О журнале «Утверждения» за год было напечатано 93 статьи, рецензии, заметки, было сделано ссылок и перепечаток как в эмигрантских изданиях, так и в советских и иностранных. К сожалению Редакция имеет далеко не все отзывы печати в своем распоряжении; особенно трудно ей следить за органами прибалтийскими, дальневосточными и американскими. Редколлегия постановила еще раз просить всех друзей «Утверждений», а также Редакции всех печатных изданий, — высылать наложенным платежом по два экземпляра каждого отзыва, каждой статьи и заметки, в той или иной степени касающейся журнала.

Редакционная Коллегия «Утверждений» решила и впредь выпу-

скать один-два «больших» номера журнала (примерно по 200 стр.) в год, посвещая их главным образом идеологии и тем вопросам, кои могут быть «вынесены за скобки» всеми пореволюционными направлениями. Такое положение вещей окончательно закрепит за журналом роль идейного объединителя пореволюционных течений. Что-же касается вопросов тактики и так называемой «чистой политики», — то они будут сосредоточены в новом, ныне задуманном, издании, выход первого номера которого предположен осенью с. г. Именоваться это повременное издание будет: «Завтра», Ежемесячник Утвержденцев. Редколлегия будет признательна иногородним друзьям за извещение, какое количество номеров нового издания каждый из них считает возможным распространить на месте.

Этой зимой в Франкфурте состоялось интересное совещание представителей молодых течений разных стран. Съехалось около ста человек из Франции, Германии, Швейцарии, Бельгии, Италии и др. Русские пореволюционные течения были представлены «наблюдателем» А. М. Антиповым. После весьма разностороннего обмена мнений, занявшего четыре заседания и охватившего многие из наиболее острых вопросов современности, была вынесена следующая резолюция:

«Подготовительный конгресс, организованный в Франкфурте-на-Майне представителями группировок молодежи германской, французской, бельгийской и швейцарской,

обсудив проблемы, связанные с кризисом капитализма и парламентарной демократии, а также со всею международной политикою, начиная с 1919 года,

утверждая необходимость радикально изменить цели и дух этой политики и заменить капиталистический строй новым порядком,

отбрасывая все виды сотрудничества в рамках прежнего строя, несущего в самом себе непримиримые противоречия (Лига Наций, так называемое «франко-германское сближение»),

учитывая различные формы эволюции, происходящей в разных странах и те события, коими не может не сопровождаться подобное революционное преобразование социального уклада,

учреждает постоянный орган, имеющий целью:

1. Информацию об эволюции кризиса в различных странах.
2. Изучение условий, при которых могло бы создаться практическое сотрудничество в деле поддержки в разных странах тех движений, кои соответствовали-бы общим принципам и задачам новых поколений.
3. Созыв съезда для выработки точных оснований и тактических форм постоянного сотрудничества европейской молодежи для создания общими усилиями нового порядка вещей».

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕЧЕНИЯ

«НОВЫЙ ГРАД». №№ 1, 2, 3. Париж 1931-1932. **«ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ».** Издание Евразийцев. 1931. **«ТРЕТЬЯ РОССИЯ».** Париж 1932. **«МЛАДОРОСС».** №№ 1-15. Париж 1930-1932. **«ПОВОРОТ».** № 1. Рига 1932.

Что собственно надлежит разуметь под довольно многосмысленным понятием «пореволюционности»?

Деятели дореволюционного периода обычно выдвигают против этого термина три батареи: 1) по-революционность есть категория **временная,** в ней нет определенного, со **всяким** после-революционным периодом связанного, идейного содержания; 2) так называемый пореволюционный комплекс идей не несет в себе ничего нового — в действительности он чрезвычайно дореволюционен: это — славянофильство во всех его разновидностях; 3) так называемые пореволюционные организации и психологически и методологически дореволюционны: это все тот-же интеллигентский утопизм в одной сфере — и все та-же кружковщина, как метод, в другой.

Сразу-же признаем, что термин «пореволюционный» надо принимать весьма условно. И разберем кратко вопрос о степени пореволюционности наших: 1) идей, 2) людей, 3) организаций.

Конечно, те идеи, кои ныне принято именовать пореволюционными, в сущности не новы. В этом, впрочем, нет ничего и удивительного — ибо вообще на свете ничего абсолютно-нового не бывает; все «новое» есть всегда лишь **новое сочетание** извечно-наличествующего. Создавая такое «новое сочетание» мы, вместе с тем, создаем и нечто действительно **новое,** поскольку в данной — и **небывалой** — исторической обстановке ищем проэкцию этого нового идейного сочетания на современную социальную действительность. «Пореволюционная идеология» для нас истинна не потому, что она по-революционна, т.-е. возникла после революции (она для нас **вечна,** ибо имя ей: Российская Историческая Идея); мы полагаем, что эта идеология потому и должна стать пореволюционной, т.-е. реализоваться после завершения революции, что **она истинна** и органически связана со всей диалектикой нашей истории. Через творчество старца Филофея и Дм. Герасимова, славянофилов, Гоголя, Тютчева, Бакунина, Леонтьева, Герцена, Данилевского, Достоевского, Федорова, Бахрушева, Бердяева — до Блока, Белого, Есенина — проходит одна и та-же идея: религиозно-культурной миссии России, «в пределе раскрываемой, как мессианское призвание». И наша Революция, с ее всеземным размахом, с ее уязвленностью исканием социальной правды, «взлетами и

падениями», кровавой данностью и вселенской заданностью — есть неминуемый (негативный) этап тяжелого и ответственного российского пути. В этом плане Революция — лишь начало бессознательного «стихийного выпрямления русской национально-исторической линии», — выпрямления еще только намечающегося, долженствующего осуществиться позднее, в период постепенной «национализации революции». Из этой схемы с очевидностью вытекает, что грядущая пореволюционная эпоха, эпоха реализации заданий, — должна, по нашему убеждению, завершиться под знаком той самой Российской Идеи, которую, как чашу, пронесли на воздетых к небу руках наши величайшие «мыслители и провидцы, философы и отшельники, поэты и святые».

Вера в такое именно конечное завершение революции и дает нам право именовать эту исконную, в недрах народной души выношенную идеологию — **«пореволюционной».**

Пореволюционными-же в смысле «возникновения после революции» можно только назвать **организации** — да и то не все (например: Парижский Союз Русских Дворян!) — а лишь те, что исповедуют Российскую Историческую Идею в том или ином современном ее отображении.

Что-же касается людского матерьяла, дающего «тело» пореволюционным течениям мысли — то состав этот весьма разновозрастен и в этой области деление на поколения — чрезвычайно устарело. Пореволюционны те деятели, которые исповедуют пореволюционные идеи — никакого другого для нас мерила и быть не может. Однако, нет сомнений и в том, что чаемое время наступит в России еще не завтра — и что людьми его явятся, в массе, именно теперешние молодые. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что как раз молодежь определяет собой, своим стилем и напором, общий облик пореволюционных течений.

Третья батарея — пожалуй, самая серьезная — с точки зрения наших критиков дореволюционного лагеря. Утопизм, кружковщина... Во втором номере журнала мы уже ответили Е. Д. Кусковой: не явилась-ли в условиях российской действительности попытка «реалистов» ввести буржуазно-парламентский строй трагического облика утопией? И не овладел-ли реальностью патентованный «утопист» — Ленин? Да — утопизм, да — кружковщина. Но только я боюсь, что эта батарея стреляет по воробьям: увы, слаба «ретортная» работа кружков и мало, слишком мало дерзания и утопизма во многих пореволюционных конструкциях!

Наше время можно сравнить с эпохой французских «энциклопедистов», когда закладывался фундамент нового для того времени миросозерцания. Социальный заказ эпохи требует и сейчас от нас не столько конкретных программ (время бежит, они — как опадающие листья), сколько больших идеологических линий, **целостного мировоззрения,** которое должно определить собой надвигающуюся новую

эру. Нам нечего бояться утопизма — чем выше идеал, чем он кажется менее осуществимым — тем больше он очищает души, тем большую духовную силу он вокруг себя сосредоточивает.

Не будем-же преждевременно снижать свою тематику. Придет час — упростители найдутся. Опошлители — увы — тоже.

Что-же касается того обстоятельства, что пореволюционные течения переживают ныне свой этап «кружковщины», горячо обсуждая вопросы, связанные с исканием целостного миросозерцания... Ну и очень хорошо, что переживают. Мы не отказываемся от опыта наших предшественников и знаем, что кружковщина — один из целесообразнейших способов подготовки **творческих кадров.** А это — основная задача пореволюционной эмиграции.

Ежели-бы только вышеперечисленными «грехами» страдал пореволюционный фронт — все обстояло-бы, пожалуй, еще довольно благополучно. К сожалению в наших рядах зреет другая опасность — и на ее преодоление мы должны все обратить самое серьезное и пристальное внимание. Мы недостаточно отдаем себе отчет в том, что мы **еще не пореволюционны** (революция еще не завершена), что наша пореволюционность (хорошее слово, «ведущее») означает лишь нашу **ориентированность** на завершение революции, на ускорение ее «национализации». Мы не достаточно понимаем, что мы еще целиком в революции, что мы ее дети, порождение ее духа — и что в этом таятся серьезнейшие, неосознанные опасности.

Дух революции в конечном счете всегда — **дух насилия.** Не им-ли отравлены (в разных, разумеется, степенях) — и коммунизм, и фашизм, и национал-социализм? Не чувствуется-ли его дыхание в евразийских временниках, в черно-красной «Третьей России», в листках «младороссов»?..

...До-военный мир, погруженный в скепсис и бесплодную мечтательность, — расползался, оседал — разлагаемый культом анархической свободы, свободы бессодержательно-отрицательной — свободы «от», а не свободы «для». В этом смысле февральская революция явилась только **последней стадией разложения** дореволюционной государственности. Дряблому, одряхлевшему историческому «тезису» пришел на смену грубый и мощный, как сжатый кулак, «антитезис»: культ силы, вера в правду насильственной организации разваливавшегося общества. Почувствовал Есенин:

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!

Но насколько этот исторический антитезис может быть понят — и, при известных условиях, даже оправдан — как процесс, внутри революции развивающийся, — и сам революцию пожирающий, — настолько его динамика беспредметна и жалка **за бортом** революции. Зерно, попавшее на камень. Мотор, работающий на холостом ходу.

Революция выбросила, в общей массе, также и своих детей за рубежи своего русла... Она-же заразила, опьянила своим вихрем немало молодых душ, только за бортом ее уже оформившихся. Но опьянение это больное, динамика им вызванная — в эмигрантских условиях — беспредметна. Заразу эту надо преодолеть, изжить — она должна явиться прививкой, создающей иммунитет, необходимый для трезвенного пореволюционного творчества.

Но во многих душах нет еще осознанного волевого порыва к выходу в пореволюционность — их все еще баюкает стихия Революции. Именно по этой причине наиболее последовательные евразийцы, в лице своих самых талантливых идеологов, не смогли стать «третьей силой» и — или отошли от движения — или, сменив вехи, преклонились перед марксизмом; именно по этой причине «Третья Россия» обуреваема чисто-комсомольским пафосом анти-христианства и выдвигает свою собственную (люциферианскую) религию; именно по этой причине зачарованные революцией «младороссы» слепо перенимают революционную фразеологию и создают, рядом с пародией на царя — пародию на ударничество. Стихия повелевает душами — но как-же возможна революция вне революции? И вот наиболее примитивными выдвигается лозунг «национальной революции»: хочется иметь — хоть тут, за рубежом — хоть какую-нибудь, — но свою маленькую революцию, перед которой можно преклоняться, в ожидании которой шуметь, кричать, — которою можно клясться и которую можно призывать... Надо всем этим смеяться грешно: это большая — хотя и неосознанная — трагедия нашей эмигрантской молодежи. Да еще самой активной и жертвенной.

Надо ясно отдать себе отчет в том, что никакой «третьей, национальной» революции быть не может, да и быть не должно — ибо таковой (в своей заданности) уже является реально существующая, исторически-данная Революция — «бессознательно, стихийно выпрямляющая линию российского национально-исторического развития»; не бороться с ней надо — а «национализировать» ее, национально углубить, использовать ее людей и динамику для национально-наднациональных достижений. Неужели не ясно, что при наличии еще не завершенной революции — всякая иная сможет вылиться только в формы «революции против революции», т.-е., в конечном счете, контр-революции? Что Россия не может дважды на протяжении двух десятилетий менять свой ведущий социальный слой?

Речь может итти только о некоторой «чистке» выдвинутого социального слоя, о его консолидации и о помощи ему в осознании его пути, как служения Исторической Идее страны. Речь может итти об ускорении известной эволюции настроений в среде активной внутри-российской молодежи, завершенной — если это окажется необходимым — своего рода «расширенным дворцовым переворотом», закрепляющим к тому времени уже фактически происшедшую «национализацию революции».

Надеюсь, что моя мысль достаточно ясна и что нет нужды подробно разбираться в вопросе о грани между революцией и переворотом — и о том, каковы могут быть последствия той и другого в социальной и экономической жизни страны.

Новые направления должны пересмотреть свои утверждения, **проверить духовные основы своей динамики**; признав свою погруженность в стихию революции, — приложить волевое усилие к преодолению ее соблазнов, постоянно помнить, что пореволюционность (в современном понимании этого слова) означает нашу ориентированность на завершение революции, на ускорение ее «национализации»—как переходного этапа к конструктивному по-революционному периоду, а не на качание исторического маятника от революции к контр-революции и обратно.

Мы, люди пореволюционного сознания, должны в первую очередь преодолеть в себе и в своей среде революционную **стихию насилия** — во всех ее видах и преломлениях. Тезису (анархическая свобода) и антитезису (революционное насильничество) мы должны противопоставить синтез. Таким синтезом могла-бы явиться, по моему мнению, **добровольно** самоограничивающаяся (ради больших целей) свобода; политическая аскеза людей, урезавших свою **(и только свою)** свободу — во имя освобождения других.

...Все пореволюционные течения стремятся к единой цели — к претворению в жизнь Российской Исторической Идеи (в разных ее преломлениях); солидарны они и в том, что проэцироваться эта Идея должна на современную **советскую** действительность, в качестве исходной точки для дальнейшего строительства. Что-же касается путей — то в этом вопросе имеется ряд вариантов, как идеологического, так и программно-тактического характера.

Какие-же течения могут быть нами названы пореволюционными? Таковыми (в неравной степени) надлежит признать евразийцев, устряловцев, национал-максималистов, нео-народников (новоградцев), народников-мессианистов («русских фашистов»), — и, с известными оговорками, «неодемократов» и «младороссов».

Говоря об этих течениях не приходится считаться с количеством лиц, организационно к ним примкнувшим; в большинстве случаев каждое течение представлено каким-нибудь **одним** лицом — и небольшим его «окружением». Этим обстоятельством можно объяснить и довольно распространенное явление, которое приходится назвать «болезнью показного размножения» — за недостаточностью размножения действительного: частое выступление малого количества авторов под большим количеством псевдонимов.[1]) Отмечаю это явление

[1]) Так в евразийских «Тридцатых Годах» **шесть** статей написаны **одним автором,** под своим именем и разными псевдонимами; в «Третьей России» — тоже шесть статей и тоже одним автором.

не в укор тому или иному движению (наиболее количественно значительные часто оказываются наименее ценными качественно) — а просто для того, чтобы отметить характерный для пореволюционных направлений момент: их пребывание в еще зачаточной («индивидуальной») стадии, стадии становления. В этом — залог их творческой потенции; но в этом-же — причины текучести их состава, неоформленности многих из их построений; наконец — в этом-же объяснение односторонности их программ, когда производятся попытки «проэцировать идеологию на действительность». Чрезмерное число «лидеров» имеет и еще одну печальную сторону: оно создает исключительные трудности для **организационного** объединения пореволюционных течений; массовое выращивание в эмиграции не только опереточных «императоров» и «президентов», — но также гитлеров, лениных, муссолини и бонапартов всех разновидностей — грозное для всех нас предостережение.

Недавний развал евразийства, бесплодная «фашистика» младороссов, дробление еще слабых сил на несколько однородных журналов... Как еще мы далеки от действительно пореволюционного синтетизма, от умения концентрировать наши усилия! Еще раз — кипит и переливается через борт «отрицательная», неуемная стихия революции...

«Перепроизводство вождей» — конечно, болезнь всякой эмиграции. Хочется сказать нашим «гражданам пореволюционной России»: попытайтесь **хоть в этом отношении** не быть эмигрантами!..

Заставьте своих бонапартов наконец сесть за один стол и — хоть **в самом основном** — но все таки до чего-нибудь договориться!..

...Итак — пореволюционны те течения, что исповедуют Российскую Историческую Идею. Как ее кратко формулировать? Как вырастает она из творчества наших мыслителей?

Это прежде всего — 1) Признание Истории духовно-целесообразным процессом. 2) Утверждение российского мессианского призвания. 3) Исторической миссии России, как жертвенного служения Богу и человечеству — в планах духовном, культурном, социальном. 4) Долг универсального осуществления христианской правды в жизни личной, общественной, государственной, всечеловеческой.

В аспекте сегоднешнего дня новы те течения, которые, кроме того, ставят проблему пореволюционности, как 1) Проблему **синтеза** (дореволюционная Россия — тезис, революционная антитезис). 2) Проблему преодоления стихии насилия и утверждения христианского духа свободы. 3) Проблему сочетания максималистической идеи с трезвенным и гибким ее претворением в жизнь.

Такая установка, конечно, не означает отказа от волевого упора, необходимого для взрыва коммунистическо-матерьялистического насильничества. Наоборот, перенося «точку приложения» из сегоднешнего дня в завтрашний, новые течения как раз приобретут тот динамизм, ту историческую инерцию, которые только и позволят им

накопить необходимые для этого взрыва духовные и матерьяльные силы.

Но быть может подобная установка чужда многим, тем не менее считающим себя «пореволюционными», молодым? Их не влечет к себе идея свободы, их охватила и задурманила стихия насилия?

Пусть тогда они честно признаются, что в их конструкции Идея и Слово (Логос) — разошлись, что не спаяться им в пореволюционную идео-логию. Честное признание своей погруженности в стихию революции логически может привести только к одному из нижеследующих практических выводов: или к капитуляции перед стихией (сменовеховство) — или к созданию пародии на стихию (контр-революция). Третьего им не дано. Третье — это наш путь, путь действительно пореволюционный: творческий синтез, действенное преодоление революции «извнутри», ее разрушительных и насильнических элементов, — во имя утверждения положительных, вечных ценностей.

Юрий Ширинский.

НА ВІЧНУ ГАНЬБУ ПОЛЬЩІ, ТВЕРДИНІ ВАРВАРСТВА В ЕВРОПІ. Видання проводу українських націоналістів. Прага 1931.

LA PLUS SOMBRE POLOGNE. Publié par le Comité des organisations ukrainiennes des Etats-Unis et du Canada. Lausanne 1931.

POLISH ATROCITIES IN UKRAINE. Compiled and edited by Emil Revyuk. New-York City 1931.

После войны и российской революции польский народ, прежде раздробленный историей, снова обрел свое единство. Казалось-бы долгое пребывание в состоянии угнетения должно было на практике доказать полякам все преимущества терпимого и культурного отношения к тем народам, что волею судеб оказались ныне поставлены в зависимое от него положение.

Однако, исторические уроки, видимо, впрок не идут.

Известно, что Речь Посполитая никогда не обладала даром государственного самоустроения и не ей-бы, думается, ныне захватывать чужие территории, когда и на своей не легко удается создать сколько-нибудь современный социальный уклад.

Правда, справедливость требует признать, что экстенсивно-имперьялистическая политика была польскому народу в значительной степени навязана делателями европейской погоды, смастерившими из Польши новое лоскутное государство, разноплеменное, разнокультурное, разноязычное, принужденное поддерживать единство своего искусственно-созданного организма ценою угнетения отданных под его защиту народностей.

Тяжело под полковничьим игом положение Белоруссии; не легче участь Подолии и Волыни. Но ни

с чем не сравним гнет, который приходится выносить Галицийской Украине.

Когда видишь снимки искалеченных людей, когда вчитываешься в протокольно-сухие документы, перечисляющие бесчисленные злодеяния палачей братского народа — невольно охватывает волна гнева и негодования...

Нельзя от души не сочувствовать тем молодым национальным украинским кругам, которые в тягчайших условиях административного террора ведут действенную борьбу с поработителями своей страны. Нельзя не пожелать, чтобы возможно скорее на этой благодатной земле восстановились право и справедливость. **Ш.**

НАРОДНАЯ ГАЗЕТА, орган русской народной партии на Словакии. Пряшев, 1931-32. Отв. редактор Иван Круцик.

Несколько странный русский язык, своеобразные обороты речи. Но как трогательно и горячо в далекой Прикарпатской Руси помнят и любят старшую сестру — Россию. И как хорошо иногда разбираются в правильности той или иной «позиции», занимаемой эмигрантами в столь остром и больном для нас вопросе об отношении к власти ВКП и сохранности внешних границ нашего отечества.

В номере от 13 марта 1932 года читаем: «Наша Народная Газета есть газетой русских мужиков в Карпатах и их собратьев переселенцев в Америке. Пишем мы обыкновенно о делах, касающихся наших сел и нашего края. В глубине души всех тех наших мужиков, неокончивших высшие школы, но зато сохранивших здоровое подсознание в национальных вопросах, живет интерес к остальным братьям славянам и живет великая, вековая любовь ко всему русскому народу, к России великой и далекой... Любовь нашего народа к России не имеет определенные формы, она не знала и не знает теперь оффициальной России, ни царской, ни большевицкой, но зато стихийно, как цветок к солнцу, относится с симпатией ко всему, что русское, к людям, к речи, к земле, к религии, ко всей необъятной и непонятной, могучей и все же столь страдающей Руси...»

Сообщая о патриотическом выступлении в Париже П. Н. Милюкова по вопросу о дальневосточном конфликте, газета замечает: «...освобождения России со стороны японцев ожидать нельзя. Если не освободили Россию братские чехословацкие легионы и другие союзники, тем менее охотны то сделать япошки. Русский народ освободит себя сам. Поводом послужит к этому, может быть, как раз война, выпровоцированная японцами, — если русская армия победит, сделает порядок дома, как сделала армия Наполеона во Франции. На Дальнем Востоке назревают события... Все признаки свидетельствуют о том, что Япония не остановится перед ничем, как не могла остановиться Германия в 1914 году. Симпатии всего мира, однако, окажутся, разумеется, на стороне России, ибо она защищает свою землю. Будет то

последнее испытание русского народа, но в войне возродится национальная Россия, которую все желаем. Наши симпатии на ее стороне и неприкосновенности русской земли. Бог Всевышний да будет милостив к русскому народу в грядущих на него тяжелых испытаниях судьбы».

Жаль, что русские эмигранты редко читают «Народную Газету»... **Ш.**

А. ЮГОВ. Пятилетка. Послесловие Ф. Дана «Перспективы генеральной линии». Издание « Социалистического Вестника », стр. 168.

Довольно обширная эмигрантская литература о пятилетке не отличается объективностью. Большинство авторов находится во власти своего ущербленного самолюбия — партийного или профессионального, затемняющего их сознание и вызывающего у них злобу и раздражение, недостойные научной критики. Эти авторы не подозревают, что уже одно это ущербленное самолюбие есть показатель их общей положительной оценки пятилетки, несмотря на всю их так называемую «уничтожающую» критику. Ибо откуда же могла появиться у эмигрантских политиков, экономистов и инженеров сама ущербленность, как не от сознания вынужденного своего неучастия в таком — грандиозном, национального значения, строительстве? Эмигрантские критики ненавидят пятилетку больше, чем саму революцию.

Может быть это не злоба, а благородное негодование? Едва ли это так. Негодование всегда бескорыстно, злоба всегда эгоистична. И поэтому-то злоба прибегает к недостойным средствам — подтасовки фактов, лжи умолчания, умышленному освещению какой-либо одной стороны дела и т. д. Именно этими недостатками отличается, за редкими исключениями, эмигрантская критика пятилетки.

Книга Югова представляет собой как раз такое исключение. В ней, кроме скучного и ненужного послесловия Дана, нет политики, нет партийщины, нет никакой личной отсебятины — в ней спокойное изложение фактов, взятых из первоисточника советских информационных изданий. В книге Югова нет никаких коварных «экстрополяций » статистических данных и произвольных «толкований», к которым так склонны мудрые передовики эмигрантских газет. Критика Югова чрезвычайно проста, бесхитростна и без всяких претензий на «глубокомыслие» и потому-то она сильна и глубока. Она построена на изложении фактов и цифр в таком порядке, в котором скрыта простая внутренняя логика: вот так было, вот так стало, вот так было предположено и вот на лицо такие-то по свидетельству советских источников препятствия для осуществления плана. Автором сделаны те выводы, которые можно было-бы и не делать, ибо они очевидно вытекают из представленного материала и сами собой напрашиваются всякому, даже неискушенному в статистике, читателю.

Главная ценность книги Югова

в том, что он дал оценку пятилетки во всем ее объеме и при этом распределил свое внимание на отдельные стороны проблемы в той именно пропорции, которая содержится в отношении этих сторон в самой пятилетке.

Благодаря всестороннему освещению фактов автору удалось представить читателю хозяйственный процесс на фоне общего культурного процесса жизни. Получилась чрезвычайная выпуклость и объективность. В соответствии с этой объективностью автор правильно не ставит, подобно другим критикам, вопрос: «осуществима-ли пятилетка?», а рассматривает вопрос этот в форме: «осуществляется ли пятилетка?». И он не боится, в соответствии с фактами, признать, что: «и в индустрии, и в сельском хозяйстве немало отраслей, количественный рост которых замедлен, но, в среднем, показатели роста продукции весьма близки к требованиям пятилетки, а иногда и превышают их. Хотя и создано не мало «узких мест» и противоречий, однако производительная часть пятилетки все-же осуществляется быстрее, чем это предполагали ее противники».

Переходя к тем заданиям пятилетнего плана, которые связаны с удовлетворением материальных, соціальных и культурных нужд населенія, автор столь-же объективно констатирует, что выполнение пятилетки в этой сфере (особенно культурной) — **очень далеко от планов.** В соответствии с этим весьма убедительно звучит общий вывод автора: «серьезное изучение итогов 2 с половиной лет пятилетки должно привести к выводу, что нет выполнения пятилетки, как плана подъема хозяйственного и культурного уровня страны, а имеется лишь гипертрофия роста производства за счет омерщвления или деградации социальных и культурных условий» (стр. 133).

Книга Югова без всяких оговорок может быть рекомендована читателю по-революционного сознания. **М. А.**

Я. А. БРОМБЕРГ. Запад, Россия и Еврейство. Опыт пересмотра еврейского вопроса. С предисловием В. Н. Ильина. Прага. Издание евразийцев.

Вот иногда так случается — о книге хочется сказать: наверно хороший человек ее писал и преисполнен был намерениями похвальными — а уж лучше-бы ему заняться чем-нибудь другим. Своими напыщенными вещаниями, легковесными и претенциозными, гражданин Бромберг не убедит «ни эллина, ни иудея». Странная вообще затея — издание этой книги. Надо думать — некоторые евразийцы решили «перестраховаться» от обвинений в антисемитизме, в свое время упорно против них выдвигавшихся. Со всем этим, повидимому, довольно наивно связываются какие-то тактические перспективы.

Однако, чтобы не цитировать автора предисловия, В. Н. Ильина, — «никаких признаков подлинно - углубленного подхода к единственной в своем роде, жгучей и страшной проблеме Израиля» во всей этой книге не заметно. **В. М.**

ВЕСТНИК СОЮЗА РУССКИХ ДВОРЯН. Выпуск второй. Париж 1931.

Поистине, — бумага все терпит. После всего случившегося — помолчать-бы. Так нет-же — в Париже какие-то чудаки, лишенные самого примитивного чувства юмора, организовали «Союз Русских Дворян». Ничего не случилось. Не было русской революции. В Сен-Бриаке сидит «царь». В Париже объединяются и разъединяются «дворяне»...

«...Председатель Собрания оглашает доклад Совета о выходе из Союза Объединений Курского и Петроградского, а также и молодежи из кружка, равно и принципиальную часть доклада о дальнейшем направлении деятельности и работы Союза Русских Дворян и просит Общее Собрание высказаться по этому вопросу... Л. А. Казем-Бек вносит предложение не голосовать эту принципиальную часть доклада, а предварительно передать ее на заключение губернских объединений...»

Это — из «Сатирикона»? Нет — из «Вестника Союза Русских Дворян»... **В. М.**

BIRMINGHAM BUREAU OF RESEARCH IN RUSSIAN ECONOMIC CONDITIONS. Memorandum № 2. July 1931. Memorandum № 3. October 1931. Memorandum № 4. February 1932.

В трех справочниках мы находим выпуклый и добросовестный подбор цифр, дающих в области экономической статистики ценнейший матерьял. Много сделано для приведения «к одному знаменателю» трудно сопоставляемых определений, как, например, качественной и количественной оценки производства. Помимо описательной стороны дела, пояснительная записка к таблицам уже намечает подход к загадкам, стоящим за приведенными итогами, вне пределов экономики.

Меморандумы издаются систематически — каждый посвещен определенной проблеме. Когда их цикл завершится, интересно будет узнать мнение авторов о том, например, — в какой мере хозяйственные порядки созданы в России хозяйственными и другими распорядками «заграницы». Впрочем — вопросов могло бы еще быть задано много, — и в числе их: не есть-ли столь добросовестное и серьезное документирование иностранцев о том, как отстраивается ныне Россия, как она осуществляет предпосылки для своего экономического самодовления, как растет ее экономическая обороноспособность — не есть-ли это некое не вполне патриотическое действие? И не лучше-ли предоставить иностранцам самим разбираться в лабиринте коммунистической статистики?

В. М.

НИКОЛАЙ РЕРИХ. Держава света. К-во Алатас в Чураевке, Саусбери, Коннектикут, Сев. Америка.

Один из столпов русской живописи, крупный художник Н.

К. Рёрих за последнее десятилетие значительно усилил и развил в поистине «мировом масштабе» свою культурно-просветительную деятельность, полную подлинного человеколюбия, исполненную порыва к немеркнущему свету. «Держава света», последняя его книга, вся полна веры в высокое призвание человека, в силу человеческой культуры в лучшем и глубочайшем смысле этого слова, веры в то, что Единый Сущий культивирует человечество для святой, возвышенной цели. Автор исполнен мудрого смирения. Он повидимому посвещен в многие тайны Востока, но остался верен русской народной традиции, русским святыням.

Удивительнее всего, что широчайшая по своему размаху деятельность Н. К. Рёриха, хорошо известная культурному человечеству обоих континентов, упорно и как-будто нарочито замалчивается в русской прессе. Это тем более странно, что не только его произведения незаурядны, но и вся деятельность его, как она вырисовывается по целой серии выпущенных книг, являет собой мощное и самобытное проявление русского духа в универсальном его аспекте. **Н. Ф.**

---

hebdomadaire illustré.« *VU* ». № 192. Enquête au pays des Soviets. Paris 18-XI-31.

В ноябре прошлого года вышел специальный № журнала «Vu», посвещенный современной России. Как и следовало ожидать, он вызвал бурю самых разнородных отзвуков: с одной стороны классическое возмущение, с другой — мало обоснованный энтузиазм.

Целый ряд снимков (к слову сказать — прекрасно исполненных) долженствует дать наглядный облик русской жизни во всех ее видах. От этих фотографий, в целом, веет каким-то невыносимо-пошлым благополучием и мещанским довольством. Кодак — предмет послушный (да и руки, им орудующие, тоже). Но откинув элегантных работниц в платьях от Lanvin; рабочих в белых брюках, играющих в теннис; не останавливаясь на обозрении модных пляжей — мы не можем не отнестись серьезно к видам Магнитостроя или Днепростроя, к ирригационным каналам, к новым заводам. Снимками этих последних разрушается миф, прочно внедрившийся в некоторых кругах эмиграции, согласно которому Россия представляет собой груду развалин, а каждая попытка строительства усиливает общую разруху. Если на фотографиях и не слишком убедительны праздничные, откормленные лица рабочих — то за то плотины Днепростроя наглядно доказывают, что пятилетка успешно осуществляется; нефтяные колодцы, здания фабрик, виды городов много показательнее, конечно, чем отчеты о том, сколько не хватает чайных ложек в столовых или что в ко оперативах попадаются шестипалые перчатки.

Помещенные в номере статьи не заслуживают рецензии: слишком уж навязчива их тенденциозность. Впрочем, укажу на заметку де Монзи — она может быть

полезна молодым эмигрантам (и даже интересна), сжато и наглядно излагая сущность и общую структуру советского государственного устройства; пояснительны и приложенные к ней схемы.

В итоге, отбросив более или менее добросовестное ослепление авторов и фотографов, мы должны все таки признать, что отчетный номер французского журнала дает ценную для эмигрантов картину того нового быта России, который так охотно многими игнорируется — и который нам необходимо внимательно изучить и прочувствовать.

И главное: напоминает нам, что Россия страна живая, строющаяся и с великим будущим. **Л. С.**

С. ДМИТРИЕВСКИЙ. Советские портреты. Изд. Стрела. Берлин 1932.

Перед нами — новый зигзаг сложного пути талантливого невозвращенца. Сначала от Цезаря к Вашингтону, теперь от Вашингтона к «народному царю». Можно, нам думается, не выходя за межу пореволюционности, утверждать и монархическую форму разрешения российской проблемы; только после-революционный советский монархизм едва-ли идеологически связуем с эмигрантскими мечтами о реставрации легитимизма. За «народным»-же царем Дмитриевского, через призму «Младоросской Искры», как-будто уже начинает обрисовываться вполне дореволюционная тень зарубежного «законного» императора. Куда дальше? Трудно сказать. «Буферное» примечание к предисловию предрекает и еще горшие тупики...

«Нет еще новой системы идей» пишет автор на одной из последних страниц своей книги. Замечание справедливое. Вот как раз эту **новую** систему и надо искать — притом не увлекаясь «повторением пройденного».

Но отбросим политические блуждания С. В. Дмитриевского — он может быть еще и найдет свою дорогу; во всяком случае никто не в праве усумниться в искренности его исканий. Займемся книгой. Она исключительно интересна и написана, как всегда, прекрасно. И те выводы, которые из нее напрашиваются — может быть вопреки воле автора, подтверждают правильность наших, а не его (новых) позиций.

Ознакомившись с «Советскими портретами» читатель много лучше поймет творящееся в России «на верхах» компартии, лучше сможет расценить то или иное событие внутренней жизни СССР, правильнее учтет те силы, которые нам предстоит частью преодолеть, частью использовать.

Дмитриевский пишет пряно, образно и глаз у него зоркий. Рецензируемая книга — ценный подарок всякому, изучающему современную Россию. **Ш.**

УТЕС. Литературно-художественный ежемесечник. № 1. Декабрь 1931. Вильна.

Среди многочисленных, литературно-художественных журналов издающихся в лимитрофных го-

сударствах, первый номер журнала «Утес» сразу-же обращает на себя внимание техническими достоинствами: хорошая и четкая печать, отсутствие опечаток, ясные клишэ. Содержание журнала разнообразно и если не всегда одинаково ценно с точки зрения художественной, то, во всяком случае, всегда занимательно. Все же редакции журнала не удалось избавиться от некоторого налета провинциализма, налета не слишком досадного, но чрезвычайно характерного для всех лимитрофных изданий. Провинциализм этот особенно заметен в женских стихах и женских рассказах, иногда гимназически-очаровательных (рассказ «Страдательный залог» Лидии Сеницкой), иногда претенциозных. Со стихами не все благополучно.

Рассказы — «Встреча» Аполлоса Соллогуба и «Вера Николаевна» В. Мансуровой совсем неудачны, особенно второй. В критическом отделе обращают на себя внимание статьи «Поэты Чисел» П. Каценельсона, с отдельными оценками которого однако можно не соглашаться, и черезчур сжатая, к сожалению, статья Д. Бохана о мистической эпопее Ю. Словацкого «Король-Дух». Статья С. Бохан о творчестве Розанова «Неразгаданный мыслитель» прекрасна и гораздо удачнее ее стихотворения в прозе «К Нему».

Во всяком случае следует порадоваться усилию, которое сделала редакция «Утеса», выпуская в наших тяжелых зарубежных условиях журнал, посвященный литературе и искусству. Будем надеяться, что первый номер — не последний.

А. Л.

К ОРГАНАМ ПЕЧАТИ

Предлагается всем органам печати **обмен изданиями.**
В случае помещения отзыва об «Утверждениях» — просьба высылать 3 экземпляра в Редакцию.

К ЧИТАТЕЛЯМ

После выхода из печати первой книги «Утверждений» Редакцией было получено 112 писем с вопросами и критическими замечаниями читателей. После выхода второй — 137.

Редколлегия расчитывает, что на этот раз **каждый** читатель напишет, что думает о журнале, что хотел-бы в нем найти, в какой форме мог-бы принять участие в общей работе. Журналу нужно иметь возможно больше корреспондентов на местах — особенно в приграничных с Россией странах и Америке. Нужны представители по распространению «Утверждений» и «Завтра». Лица, следящие за местною печатью и могущие систематически присылать вырезки.

Редакционная Коллегия просит и впредь направлять всю переписку, статьи, вырезки с отзывами и книги для рецензий по адресу:
G. Schirinsky-Schikhmatoff, 29, Rue Barbès, Issy-les-Moulinaux (S.).

Библиотеки и пореволюционные организации, выписывающие книги из Редакции, за пересылку не платят.

КНИГИ, ПРИСЛАННЫЕ ДЛЯ ОТЗЫВА

Николай Рерих. Держава Света. К-во Алатас. Саусбери, С. Америка.
На вічну ганьбу Польщі, тверині варварства в Европі. Прага 1931.
La plus Sombre Pologne. Lausannes 1931.
Polish atrocities in Ukraine. New-York-City 1931.
В. Яновский. Мир. Изд-во Парабола. Берлин 1931.
Третья Россия. Париж 1932.
Влад. Гущик. Каквас. История одной собаки. Книга для детей. 1931.
Влад. Гущик. На краю. Рассказы. Изд-во Панорама. Таллинн 1931.

ОТ КНИЖНОГО МАГАЗИНА Я. Е. ПОВОЛОЦКИЙ И К-о:

Г. А. Соломон. Среди красных вождей, т.т. 1 и 2. Париж 1930.
Г. Н. Полковников. Диалектика истории. Изд. евразийцев. Париж 1931.
Тридцатые Годы. Сборник. Изд. евразийцев. Париж 1931.
Я. А. Бромберг. Запад, Россия и Еврейство. Изд. евразийцев. Прага.

ОТ «ДОМА КНИГИ»:

С. В. Дмитриевский. Сталин. Изд-во Стрела. Берлин 1931.
С. В. Дмитриевский. Советские портреты. Изд. Стрела. Берлин 1932.
А. Югов. Пятилетка. Изд. Социалистического Вестника. Берлин 1931.
Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификаций. Изд. Гранит. Берлин 1932.
Поль Думер. Книга моих сыновей. Изд. Орест Зелюк. Париж 1932.
И. Стратонов. Русская церковная смута (1921-1931). Парабола 1931.
Анатолий Вершховский. Юмористические рассказы. Париж 1932.
Д. Барлен. Русские былины в свете тайноведения. Изд. Водолей. Париж.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

Свой Путь, №№ 2, 3, 4, 5 и 6. Кохтла-Ярве 1931-1932.
Новый Град, №№ 1, 2 и 3. Издание У.М.С.А. Париж 1931-1932.
Поворот, № 1. Рига 1932.
Младоросс, №№ 1-15. Париж 1930-1932.
Вестник Союза Русских Дворян. Вып. 2. Париж 1931.
Ллойд-Журнал, № 2. Париж-Берлин 1932.
Утес, № 1. Вильно 1931.
Норд-Ост, №№4 и 5. Рига 1932.
Панорама, №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Под ред. В. Е. Гущика. Таллинн. 1931-1932.
Memorandum, №№ 2, 3 & 4. Birmingham Bureau of Research, 1931-1932.
Vu, № 192. Hebdomadaire illustré. Paris 1931.
Nouvelles de l'Inde, №№ 1, 2 et 3. Bulletin d'information. Paris 1932.
Мукден, Ежедн. веч. газ., под ред. Г. И. Клерже. Мукден 1932.
Народная Газета, Орг. Р.Н.П. на Словакии. Пряшев 1931-1932.
Вестник Крестьянской России, Прага 1931.

О КНИГАХ ВЛАД. ГУЩИКА

А. В. Амфитеатров — В. Е. Гущику: «...Спасибо Вам за присылку **«Христовых Язычников».** Прекрасные рассказы. Вы, несомненно, талантливый человек... Когда я вижу в зарубежной русской литературе нового, даровитого автора, радуюсь вдвое и втрое больше, чем самому превосходному произведению литературного старика. Потому что хороших стариков-то у нас немало, а молодежь еще либо не наладилась, либо не проснулась: редки отрадные явления.

Из рассказов мне наиболее понравились: «Село Жмы», «Ничьи», «Дед Кузьма» и «Горе дьякона». Да все хороши!..».

О той-же книге **«Христовы Язычники»** пишет **Ив. С. Шмелев:**

«...Прочитал книгу с большим интересом. У Вас, на мой взгляд, безусловное литературное дарование, легкий язык, много лиризма — и не наигранного, — хороший глаз, опыт в «слове»; чувствуется, что Вы много читали, и **хорошо** читали: вкус достаточно выработался, усвоены добрые технические приемы, нет растянутостей, — вообще. Вы уже **готовый.** Слово так Вам послушно, глаз привык видеть, ухо правильно ловит живую речь. Чувствуется, что Тургенев, Чехов, Куприн, может быть, Бунин — Ваши любимцы. Словом, учились Вы по знатным образцам. Но у Вас это «учение» претворено **своим.** Учить Вас нечему, Вы достаточно умелый.

«Жмы» — крепкий рассказ, очень сжатый и содержательный, и широкий. Верно взято... Чудесен и «Ничьи»... та-же манера в рассказе — **прекрасном** — «Шесть дней»... Очень хороши «легенды». Да и вся книга — милый подарок для читателя русского, такая любовная, такая ласкающая — вся о нашем...».

Недавно вышла из печати новая книга того-же автора — «На краю».

Об обеих книгах пишет **акад. Н. К. Рерих:** «...Красота, значительность природы, слеза сердечных осознаний, зерна строительства и поиски героизма — все эти элементы Вашего творчества делают книги Ваши и близкими, и нужными. Искренность и сердечная непреложность вносят ту убедительность, которая не заменима никакою искусственностью, хотя-бы изысканною. Вы не берете жизнь односторонне, но в ее настоящей сложности, — и не уходите от простоты...».

Выписывать книги (по 15 франков в Европе, 60 центов в Азии и Америке) **можно через автора:**

V. Guštšik, Koidu 49, *Tallinn* (Revàl), Estonia.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СОХРАНЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРАВО СОКРАЩЕНИЙ И ИСПРАВЛЕНИЙ ТЕКСТА. РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Le Gerant : I. Rossel-Chiot.

Imp. de la Soc. Nouv. d'Ed. Franco-Slaves, 32, r. de Ménilmontant, Paris (20e).

Содержание книги 1-ой «УТВЕРЖДЕНИЙ»: От Редакции. Н. А. Бердяев: Открытое письмо к пореволюционной молодежи. Е. Ю. Скобцова: Чем может быть пореволюционное народничество. П. С. Баранецкий: О русском мессианизме. Ю. А. Ширинский-Шихматов: Освобождение. Я. М. Меньшиков: Тени свершений. Д. К. Даниленко: Пореволюционные позиции. П. С. Баранский: Назревание событий. С. В. Дмитриевский: О нашем историческом завтра. В. Г. Жуков: На тему о национальном перевороте. М. М. Артемьев: Подпольные журналы в современной России. И. В. Степанов: Современный монастырь. А. Д. Хилков: Эмиграция и труд. Отзывы о книгах. Стр. 96. Тираж 600 экз. Несколько оставшихся книг по 25 франков

Содержание книги 2-ой «УТВЕРЖДЕНИЙ»: От Редакции. Н. А. Бердяев: Основной вопрос нашей эпохи. Ф. А. Степун: В защиту свободы. Н. С. Тимашев: В поисках новой России. Е. Ю. Скобцова: Российское мессианское призвание. Я. М. Меньшиков: Отражения. В. Н. Никольский: Азия и человечество. Истоки. А. Д. Холодилов: Вчера. Сегодня. Завтра. Ю. А. Ширинский-Шихматов: Об антитезисе. Г. В. Немирович-Данченко: Монастыри горят. Н. К. Ладов: Ватикан и Квиринал. М. М. Артемьев: Искание нового миросозерцания (религиозно-общественные течения в СССР). Философия культуры. Учение о синакратии. С. В. Дмитриевский: Сталин. И. В. Степанов: Россия и эмиграция. О. А. Сарматов: Дух интервенции. П. Р. Силиченко: Или — или. Е. Д. Кускова: Что именно утверждается? (письмо в редакцию). Хроника. Отзывы о книгах. Стр. 144. Тираж 1.200 экз. Несколько оставшихся книг можно приобрести по 15 франков (60 центов).

Книга третья «УТВЕРЖДЕНИЙ»: Стр. 192. Тираж 1.800 экз. Цена 10 франков (40 центов). После выхода в свет следующей, 4-ой, книги журнала — цена на третью будет повышена.

Принимается подписка на **книгу четвертую «УТВЕРЖДЕНИЙ»:** Стр. ок. 200, тираж 2.000 экз. Во Франции с пересылкой 5 фр., за границу — 7. По выходе из печати цена будет повышена.

Принимается подписка на **№ 1 ежемесячника «Завтра»:** начнет выходить осенью 1932 года, при том-же составе сотрудников. С пересылкой во Франции — 3 франка, за границу — 4 франка.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: *Mr G. ŠCHIRINSKY-SCHIKHMATOFF, 29, RUE BARBES, ISSY-LES-MOULINEAUX. SEINE. FRANCE.*

Проживающие во Франции могут пользоваться для денежных отправлений compte chèques postaux 1260-96, à diriger s. Paris.

Книжное дело „ДО КНИГИ“. — Париж

НОВИНКИ О СКЛАДА

Долл.

М. **Алданов.** Современники. 2- .... 1.—
М. **Алданов.** Земли. Люди. 1.50
Е. **Аничков.** Язычница. Роман. .... 1.—
Д. **Барлен.** Русские былины в ультизма (тайноведения). 0.40
А. **Безант.** Введение в Иогу. 0.80
Н. **Берберова.** Повелительница . ... (в печати).
А. **Вершховский.** Юмористическ азы 0.40
Н. **Вихровский.** Время. Роман. . ... 1.—
С. **Дмитриевский.** Советские пор ы. 1.50
П. **Думер.** Книга моих сыновей. Авториз. посмерт. изд. 1.20
Иер. **Иоанн.** Белое иночество. 0.36
В. **Крымов.** Барбадосы и Каракасы. 1.25
Э. **Куэ.** Самовнушение. 2-ое изд. 0.50
Ант. **Ладинский.** Северное сердце Стихи. 0.40
Д. Г. **Лоренс.** Любовник лэди ерлей. Роман. .... 3.—
М. **Ларсонс.** В советском лаби е. 1.25
Ю. **Мандельштам.** Верность. Стихи. 0.48
Д-р **Миллис.** Как нужно жить. Сохран. здоровья и леч. Илл. 2.—
Н. **Наживин.** Во дни Пушкина. 3 т.т. .... по 1.—
Б. **Николаевский.** История одного предателя (Азеф). 1.75
М. **Осоргин.** Свидетель истории. Роман. 1.40
В. **Ракинт.** Бридж. Введение и игр 0.50
«Роща». 2-ой сборник берлинс поэтов. 0.36
П. **Савицкий.** Месторазвитие ру промышленности. 0.80
В. **Смоленский.** Закат. Стихи. 0.40
И. **Стратонов.** Русская церковна ута. 1921-1931 .... 1.—
Анна **Таль.** Клетчатое солнце. Р .... (в печати)
К. **Унгер.** Что такое антропософ 0.20
В. **Уперов.** Реклама. Ее сущност ачение, средства. 1.20
«Утверждения». Книга 3-ья. 0.40
Ю. **Фельзен.** Счастье. Роман. ... . (в печати)
«Числа». Литературно-художест сборник. Книга 6-ая. 1.—
В. **Яновский.** Мир. Роман. 1.50

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

MAISON DU LIVRE ETRANGER, Rue de l'Eperon. Paris 6e